ЧЕРНАЯ FANTASY

САДЫ ЛУНЫ

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Сады Луны

«Эксмо»
1999

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

Эриксон С.

Сады Луны / С. Эриксон — «Эксмо»,
1999 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-699-66028-5

Малазанская империя переживает свой расцвет. Ее войска захватывают очередной континент – Генабакис, однако здесь им противостоят не только местные жители, но и высшие, сверхъестественные силы. Интриги в армии, из-за которых под угрозой гибели оказывается знаменитая команда «Мостожогов» из Девятого взвода. Появление у осажденного города Даруджистан летающей крепости, населенной древним племенем тисте анди. Изменения в магическом раскладе Колоды Драконов, а также – среди великих Взошедших, что равны самим Богам. И все это – только начало изменений, которые потрясут этот и иные миры. Роман «Сады Луны» впервые выходит в новом, полном и комментированном переводе. При работе над текстом переводчик и редактор консультировались непосредственно с самим автором; благодаря этому учтены отсылки к следующим томам цикла.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-699-66028-5

© Эриксон С., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Предисловие для русского издания 6
Благодарности 7
Действующие лица 8
Малазанская империя 8
Войско Однорукого 8
«Мостожоги» 8
Имперское командование 8
Дом Паран (Унта) 8
Из времен Императора 8
В Даруджистане 10
Постоянные посетители таверны «Феникс» 10
Ложа Т’орруд 10
Совет 10
Гильдия убийц 10
Также в городе 10
Другие действующие лица 11
Тисте анди 11
Т’лан имассы 11
Остальные 11
Сады Луны 12
Пролог 12
Книга первая 17
Глава первая 17
Глава вторая 39
Глава третья 62
Глава четвёртая 80
Книга вторая 105
Глава пятая 105
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Стивен Эриксон
Сады Луны

Этот роман посвящается И. К. Эсселмонту

«Покорять миры – делиться мирами»

Steven Erikson
Gardens of the Moon
Copyright © Steven Erikson 1999.
This edition is published by arrangement with Transworld Publishers, a division of The Random House Group Ltd. All rights reserved
© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Предисловие для русского издания

Здравствуйте, мои новые русские читатели!

Добро пожаловать в первый из десяти романов серии «Малазанская Книга Павших». От всей души надеюсь, что эти романы вам понравятся. Я понимаю, что их совокупный объём может показаться обескураживающим, но, если уж на то пошло, думаю, ваше терпение и стойкость будут с лихвой вознаграждены. По крайней мере, надеюсь на это.

Так или иначе приготовьтесь к бешеной скачке…

Добра вам и мира, ваш Стивен Эриксон

Благодарности

Ни один роман не пишется в одиночестве.

Автор хочет поблагодарить за многолетнюю поддержку – Клер Томас, Боуэна, Марка Пакстон-Макрея, Дэвида Кека, Кортни, Райана, Криса и Рика, Мирэй Терьяселт, Дэнниса Волдрона, Кита Эдисона, Сьюзан, Дэвида и Херриэт, Клер и Дэвида Томаса Мл., Криса Роделла, Патрика Кэрролла, Кейт Пич, Питера Ноульсона, Руна, Кента, Вэл и детей, моего неутомимого агента Патрика Уолша и Саймона Тейлора, изумительного редактора.

Действующие лица

Малазанская империя

Войско Однорукого

Рваная Снасть – кадровая чародейка из Второй армии, читает Колоду Драконов
Локон – кадровый маг из Второй армии, неприятный соперник Тайшренна
Калот – кадровый маг из Второй армии, любовник Рваной Снасти
Ток Младший – разведчик из Второй армии, агент Когтей, получил ужасный шрам при осаде Крепи

«Мостожоги»

Сержант Скворец – Девятый взвод, бывший командир Второй армии
Капрал Калам – Девятый взвод, бывший Коготь из Семи Городов
Быстрый Бен – Девятый взвод, маг из Семи Городов
Жаль – Девятый взвод, убийца в облике юной девушки
Вал – Девятый взвод, сапёр
Скрипач – Девятый взвод, сапёр
Тротц – Девятый взвод, воин-баргаст
Молоток – Девятый взвод, взводный целитель
Сержант Мураш – Седьмой взвод
Хватка – Седьмой взвод

Имперское командование

Ганос Стабро Паран – малазанский офицер благородного происхождения
Дуджек Однорукий – Первый Кулак, армия Малазана, Генабакисская кампания
Тайшренн – Высший маг на службе Императрицы
Беллурдан – Высший маг на службе Императрицы
Ночная Стужа – Высшая чародейка на службе Императрицы
А’Каронис – Высший маг на службе Императрицы
Лорн – адъюнкт Императрицы
Шик – Глава Когтей
Императрица Ласиин – правительница Малазанской империи

Дом Паран (Унта)

Тавор – сестра Ганоса (второй ребенок)
Фелисин – самая младшая сестра Ганоса
Гамет – стражник и ветеран

Из времен Императора

Император Келланвед – основатель Империи, убитый Ласиин

Танцор – первый советник Императора, убитый Ласиин
Стерва – имя, которое носила Ласиин, когда была Главой Когтей
Дассем Ультор – Первый Меч Империи, убитый у стен Й’гхатана в Семи Городах
Ток (Старший) – исчез, когда Ласиин проводила выбраковку в Старой гвардии

В Даруджистане

Постоянные посетители таверны «Феникс»

Крупп – человек ложной скромности
Крокус Новичок – молодой вор
Раллик Ном – убийца из Гильдии
Мурильо – придворный
Колл – пьяница
Миза – постоянная посетительница
Ирильта – постоянная посетительница
Нахал – кабатчик
Салти – служанка
Шерт – неудачливый задира

Ложа Т’орруд

Барук – Высший алхимик
Дэрудан – теннесская ведьма
Маммот – Верховный жрец Д’рисса и выдающийся ученый, дядя Крокуса
Травейл – благочестивый солдат ложи
Толис – Высший маг
Паральд – Высший маг

Совет

Тюрбан Орр – влиятельный советник и любовник госпожи Симтал
Лим – союзник Тюрбана Орра
Симтал – госпожа усадьбы Симталов
Эстрайсиан Д’Арле – соперник Тюрбана Орра
Ваза Д’Арле – его дочь

Гильдия убийц

Воркан – госпожа Гильдии (известная также как Магистр убийц)
Оцелот – глава клана Раллика Нома
Тало Крафар – убийца из клана Джуррига Денатта
Круйт Тальентский – агент Гильдии

Также в городе

Угорь – по слухам, великий шпион
Разрушитель Круга – агент Угря
Вильдром – городской стражник
Капитан Стиллис – капитан стражи, усадьба Симталов

Другие действующие лица

Тисте анди

Аномандр Рейк – Владыка Лунного Семени, Сын Тьмы, Рыцарь Тьмы
Сэррат – первая помощница Рейка
Корлат – ночная охотница и родственница Сэррат
Орфантал – ночной охотник
Горульт – ночной охотник

Т’лан имассы

Логрос – командир т’лан имассов, которые служат Малазанской империи
Онос Т’лэнн – воин, лишившийся клана
Пран Чоль – заклинатель костей (шаман) из Кроновых т’лан имассов
Киг Авен – вождь клана

Остальные

Карга – великая ворониха и прислужница Аномандра Рейка
Силана – элейнт, спутница Аномандра Рейка
Рейст – яггутский Тиран
К’рул – Старший бог, Созидатель Троп
Каладан Бруд – военачальник, сражающийся против малазанских армий в Северной кампании
Каллор – правая рука Бруда
Князь К’азз Д’Авор – командир Багровой гвардии
Джоррик Острый Дротик – офицер из Багровой гвардии
Колпак – Высший маг из Багровой гвардии
Капрал Сплин – Шестой Клинок Багровой гвардии
Палец – Шестой Клинок Багровой гвардии
Бэран – Гончий Пёс Тени
Бельмо – Гончая Тени
Зубец – Гончий Пёс Тени
Крест – Гончий Пёс Тени
Шан – Гончая Тени
Доан – Гончий Пёс Тени
Ганрод – Гончий Пёс Тени
Престол Тени/Амманас – Хозяин Пути Тени
Узел/Котильон – спутник Престола Тени и Покровитель убийц
Икарий – создатель Колеса веков в Даруджистане
Маппо – спутник Икария
Паннионский Провидец – пророк и тиран, который правит Паннионским Домином

Сады Луны

Древнюю книгу берём мы – ныне,
когда пепел давно уж остыл.
Эти страницы в пятнах масла
поведают нам легенды о Павших,
словами бесстрастными – о ветхой империи.
Почти угас очаг, сиянье его и искры живые —
ныне лишь воспоминания в потускневших очах –
что же тронет меня, что оживит мысли мои,
когда я открою Книгу Павших
и вдохну глубоко запах истории?
Слушай же эти слова, дыханьем рождённые.
Сказания эти – сказанья о всех нас,
се – повторяются.
Мы – история, вновь прожитая, вот и всё,
и так бесконечно, – и более ничего[1].

Император мёртв!
И правая рука его мертва – холодна и отрублена!
Но взгляни на умирающие тени:
сдвоенные, окровавленные и избитые, они утекают
прочь от смертного взгляда…
Свободный от власти скипетра,
стекает с золочёного канделябра свет,
и очаг, что выложен самоцветами,
семь лет истекал, как кровью, теплом…
Император мёртв.
Мёртв его спутник, разрублен узел.
Но взгляни на грядущее возвращенье —
дрожащая темень, изорванный саван —
избирает чад в умирающем свете Империи
Услышь, как снова звучит погребальный плач,
перед закатом солнца, день истекает багрянцем
на искалеченный край, и в очах обсидиановых
месть отбивает семь ударов…

Фелисин (род.1146). Призыв к Тени (I.i. 1 – 18)

Пролог

1154-й год Сна Огни

[1] Почти все стихотворные эпиграфы у Стивена Эриксона написаны – в отличие от русской традиции стихосложения – без рифм. Мы не нарушали авторского замысла и старались максимально точно передать ритм и наличие/отсутствие рифмовки в оригинале, а главное – содержание, поскольку многие из эпиграфов отсылают к событиям из истории описываемого Эриксоном мира. – *Здесь и далее прим. ред.*

96-й год Малазанской империи
Последний год правления императора Келланведа

Пятна ржавчины кровавыми морями растеклись по чёрной, щербатой поверхности флюгера. Уже больше века он вертелся на острие старой пики, накрепко прибитой к внешней стене Паяцева замка. Огромный и уродливый, флюгер был вхолодную выкован в форме крылатого, скалящегося в зловещей ухмылке демона, и теперь он ворочался и возмущённо визжал при каждом порыве ветра.

Переменчивый ветер играл столбами дыма, которые поднимались над Мышиным кварталом города Малаза. Молчание флюгера обозначило миг, когда вдруг стих морской бриз, штурмовавший до этого изрезанные стены Паяцева замка, но потом демон снова ожил и заскрипел под напором полного искр, горячего и дымного дыхания Мышиного квартала, которое добралось уже и до этого высокого мыса.

Ганос Стабро Паран из Дома Паранов встал на цыпочки, чтобы выглянуть за мерлон. У него за спиной высился Паяцев замок, некогда – столица, но теперь, после покорения материка, снова всего лишь резиденция местного Кулака Империи. Слева возвышалась пика с её капризным наездником.

Для Ганоса древняя замковая стена была слишком знакомой и привычной, чтобы представлять хоть какой-то интерес. За последние три года он трижды был здесь; давно уже облазил весь мощённый неровными каменными плитами двор, Старую крепость – её теперь отдали под конюшню, а на верхних этажах воцарились голуби, ласточки и летучие мыши – и саму цитадель, где прямо сейчас его отец торговался за вывозные пошлины с портовыми распорядителями. В цитадели, конечно, пускали далеко не всюду – даже отпрыска благородной фамилии; ведь там располагалась резиденция Кулака, и во внутренних покоях дела острова решались уже на имперском уровне.

Позабыв о Паяцевом замке, Ганос внимательно смотрел на потрёпанный город внизу и на следы беспорядков, прокатившихся по его беднейшему кварталу. Паяцев замок стоял на самом верху утёса. На Вершину вела виляющая лестница, высеченная в известняковом склоне. До города отсюда было саженей восемьдесят, а то и больше – да ещё шесть саженей замковой стены. Мышиный квартал расположился у внутренней границы города – запутанный лабиринт лачуг и разросшихся надстроек, который рассекала напополам пробивавшаяся к гавани илистая речушка. Поскольку между наблюдательным постом Ганоса и беспорядками лежал практически весь Малаз, мальчик не мог рассмотреть почти ничего, кроме толстых столбов чёрного дыма.

Солнце еще стояло в зените, но яркие вспышки и рокочущий грохот боевой магии превращали полдень в тёмные и густые сумерки.

Позвякивая доспехами, на стену рядом с ним вышел солдат, положил прикрытую наручем руку на парапет, и ножны его длинного меча царапнули камень.

– Радуешься, что сам – благородных кровей, да? – спросил солдат, направив взгляд своих серых глаз на тлевший внизу город.

Мальчик внимательно осмотрел солдата. Он уже знал все полковые формы Имперской армии, и этот человек был офицером Второй – элитной, личной гвардии Императора. На тёмно-сером плаще красовалась серебряная фибула: каменный мост, освещённый рубиновыми языками пламени. «*Мостожог*».

Важные военные и гражданские чины Империи часто наведывались в Паяцев замок. Остров Малаз оставался важнейшим портом, особенно теперь, когда на юге началась Корельская война. Ганос таких уже навидался – и здесь, и в столице, в Унте.

– Так это правда? – храбро спросил Ганос.

– Что правда?

– Первый Меч Империи. Дассем Ультор. Нам в столице рассказали как раз перед отъездом. Он умер. Это правда? Дассем погиб?

Человек вздрогнул, но не отвёл глаз от Мышиного квартала.

– На то и война, – вполголоса пробормотал он, будто говорил сам с собой.

– Вы же из Второй армии. Я думал, Вторая должна быть с ним, в Семи Городах. У Й'Гхатана…

– Худов дух! Они до сих пор ищут его тело прямо в горячих развалинах проклятого города, а тут ты, сын торговца, за три тысячи лиг от Семи Городов знаешь то, что положено знать лишь немногим. – Он так и не повернулся. – Не знаю, откуда эти сведения, но послушай мой совет: держи их при себе.

Ганос пожал плечами:

– Говорят, он предал одного из богов.

Вот теперь солдат обернулся. Его лицо покрывали шрамы, а челюсть и левую щёку уродовал ожог. Но несмотря на это, солдат выглядел слишком молодым для командира.

– Извлеки из этого урок, сынок.

– Какой урок?

– Каждое твоё решение может изменить мир. Лучшая жизнь – та, которую боги не замечают. Хочешь жить свободным, мальчик, – живи тихо.

– Я хочу стать солдатом. Героем!

– Подрастёшь – перехочешь.

Флюгер заскрипел, когда порыв ветра из гавани разогнал завесу дыма. Теперь Ганос чуял запах гниющей рыбы и вечную портовую вонь человечества.

К командиру подошёл другой «мостожог»; за спиной у него была привязана сломанная, обугленная скрипка. Он был жилист и очень молод – всего на несколько лет старше Ганоса, которому едва сравнялось двенадцать. Его лицо и внешнюю сторону кистей покрывали странные оспины, а поверх грязной, видавшей виды формы он носил дикую смесь заморских доспехов и знаков отличия. У бедра висел короткий меч в треснувших деревянных ножнах. Пришедший с лёгкой непосредственностью старого приятеля прислонился к мерлону рядом с первым солдатом.

– Дурно пахнет, когда колдуны пугаются, – заметил он. – Они там теряют контроль. Разве нужен был целый взвод магов, чтобы выкурить парочку свечных ведьм?

Командир вздохнул.

– Я думал, может, они там возьмут себя в руки.

Солдат хмыкнул.

– Они все зелёные, непроверенные. Это многих из них навсегда изуродует. К тому же, – добавил он, – некоторые там исполняют чужие приказы.

– Это только подозрения.

– Так вот они, доказательства, – возразил второй. – В Мышатнике.

– Может, и так.

– Опять всех защищаешь? – спросил солдат. – Стерва говорит, это твоя самая большая слабость.

– О Стерве пусть у Императора голова болит, не у меня.

В ответ солдат снова хмыкнул.

– Может у всех нас скоро заболеть.

Командир молча повернулся и внимательно посмотрел на своего спутника. Тот пожал плечами.

– Просто чувство такое. Она же новое имя взяла, знаешь? Ласиин.

– Ласиин?

– Напанское словечко. Значит…

– Я знаю, что это значит.

– Надеюсь, Император тоже знает.

– Это значит «Хозяйка престола», – сказал Ганос.

Оба солдата уставились на него.

Ветер снова переменился и заставил железного демона стонать на пике – теперь в воздухе воцарился запах холодного камня самого замка.

– Мой учитель – напанец, – объяснил Ганос.

У них за спиной раздался новый голос – женский, властный и холодный:

– Командир!

Оба солдата повернулись, но без особой спешки. Командир сказал своему спутнику:

– Новой роте там внизу явно нужна помощь. Пошли Дуджека с одним крылом и найди сапёров, чтобы удержать пожары – не дело, чтобы весь город выгорел дотла.

Солдат кивнул и зашагал прочь, не удостоив женщину и взглядом.

Она и два её телохранителя стояли рядом с дверьми квадратной башни цитадели. Тёмная синеватая кожа выдавала в ней напанку, но в остальном в этой женщине не было ничего примечательного. Её балахон покрывали пятна соли, бесцветные волосы были по-солдатски коротко острижены, а черты лица казались неприметными. Но при виде её телохранителей Ганос вздрогнул. Они стояли по обе стороны от неё: высокие, затянутые в чёрное, кисти – в рукавах, лица прикрыты капюшонами. Ганос никогда раньше не видел Когтей, но сразу понял, что перед ним аколиты этого ордена. Значит, сама женщина – …

– Это твой бардак, Стерва, – сказал командир. – Кажется, мне придётся за тобой убирать.

Ганоса потрясло то, что в его голосе не прозвучало и намёка на страх – там был почти вызов. Стерва создала Когтей и сделала их силой, соперничать с которой мог только сам Император.

– Это уже не моё имя, командир.

Он поморщился.

– Говорят, что так. Ты, видимо, уверенно себя чувствуешь в отсутствие Императора. Не только он помнит тебя всего лишь служанкой в Старом квартале. Я так понимаю, благодарность уже давно испарилась.

По лицу женщины невозможно было понять, задели ли её слова солдата.

– Задача была простая, – сказала она. – Кажется, твои новые офицеры не способны с ней справиться.

– Дело вышло из-под контроля, – ответил командир. – Они неопытные…

– Не моя забота, – отрезала она. – И я не очень-то разочарована. Потеря контроля станет особым уроком для тех, кто противостоит нам.

– «Противостоит»? Горстка слабеньких ведьм, которые торгуют своими посредственными умениями, – и какая же у них коварная цель? Они находят косяки коравалов на мелководье. Худов дух, женщина! Вот уж угроза для Империи.

– Без разрешения. Они нарушают новые законы…

– *Твои* законы, Стерва. Которые не будут работать – а когда Император вернётся, он отменит твой запрет на колдовство, даже не сомневайся.

Женщина холодно улыбнулась.

– Ты будешь рад узнать, что с Башни уже сообщили: подходят грузовые суда для твоих новобранцев. Мы тут не будем скучать ни по тебе, ни по твоим беспокойным, мятежным солдатам, командир.

Не сказав больше ни слова и не бросив ни единого взгляда на мальчика, который стоял рядом с командиром, она развернулась и снова вошла в цитадель в сопровождении своих безмолвных телохранителей.

Ганос и командир снова стали смотреть на беспорядки в Мышатнике. Сквозь дым пробивались языки огня.

– Когда-нибудь я буду солдатом, – сказал Ганос.

Тот хмыкнул.

– Только если потерпишь неудачу во всём остальном, сынок. Поднять меч – это последний выход отчаявшегося человека. Запомни мои слова и найди себе более достойную мечту.

Ганос нахмурился.

– Вы не похожи на других солдат, с которыми я разговаривал. Говорите точно как мой отец.

– Но я-то не твой отец, – проворчал человек.

– Миру, – заявил Ганос, – не нужен ещё один виноторговец.

Командир прищурился и присмотрелся к нему. Открыл рот для очевидного ответа, но потом передумал.

Ганос Паран смотрел вниз на горящий квартал и был очень доволен собой. «*Да, командир! Даже мальчишка может сказать веское слово».*

Флюгер снова повернулся. На стену накатился горячий дым и окутал их. Теперь к вони горящей ткани, обожженной краски и раскалённых камней добавился сладковатый запах.

– Скотобойня горит, – сказал Ганос. – Свиньи.

Командир скривился. Через некоторое время он вздохнул и снова прислонился к мерлону.

– Как скажешь, мальчик, как скажешь.

Книга первая
Крепь

…чтобы противостоять наступлению Империи, на восьмой год Вольные города Генабакиса заключили контракты с несколькими армиями наёмников; особняком среди них стоят Багровая гвардия под командованием князя К'азза Д'Авора (см. тома III и V), а также полки тисте анди из Семени Луны под командованием Каладана Бруда и других.

Возглавляемые Первым Кулаком Дуджеком Одноруким, силы Малазанской империи в том году состояли из Второй, Пятой и Шестой армий, а также из морантских легионов.

Оглядываясь назад, можно сделать два важных замечания. Во-первых, союз с морантами в 1156 году привёл к фундаментальным изменениям в военной науке Малазанской империи – и их эффективность быстро стала очевидной. Во-вторых, участие чародеев тисте анди из Семени Луны ознаменовало начало охватившей весь континент Магической канонады, которая имела самые разрушительные последствия.

В 1163-м году Сна Огни осада Крепи завершилась магическим столкновением, которое вошло в легенды…

Имригин Таллобант (род.1151). Войны Империи 1158–1194 (Том IV, «Генабакис»)

Глава первая

По древним камням этой дороги
грохотали железные
подковы и барабаны
там где – когда-то видела я —
он поднимался
от моря меж холмами багрянцем облитый
в закат уходящий
мальчик в звучаньи многоголосого эха
братьев и сыновей шеренги
призрачных воинов он миновал
там где сидела я на истёртом
столбовом камне
на исходе дня —
шаги его ясно мне дали понять
всё что хотела узнать о нём
на этой дороге из камня
вот снова мальчик идёт
другой солдат, ещё один
с пламенным сердцем
которое пока не обратили
в стылый, жестокий металл

Автор неизвестен. Плач матери

1161-й год Сна Огни
103-й год Малазанской империи
7-й год правления императрицы Ласиин

– Не кнутом, так пряником, – бормотала старуха, – но всё одно Императрица своё возьмёт, как и сами боги. – Она отвернулась и сплюнула, а потом поднесла к сморщенным губам грязную тряпку. – Трёх мужей да двух сыновей я на войну проводила.

Маленькая рыбачка сверкающими глазами смотрела на проезжавших кавалеристов и почти не слушала, что говорит карга рядом с ней. Дыхание девочки стало частым, как рысь великолепных коней. Она почувствовала, что щёки пылают – и совсем не от жары. День умирал, солнце окрасило багрянцем деревья справа от неё, а ветер с моря холодил лицо.

– Это ещё во дни Императора было, – продолжила карга. – Чтоб его душу Худ на вертеле зажарил. Но ты смотри, дитя. Ласиин лучших из них отправит костями землю засеивать. Хе-хе, она и начала-то с *его* костей, верно?

Рыбачка бездумно кивнула. Как и положено низкородным, они ждали у обочины – старуха согнулась под мешком репы, а девочка удерживала на голове тяжёлую корзину. Не проходило и минуты, чтобы старуха не передвинула мешок с одного костлявого плеча на другое. Дорогу заполонили всадники, а позади насыпь круто обрывалась – в канаву с обломками камней, так что положить мешок было некуда.

– Кости разбрасывать, говорю. Кости мужей, кости сыновей, костей жён да кости дочерей. Ей всё равно. Империи всё равно. – Старуха снова сплюнула. – Три мужа и два сына, по десять монет за штуку. Пять по десять, то бишь пятьдесят. Пятьдесят монет за одинокий, холодный год, девочка. Холодная зима да холодная постель.

Девочка вытерла пыль со лба. Взгляд её ясных глаз метался между проезжавшими солдатами. Юноши в высоких сёдлах сохраняли суровые выражения лиц и смотрели строго перед собой. Немногочисленные женщины скакали с прямыми спинами и казались даже злее мужчин. Закатные лучи так блестели на шлемах, что у девочки заболели глаза и затуманилось зрение.

– Ты – дочь рыбака, – заявила старуха. – Я тебя видала на дороге и на берегу. Видала тебя с отцом на рынке. Он руку потерял, так ведь? Ещё костей в её сборище насыпал, да? – Она рубанула рукой воздух, а потом кивнула. – Я живу в крайнем от дороги доме. Покупаю на свои монеты свечи. Пять свечей зажигаю каждый вечер, пять свечей – всё, что осталось старой Ригге. Это уставший дом, и в нём полно уставших вещей, а я – одна из них, девочка. Что это у тебя в корзине?

Девочка не сразу поняла, что вопрос обращён к ней. Она неохотно отвлеклась от солдат и улыбнулась старухе:

– Извините, кони так топочут.

Ригга повторила, уже громче:

– Я спрашиваю, что у тебя в корзине, дитя?

– Бечева. На три сети хватит. Нам одну надо сделать на завтра. Папа последнюю потерял – что-то из моря сеть утащило, и весь улов тоже. Ильгранд Ростовщик требует деньги, которые нам дал в долг, так что завтра нам нужен улов. И хороший.

Она ещё раз улыбнулась и снова перевела взгляд на солдат.

– Правда, чудесно? – вздохнула она.

Рука Ригги быстро метнулась вперёд, ухватилась за тяжёлые чёрные волосы девочки и сильно дёрнула. Та вскрикнула. Корзина у неё на голове зашаталась, а потом соскользнула на плечо. Девочка лихорадочно пыталась её удержать, но корзина была слишком тяжёлой – ударилась о землю и треснула.

– А-а-а-ай! – запричитала рыбачка и попыталась опуститься на колени, но Ригга снова потянула её за волосы и повернула к себе.

– Слушай меня, дитя! – Кисловатое дыхание старухи ударило ей в лицо. – Уже сто лет Империя грызёт эту землю. Ты в ней родилась, а я – нет. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, Итко-Кан был страной. Мы поднимали флаг, и это был наш флаг. Мы были свободны, девочка.

От зловонного дыхания Ригги девочку замутило. Она плотно зажмурила глаза.

– Запомни эту истину, дитя, иначе Плащ Лжи ослепит тебя навеки, – голос Ригги стал тягучим и монотонным, и рыбачка вдруг окоченела. *«Ригга, Риггалай-Провидица, свечная ведьма, которая ловит души в свечи и сжигает их. Души горят в огне»,* – в словах Ригги звучали ледяные нотки пророчества. – Запомни эту истину. Я – последняя, кто говорит с тобой. Ты – последняя, кто меня слушает. Потому мы связаны – ты и я. Так, что не разорвёшь.

Пальцы Ригги крепче вцепились в волосы девочки.

– За морем Императрица вонзила свой нож в девственную землю. Теперь кровь вздымается, словно прилив, и он унесёт тебя, дитя, если не будешь осторожной. Они дадут тебе меч, дадут славного коня и пошлют тебя за море. Но тень окутает твою душу. Слушай! Глубоко схорони эти слова! Ригга сбережёт тебя, потому что мы связаны, ты и я. Но это всё, что я могу сделать, понимаешь? Узри Владыку, рождённого Тьмой; это его рука освободит тебя, хотя он об этом и не узнает…

– Это что такое? – прогремел чей-то голос.

Ригга резко обернулась к дороге. Один из всадников осадил коня. Провидица отпустила волосы девочки. Та попятилась, запнулась о камень на обочине и упала. Когда она подняла глаза, всадник уже проскакал мимо. Вслед за ним прогрохотал второй.

– Отстань от красотки, карга старая, – прорычал солдат, проезжая мимо, наклонился в седле и взмахнул закованной в латную перчатку рукой. Покрытая железной чешуёй перчатка с хрустом врезалась в голову Ригги, так что от удара её развернуло на месте. Старуха упала.

Когда Ригга рухнула к девочке на колени, та закричала. Нить алой слюны брызнула ей на лицо. Всхлипывая, девочка отползла по камням прочь и ногами оттолкнула тело Ригги. Затем встала на четвереньки.

Что-то из пророчества Ригги глубоко засело в голове рыбачки – что-то тяжёлое, как камень, и скрытое от света. Она вдруг поняла, что не может вспомнить ни слова из того, что сказала Провидица. Девочка протянула руку и, схватив шерстяную шаль Ригги, осторожно перевернула старуху. С одной стороны голова Ригги была покрыта кровью, стекавшей из-за уха. Кровь залила морщинистый подбородок и выступила на губах. Глаза слепо смотрели вдаль.

Девочка отшатнулась, но никак не могла перевести дух. В отчаянии она огляделась вокруг. Колонна солдат проехала, оставив за собой только пыль и далёкий стук копыт. Репа из мешка Ригги высыпалась на дорогу. Среди растоптанных овощей лежали пять восковых свечей. Девочка наконец набрала полную грудь пыльного воздуха. Вытирая нос, она посмотрела на свою корзину.

– Забудь про свечи, – пробормотала девочка глухим, странным голосом. – Их уж не вернуть, так ведь? Только землю костями засеять. Забудь. – Она подползла к моткам бечевы, которые выпали из треснувшей корзины, и когда заговорила, голос её снова стал молодым: – Нам бечева нужна. Мы всю ночь будем работать и сделаем сеть. Папа ждёт. Он у двери, он на дорогу глядит, меня высматривает.

Она остановилась, и её тело сотрясла дрожь. Солнечный свет уже почти померк. Странный холод сочился из теней, которые теперь текли по дороге, словно вода.

– Вот и всё, – тихо прохрипела девочка чужим голосом.

На её плечо опустилась рука в мягкой перчатке. Она в ужасе пригнулась.

– Успокойся, девочка, – произнёс мужской голос. – Всё кончено. Ей уже ничем не поможешь.

Девочка подняла глаза. Над ней склонился одетый в чёрное мужчина, его лицо скрывала тень низко надвинутого капюшона.

– Он же её ударил, – сказала детским голосом девочка. – А нам надо сети плести – мне и папе…

– Давай-ка поставим тебя на ноги, – сказал мужчина и подхватил её под руки. Он выпрямился и играючи поднял девочку, так что прежде, чем он поставил её на землю, ножки в сандалиях некоторое время болтались в воздухе.

Теперь она увидела второго человека – пониже ростом, но тоже в чёрном. Он стоял на дороге и смотрел вслед ушедшим солдатам.

– Эта жизнь немногого стоила, – не оборачиваясь, сказал он голосом, тонким, как у камышиной дудочки. – Щепоть таланта, да и в той Дар уже едва теплился. Нет, возможно, она и смогла бы ещё кое-что, но теперь мы этого не узнаем, верно?

Девочка нетвёрдой походкой подошла к мешку Ригги и подняла свечу. Затем выпрямилась, взгляд её вдруг стал тяжёлым, и девочка демонстративно сплюнула на дорогу.

Голова низкорослого резко обернулась к ней. Под его капюшоном, казалось, были только тени. Девочка отшатнулась.

– Это была хорошая жизнь, – прошептала она. – У неё были эти свечи, видите? Пять свечей. Пять для…

– Некромантии, – перебил низкорослый.

Высокий, который всё ещё стоял рядом с девочкой, тихо сказал:

– Я вижу, дитя. Я понимаю, что они значат.

Второй мужчина фыркнул.

– Ведьма собрала пять слабых, безвольных душ. Ничего особенного. – Он склонил голову набок. – Я их слышу. Они зовут её.

Слёзы навернулись девочке на глаза. Казалось, бессловесная боль истекает из чёрного камня в её сознании. Девочка вытерла щеки.

– Откуда вы пришли? – вдруг спросила она. – Мы вас на дороге не видели.

Человек рядом с девочкой чуть развернулся к покрытой гравием дороге.

– Мы были на другой стороне, – ответил он с улыбкой в голосе. – Ждали, как и вы.

Второй хихикнул.

– Вот уж точно – на другой стороне. – Он снова обернулся к дороге и поднял руки.

Девочка ахнула, когда опустилась тьма. На секунду воздух разорвал громкий треск, а потом тьма рассеялась, и девочка изумлённо раскрыла глаза.

Теперь вокруг человека на дороге сидели семь крупных Псов. Глаза зверей светились желтоватым светом, и все были устремлены в ту же сторону, что и сам человек. Она услышала, как он прошипел:

– Не терпится, да? Тогда вперёд!

Псы бесшумно помчались по дороге. Их хозяин повернулся и обратился к мужчине рядом с ней:

– Теперь Ласиин будет о чём подумать, – он снова хихикнул.

– Зачем ты всё усложняешь? – устало ответил второй.

Коротышка словно окаменел.

– Они уже видят колонну. – Он склонил голову набок. Издалека донеслось отчаянное ржание лошадей. Он вздохнул. – Ты принял решение, Котильон?

Второй весело хмыкнул.

– Только что ты назвал меня по имени, Амманас, а значит, принял решение за меня. Мы же теперь не сможем её здесь оставить, не так ли?

– Разумеется, можем, мой старый друг. Только бездыханной.

Котильон посмотрел на девочку.

– Нет, – тихо сказал он, – она подойдёт.

Девочка закусила губу. Продолжая крепко сжимать свечу Ригги, сделала ещё один шаг назад, испуганно переводя взгляд с одного человека на другого.

– А жаль, – заметил Амманас.

Котильон, казалось, кивнул, а затем откашлялся и сказал:

– Потребуется время.

В ответе Амманаса прозвучала весёлая нотка:

– А есть ли у нас время? Настоящая месть требует, чтобы жертву выслеживали долго и тщательно. Ты ведь не забыл, какую боль она однажды нам причинила? Ласиин и так уже прижали спиной к стене. Она может пасть и без нашей помощи. Разве мы получим от этого удовлетворение?

Котильон отозвался сухо и холодно:

– Ты всегда недооценивал Императрицу. Поэтому мы и оказались в этом положении… Нет. – Он указал на девочку. – Она нам понадобится. Ласиин вызвала гнев Семени Луны, и уж это – настоящее осиное гнездо. Время выбрано идеально.

За ржанием лошадей послышались приглушённые крики, которые разбили сердце девочки. Её взгляд метнулся к неподвижному телу Ригги у обочины, а потом обратно к Амманасу, приближавшемуся к ней. Она хотела убежать, но ноги ослабли и задрожали. Мужчина подошёл вплотную и, казалось, внимательно изучал её, хотя тени под капюшоном оставались непроницаемыми.

– Рыбачка? – заботливо спросил он.

Она кивнула.

– Есть у тебя имя?

– Довольно! – зарычал Котильон. – Она не мышка у тебя в лапах, Амманас. К тому же это я её выбрал, и я выберу для неё имя.

Амманас сделал шаг назад.

– А жаль, – снова сказал он.

Девочка умоляюще подняла руки.

– Пожалуйста, – попросила она Котильона. – Я же ничего не сделала! Мой отец – бедный человек, но он отдаст вам все деньги, какие есть. Я ему нужна, и бечева тоже – он ведь ждёт! – Она почувствовала, что между ног стало мокро, и быстро села на землю. – Я ничего не сделала! – Мучительный стыд обжёг девочку, и она положила руки на колени. – Умоляю.

– У меня не осталось выбора, дитя, – сказал Котильон. – Ты ведь уже знаешь наши имена.

– Но я их никогда прежде не слышала! – воскликнула девочка.

Он вздохнул.

– После того, что сейчас происходит там, на дороге, тебя допросят. С пристрастием. Есть те, кто знают наши имена.

– Видишь ли, девочка, – добавил Амманас, подавив смешок, – нас здесь быть не должно. Имена именам рознь. – Он обернулся к Котильону и ледяным тоном сказал: – С её отцом нужно разобраться. Послать Псов?

– Нет, – ответил Котильон. – Пусть живёт.

– Что тогда?

– Я полагаю, – сказал Котильон, – когда этот лист станет чистым, алчность возьмёт своё. – В следующей его реплике прозвучал сарказм: – Уж такое чародейство тебе под силу, не так ли?

Амманас хихикнул.

– Бойтесь теней, дары приносящих.

Котильон снова повернулся к девочке. Он широко развёл руки. Тени, которые прежде скрывали лицо мужчины, теперь потекли по его телу.

Амманас заговорил, и девочке показалось, что его слова звучат откуда-то издалека:

– Она нам идеально подходит. Императрица никогда не сможет её выследить, ей это даже в голову не придёт. – Он возвысил голос: – Не так уж это и плохо, девочка, – быть пешкой бога.

– Не кнутом, так пряником, – быстро пробормотала девочка.

Котильон на миг смутился от этого странного заявления, но потом пожал плечами. Тени рванулись вперёд и окутали девочку. От их холодного касания сознание её рухнуло вниз, во тьму. Последним ощущением был мягкий воск свечи в правой руке, который словно проступил между пальцами её сжатого кулака.

Капитан поёрзал в седле и бросил взгляд на женщину, которая ехала рядом.

– Мы перекрыли дорогу с обоих концов, адъюнкт. Здешнее движение перенаправили подальше от моря. Пока что ни слова не просочилось. – Он утёр пот со лба и поморщился. Жаркий шерстяной подшлемник натёр голову.

– Что-то не так, капитан?

Он покачал головой, глядя на дорогу.

– Шлем болтается. Когда я его в последний раз надевал, волос у меня было побольше.

Адъюнкт Императрицы ничего не ответила.

Утреннее солнце заставило белое пыльное полотно дороги ослепительно блестеть. Капитан чувствовал, как по его телу стекает пот, а бармица шлема цепляется за волоски на шее. У него уже ныла поясница. Капитан много лет не садился на коня, и старая привычка к седлу никак не возвращалась. При каждом шаге лошади он чувствовал, как хрустят его позвонки.

Уже очень давно рядом не было никого, чьё звание заставило бы его вытянуться в струнку. Но эта женщина была адъюнктом Императрицы, личной посланницей Ласиин, исполнительницей императорской воли. Меньше всего капитану хотелось выказать слабину перед этой опасной молодой женщиной.

Впереди дорога начинала петлять и уходила вверх. Слева дул солоноватый ветер, посвистывал между покрытых свежими почками деревьев с этой стороны дороги. После полудня он станет горячим, как печка, и вместе с отливом поднимет вонь с полосы прибоя. Солнечный жар принесёт и кое-что другое. Капитан надеялся, что к этому моменту уже вернётся в Кан.

Он пытался не думать о том месте, куда они направлялись. Пусть у адъюнкта болит об этом голова. За годы службы Империи он научился понимать, когда следует совершенно перестать думать. И сейчас был именно такой момент.

Адъюнкт заговорила:

– Давно тут служите, капитан?

– Так точно, – проворчал он.

Женщина подождала, а затем снова спросила:

– Как давно?

Он замялся.

– Тринадцать лет, адъюнкт.

– Значит, вы дрались за Императора, – сказала она.

– Так точно.

– И пережили чистку.

Капитан покосился на неё. Если адъюнкт и почувствовала его взгляд, то ничем этого не показала. Готовая к бою верхом, она продолжала смотреть на дорогу, легко покачивалась в седле, высоко под её левой рукой подпрыгивал длинный меч в ножнах. Волосы адъюнкта были коротко острижены, не то собраны под шлемом. И фигурка грациозная, подумал капитан.

– Это всё? – уточнила адъюнкт. – Я спрашиваю про чистки, которые проводила императрица Ласиин после безвременной кончины своего предшественника.

Капитан заскрипел зубами и опустил подбородок, чтобы натянуть ремешок шлема – он не успел побриться и пряжка натёрла кожу.

– Убили не всех, адъюнкт. Жителей Итко-Кана не так-то легко расшевелить. Никаких восстаний и массовых казней, не то что в других частях Империи. Мы просто сидели и не дёргались.

– Я так понимаю, – с лёгкой улыбкой сказала адъюнкт, – что вы не благородных кровей, капитан.

Он хмыкнул.

– Если б я был благородных кровей, я бы не выжил даже тут, в Итко-Кане. Мы оба это знаем. Приказания Императрицы были очень чёткими, даже канские фигляры не посмели бы ослушаться. – Он нахмурился. – Нет, адъюнкт, выслужился из рядовых.

– Ваше последнее сражение?

– На Виканских равнинах.

Долгое время они ехали молча, минуя то одного, то другого солдата на дороге. По левую руку деревья уступили место вересковой пустоши, за которой виднелись белые гребни моря. Адъюнкт заговорила:

– Сколько стражников вы поставили на охрану оцепленной территории?

– Одиннадцать сотен, – ответил капитан.

Она повернула к нему голову, холодный взгляд из-под края шлема стал жёстче. Капитан присмотрелся к выражению её лица.

– Побоище тянется на пол-лиги от моря, адъюнкт, и четверть лиги по берегу.

Женщина промолчала.

Они подъехали к вершине. Там столпилось два десятка солдат, остальные ждали на склоне. Все обернулись к всадникам.

– Приготовьтесь, адъюнкт.

Женщина изучала лица солдат, стоявших у обочины. Она знала, что это закалённые мужчины и женщины, ветераны осады Ли-Хэна и Виканских войн на северных равнинах. Но они увидели нечто такое, что сделало их слабыми и уязвимыми. Солдаты смотрели на неё с таким вниманием, что адъюнкту стало не по себе, они словно жаждали получить ответ. Она подавила желание заговорить с ними по пути, предложить какие-то слова утешения. Но она никогда не обладала даром утешения. В этом они были похожи с Императрицей.

Откуда-то с той стороны гребня раздавались крики чаек и ворон, их гомон слился в несмолкаемый гул, когда всадники достигли вершины. Не обращая на солдат внимания, адъюнкт направила коня вперёд. Капитан последовал за ней. Они поднялись на гребень и посмотрели вниз. Дорога здесь опускалась примерно на пятую часть лиги, а потом снова поднималась по склону прибрежного холма.

Землю укрывали тысячи чаек и ворон, они копошились в канавах и среди низкого вереска и дрока. Под этим подвижным чёрно-белым морем земля была равномерно красной. То тут, то там выпирали ребристые туши лошадей, а между пронзительно визжащими птицами угадывался блеск железа.

Капитан расстегнул ремешок, медленно снял с головы шлем и поставил на луку седла.

– Адъюнкт…

– Меня зовут Лорн, – тихо сказала женщина.

– Сто семьдесят пять мужчин и женщин. Двести десять лошадей. Девятнадцатый кавалерийский полк Итко-Канской Восьмой дивизии. – На миг у капитана перехватило дыхание. Он посмотрел на Лорн. – Все погибли. – Лошадь почуяла запах и заплясала под ним. Капитан резко натянул поводья, и животное задрожало и замерло, прижав уши и широко раздувая ноздри, все его мускулы напряглись. Жеребец адъюнкта не шелохнулся. – Все успели обнажить оружие. Все дрались с врагом, который на них напал. Но все мертвецы – наши.

– Берег внизу осмотрели? – спросила Лорн, по-прежнему глядя на дорогу.

– Никаких следов высадки, – ответил капитан. – Нигде никаких следов – ни у моря, ни на суше. Трупов на самом деле больше, адъюнкт. Фермеры, крестьяне, рыбаки, путники на дороге. Всех разорвали на куски – детей, собак, скот. – Он вдруг замолк и отвернулся. – Больше четырёхсот тел, – хрипло проговорил он. – Точное число мы не установили.

– Понятно, – сказала Лорн лишённым эмоций голосом. – Свидетели?

– Ни одного.

По дороге к ним приближался всадник. Он пригнулся к холке, успокаивая своего коня, чтобы тот прошёл через побоище. Перед юношей с возмущёнными криками взлетали птицы, но сразу же снова усаживались на трупы, стоило ему проехать.

– Кто это? – спросила адъюнкт.

– Лейтенант Ганос Паран, – проворчал капитан. – Недавно к нам переведён. Из Унты.

Лорн прищурилась и посмотрела на всадника. Он добрался до края долины и остановился, чтобы отдать приказания рабочим, потом распрямился в седле и бросил взгляд в их сторону.

– Паран. Из Дома Паранов?

– Так точно. Золотая кровь и всё такое.

– Вызовите его сюда.

Капитан взмахнул рукой, и лейтенант пришпорил лошадь. Вскоре он осадил её рядом с капитаном и отдал честь.

Лейтенант и его лошадь с ног до головы были покрыты кровью и обрывками плоти. Вокруг жадно кружились мухи и осы. В лице лейтенанта Парана Лорн не увидела и намёка на его юный возраст. Но всё равно это было красивое лицо.

– Были на той стороне, лейтенант? – спросил капитан.

Паран кивнул.

– Да, сэр. У подножия мыса стоит рыбацкая деревушка. Около дюжины хибар. Трупы во всех, кроме двух. Все барки на берегу, хотя есть одна пустая причальная свая.

– Лейтенант, опишите пустые хибары, – вмешалась Лорн.

Он отмахнулся от обезумевшей осы.

– Первая подальше от берега, почти у самой дороги. Мы думаем, что там жила старуха, тело которой нашли на дороге примерно в полулиге к югу отсюда.

– Основания?

– Адъюнкт, вещи в доме явно принадлежали старой женщине. К тому же она там часто жгла свечи. Восковые свечи. У старухи на дороге был мешок с репой и несколько восковых свечей. В этих краях они дорого стоят, адъюнкт.

Лорн спросила:

– Сколько раз вы уже проехали по этому полю, лейтенант?

– Достаточно, чтобы привыкнуть, адъюнкт. – Он скривился.

– А во второй пустой хибаре?

– Мы полагаем, там жили рыбак и девочка-подросток. Хибара стоит у самой приливной отметки, напротив пустой сваи.

– Бесследно исчезли?

– Да, адъюнкт. Но мы до сих пор обнаруживаем новые тела в полях рядом с дорогой.

– Однако на берегу их нет.

– Да.

Адъюнкт нахмурилась, понимая, что мужчины внимательно смотрят на неё.

– Капитан, каким оружием убили ваших солдат?

Капитан замялся, а потом перевёл взгляд на лейтенанта.

– Вы там всё облазили, Паран. Выскажите своё мнение.

Паран ответил с натянутой улыбкой:

– Слушаюсь, сэр. Естественным оружием.

Капитан почувствовал холод в животе. Он очень надеялся, что ошибся.

– Как вас понимать? – уточнила Лорн. – Естественным оружием?

– В основном клыками. Очень крупными, очень острыми.

Капитан откашлялся:

– В Итко-Кане не было волков уже лет сто. В любом случае вокруг ни одного тела…

– Если это были волки, – сказал Паран, глядя на море, – то размером с мулов. Никаких следов, адъюнкт. Ни одного клочка шерсти.

– Значит, не волки, – сказала Лорн.

Паран пожал плечами.

Адъюнкт набрала полную грудь воздуха, задержала, а потом выпустила с медленным вздохом.

– Я хочу осмотреть эту рыбацкую деревню.

Капитан приготовился надеть шлем, но адъюнкт покачала головой.

– Мне хватит лейтенанта Парана, капитан. Я бы вам рекомендовала лично руководить стражниками. Тела нужно убрать как можно скорее. Все свидетельства бойни – уничтожить.

– Понятно, адъюнкт, – ответил капитан, надеясь, что сумел скрыть облегчение.

Лорн обернулась к молодому дворянину:

– Ну-с, лейтенант?

Он кивнул и развернул коня.

Когда птицы разлетелись с их пути, адъюнкт невольно позавидовала капитану. Перед ней перепуганные падальщики обнажили ковёр из брони, сломанных костей и мяса. Воздух был горячим, липким, тошнотворным. Она видела солдат, головы которых, несмотря на шлемы, раздавили огромные, невероятно сильные челюсти. Она видела разорванные кольчуги, треснувшие щиты и оторванные от тел конечности. Лорн не смогла заставить себя долго осматривать тела и, не в силах осмыслить масштаб этого побоища, перевела взгляд на мыс впереди. Её жеребец, родом из лучших конюшен Семи Городов, потомок многих поколений приученных к крови боевых коней, сбился со своего гордого шага и теперь осторожно выбирал путь среди тел.

Лорн поняла, что ей нужно отвлечься, и решила занять себя разговором.

– Лейтенант, вы уже получили своё назначение?

– Нет, адъюнкт. Но я рассчитываю получить пост в столице.

Она приподняла бровь.

– Да ну? И как же вы собираетесь этого добиться?

Паран прищурился и невесело улыбнулся.

– Всё будет устроено.

– Ясно, – Лорн замолчала. – Благородные семьи уже давно не пытаются делать карьеру в армии и держатся тише воды ниже травы, не так ли?

– С первых дней Империи. Император не питал к нам особой любви. Но императрицу Ласиин это, кажется, не заботит.

Лорн внимательно посмотрела на молодого человека.

– Вижу, вы любите рисковать, лейтенант, – сказала она. – Или вам хватает наглости на то, чтобы поддразнивать адъюнкта Императрицы. Вы настолько уверены в том, что ваше происхождение делает вас неприкосновенным?

– С каких это пор говорить правду стало наглостью?

– Как же вы молоды…

Эти слова, кажется, задели Парана за живое. Его гладко выбритые щёки покраснели.

– Адъюнкт, я уже семь часов хожу по полю по колено в разорванной плоти и пролитой крови. Я дрался за тела с воронами и чайками – вы знаете, чем эти птицы тут занимаются? На самом деле? Они отрывают куски мяса и дерутся за них; они пируют глазными яблоками и языками, печенью и сердцами. От дикой жадности они просто разбрасывают мясо… – Паран замолчал, с трудом взял себя в руки и выпрямился в седле. – Я больше не молод, адъюнкт. Что касается наглости, честное слово, мне всё равно. Нельзя танцевать вокруг да около правды – ни здесь, ни сейчас, никогда больше.

Они добрались до дальнего склона. Слева узкая тропинка спускалась к морю. Паран указал на неё и направил туда коня.

Лорн последовала за ним, задумчиво взглянула на широкую спину лейтенанта, а затем осмотрела окрестности. Узкая тропа огибала крутой выступ мыса. Слева открывался обрыв, в шестидесяти футах внизу виднелось каменистое дно. Настало время отлива, и волны разбивались о рифы в сотне ярдов от берега. Чёрные провалы и трещины были наполнены водой, которая тускло блестела под затянутым тучами небом.

Тропа повернула, и они увидели раскинувшийся полумесяцем внизу пляж. Над ним, у подножия мыса, лежал широкий, поросший травой уступ, на котором сгрудилась дюжина лачуг.

Адъюнкт взглянула в сторону моря. Низкие барки лежали рядом со швартовыми столбами. Воздух над пляжем и отливная отмель были пусты – ни единой птицы вокруг.

Она придержала коня. Паран оглянулся и тоже остановился. Он увидел, что адъюнкт сняла шлем и встряхнула длинными рыжеватыми, мокрыми от пота волосами. Лейтенант подъехал обратно и вопросительно взглянул на неё.

– Хорошо сказано, лейтенант Паран. – Она глубоко вдохнула солоноватый морской воздух, а потом посмотрела в глаза юноше. – Боюсь, вы не получите назначение в Унте. Вы перейдёте в моё подчинение.

Он медленно прищурился.

– Что случилось с этими солдатами, адъюнкт?

Она ответила не сразу, откинулась в седле и посмотрела на далёкое море.

– Кто-то был здесь. Чародей великой силы. Что-то произошло, и нас пытаются отвлечь, чтобы мы не узнали, что именно.

Паран от удивления разинул рот.

– Смерть четырёхсот людей – это отвлекающий манёвр?

– Если бы этот человек и его дочь ушли рыбачить, они бы вернулись с отливом.

– Но…

– Вы не найдёте их тел, лейтенант.

Паран был сбит с толку.

– И что теперь?

Она поглядела на него, а потом развернула коня.

– Мы возвращаемся.

– И это всё? – Юноша ошеломлённо посмотрел на неё, а затем поскакал следом. – Погодите, адъюнкт, – сказал Паран, поравнявшись с нею.

Женщина бросила на него предостерегающий взгляд. Лейтенант покачал головой.

– Нет. Если я в вашем подчинении, я должен больше узнать о происходящем.

Она снова надела шлем и туго затянула ремешок под подбородком. Длинные волосы слипшимися космами свисали поверх имперского плаща.

– Хорошо. Как вы знаете, лейтенант, я не чародейка…

– Нет, – с холодной ухмылкой заметил Паран. – Вы их просто находите и уничтожаете.

– Не перебивайте. Как я и сказала, я – погибель для чародеев. Это значит, лейтенант, что хоть я и не практикую магию, но имею к ней отношение. В некотором роде. Мы с нею знакомы, если угодно. Я знаю, как работает колдовство, и знаю, как мыслят те, кто его использует. Предполагалось, что мы сочтём, будто эта резня была случайной и будто тут уничтожали всех подряд, без разбору. И то и другое неправда. Тут есть ниточка, и мы должны её найти.

Паран медленно кивнул.

– Ваше первое задание, лейтенант, – отправляйтесь в торговый городок… как он там называется?

– Герром.

– Да, в Герром. Тамошние жители должны знать эту деревушку, рыбаки ведь там продают улов. Расспросите всех, выясните, какая рыбацкая семья состояла из отца и дочери. Найдите мне их имена и описания. Если местные будут упираться, используйте ополченцев.

– Не будут, – сказал Паран. – Канцы всегда готовы к сотрудничеству.

Они поднялись по тропе и остановились на дороге. Внизу среди тел катились повозки, волы мычали и били по земле окровавленными копытами. Солдаты громко кричали, и у них над головой вились тысячи птиц. В воздухе пахло паникой. На дальнем конце долины стоял капитан, шлем висел на ремешке у него на локте.

Адъюнкт смотрела на долину суровым взглядом.

– Ради них, – сказала она, – надеюсь, вы правы, лейтенант.

Глядя, как приближаются двое всадников, капитан почему-то понял, что для него дни покоя в Итко-Кане сочтены. Шлем в руке вдруг показался очень тяжёлым. Капитан посмотрел на Парана. Этот жидкокровый ублюдок во всём виноват. *«Сотни нитей тянут его шаг за шагом к какому-нибудь выгодному назначению в каком-нибудь мирном городе».*

Когда всадники поднялись на гребень, капитан заметил, что Лорн внимательно на него смотрит.

– У меня к вам просьба.

Капитан хмыкнул. *«Просьба, как же. Императрица небось каждое утро тапочки проверяет: а ну как эта стерва их уже натянула».*

– Конечно, адъюнкт.

Женщина спешилась, как и Паран. Выражение лица лейтенанта было бесстрастным. Что это – заносчивость, или адъюнкт дала ему какой-то повод для размышлений?

– Капитан, – начала Лорн, – насколько я знаю, в Кане сейчас идёт набор рекрутов. Вы берёте людей из пригородов?

– В армию? Само собой, их даже больше, чем всех прочих. Горожанам есть что терять. К тому же до них дурные вести доходят быстрее. Крестьяне по большей части и не знают, что в Генабакисе всё провалилось в тартарары. Большинство из них всё равно считает, что горожане слишком много ноют. Позвольте поинтересоваться, почему вы спрашиваете?

– Позволяю, – Лорн отвернулась и наблюдала, как солдаты расчищают дорогу. – Мне нужен список новых рекрутов. За последние два дня. О горожанах забудьте, только пришлых. И только женщин и/или стариков.

Капитан снова хмыкнул.

– Это будет короткий список, адъюнкт.

– Очень надеюсь, капитан.

– Вы выяснили, что за всем этим стоит?

По-прежнему следя за происходящим на дороге, Лорн ответила:

– Понятия не имею.

«Ну да, – подумал капитан, – а я тогда – новое воплощение Императора».

– Очень жаль, – проворчал он.

– Кстати, – адъюнкт обернулась к нему. – Лейтенант Паран переходит под моё командование. Я полагаю, вы сделаете все необходимые записи.

– Как прикажете, адъюнкт. Обожаю возиться с бумагами.

Этим он заслужил лёгкую улыбку. Потом она исчезла.

– Лейтенант Паран сейчас уедет.

Капитан посмотрел на молодого дворянина и усмехнулся так, чтоб усмешка всё сказала за него. Служить адъюнкту – быть червяком на крючке. Адъюнкт – это крючок, а на другом конце лески – Императрица. Пускай поизвивается.

Паран помрачнел.

– Слушаюсь, адъюнкт. – Юноша снова забрался в седло, отдал честь и уехал обратно по дороге.

Капитан посмотрел ему вслед, а потом уточнил:

– Что-то ещё, адъюнкт?

– Да.

Её тон заставил его обернуться.

– Я бы хотела услышать мнение солдата о том, как благородные семьи сейчас пролезают в имперское военное командование.

Капитан бросил на неё суровый взгляд.

– Я о них не лучшего мнения, адъюнкт.

– Продолжайте.

И капитан заговорил.

Шёл восьмой день набора, и старший сержант Араган сидел за столом, осоловело глядя на очередного щенка, которого вытолкнул вперёд капрал. Тут, в Кане, им, в общем-то, повезло. Рыбачить лучше всего в тихом омуте, так сказала Кулак Кана. Они тут только и слышат, что рассказы. От рассказов кровь не потечёт. Рассказы не морят тебя голодом и не натирают мозоли. Если ты молодой, воняешь свиным навозом и веришь, что никакое оружие в мире тебе не страшно, сам захочешь оказаться в этих рассказах.

Старуха была права. Как обычно. Эти люди уже так давно под каблуком, что им это понравилось. «Что ж, – подумал Араган, – вот тут и начинается учёба».

День выдался плохой: местный капитан сорвался с места с тремя ротами и не оставил ни одного годного слуха о том, куда он направляется. И будто этого мало, не прошло и десяти минут, как прямо из Унты явилась адъюнкт Ласиин – через один из этих жутких магических Путей. Хоть он её никогда и не видел, одного имени на горячем, сухом ветру было достаточно, чтобы он задрожал. Убийца магов, скорпион в кармане Империи.

Араган посмотрел на табличку для записей и подождал, пока капрал откашляется. Потом поднял глаза.

Увидев рекрута, старший сержант был огорошен. Он уже хотел разразиться тирадой, придуманной для того, чтобы гнать взашей малышню. В следующую секунду передумал и ничего не сказал. Кулак Кана выразилась вполне ясно: если у рекрута две руки, две ноги и есть голова на плечах, берите. Генабакисская кампания пошла наперекосяк. Нужно свежее мясо.

Он ухмыльнулся девочке. Она точно соответствовала требованиям Кулака. Но всё же…

– Ладно, дитя, ты хоть понимаешь, что собираешься поступить на службу в отряд Малазанских морпехов, а?

Девочка кивнула, она смотрела на Арагана сосредоточенным и холодным взглядом.

Лицо вербовщика помрачнело. *«Проклятье, ей же лет двенадцать-тринадцать, не больше. Если бы это была моя дочь… И почему у неё глаза кажутся такими старыми?»* В последний раз он видел нечто подобное у Моттского леса, в Генабакисе, – они шли по сельской местности, которую поразили пять лет засухи и десять лет войны. Её взгляд состарили голод или смерть. Он нахмурился.

– Как тебя зовут, девочка?

– Значит, берёте меня? – тихо спросила она.

Араган кивнул, его череп неожиданно сдавила головная боль.

– Получишь назначение через неделю, если у тебя нет особых пожеланий.

– Генабакисская кампания, – тут же ответила девочка. – Под командованием Первого Кулака Дуджека Однорукого. Войско Однорукого.

Араган заморгал.

– Я это отмечу, – тихо сказал он. – Как тебя зовут, солдат?

– Жаль. Меня зовут Жаль.

Араган быстро записал имя на своей табличке.

– Можешь идти, солдат. Капрал тебе скажет куда. – Когда она подошла к двери, он поднял глаза. – И ноги помой.

Араган ещё некоторое время продолжал писать, но потом остановился. Дождя не было уже несколько недель. И грязь в этих краях была серо-зелёная, а не тёмно-красная. Он бросил стилос на стол и начал растирать виски. *«Ну, хорошо, хоть головная боль проходит».*

Герром стоял в полутора лигах от моря по Старому каннскому тракту, ещё доимперских времён, которым редко пользовались с тех пор, как построили высокую Имперскую дорогу вдоль берега. Теперь по тракту ходили в основном пешком – местные крестьяне и рыбаки со своим товаром. Только разорванные тюки с одеждой, треснувшие корзины да растоптанные овощи – вот и все свидетельства их недавнего присутствия. Хромой мул, последний страж мусора на этом пути исхода, бездумно стоял по бабки в рисовом поле. Животное бросило вслед Парану единственный безнадёжный взгляд. Было похоже, что мусор лежал здесь не дольше дня, фрукты и зелень только-только начали гнить на послеполуденной жаре.

Пустив коня медленным шагом, Паран смотрел, как в пыльном мареве проступают первые дома торгового городка. Между ветхими кирпичными постройками не было ни движения; всадника не облаивали собаки, только брошенная тачка одиноко кренилась на единственном колесе. Вокруг царила мрачная тишина, воздух был неподвижен, не пели птицы. Паран чуть выдвинул меч из ножен.

Рядом с первыми домами он остановил коня. Бегство было быстрым и паническим. Но он не видел ни трупов, ни признаков насилия, несмотря на спешку, с которой жители покинули город. Паран глубоко вздохнул, а потом направил лошадь вперёд. Главная – и по сути единственная – улица городка вела к т-образному перекрёстку у единственного двухэтажного здания Имперской управы. Окованные жестью ставни были закрыты, тяжёлая дверь – заперта. Приближаясь, Паран не сводил глаз с управы.

Перед зданием он спешился, привязал кобылу к коновязи и оглянулся на улицу позади. Никакого движения. Обнажив клинок, Паран шагнул к двери управы.

Он остановился, услышав низкий звук изнутри, слишком тихий, чтобы его можно было уловить раньше, – жидкое бормотание, от которого у него волосы поднялись дыбом на загривке. Паран просунул в щель меч и задвинул остриё под щеколду. Он поднимал железную ручку вверх, пока та не свалилась с крюка, а потом распахнул дверь.

В сумраке внутри прошла волна движения, хлопанье и тихое гудение воздуха донесло до Парана сильный запах гниющей плоти. Во рту пересохло, и тяжело дыша, он стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте.

Он смотрел в прихожую управы, и та была наполнена движением, жутковатым гудением голосов. В комнате было множество чёрных голубей, которые с ледяным спокойствием продолжали ворковать. На полу лежали облачённые в форму тела – среди помёта и покачивающегося чёрного покрова. Запах пота и смерти висел в воздухе – густой, как дым.

Он шагнул внутрь. Голуби зашуршали, но в остальном не обратили на него внимания. Ни один не двинулся к открытой двери.

Из тени на него смотрели распухшие лица с безжизненными глазами; лица были синими, будто все они задохнулись. Паран посмотрел на одного из солдат.

– Кажется, теперь носить такую форму – опасно для здоровья, – пробормотал он.

«И чёрные птицы словно служат по мертвецам шутовскую заупокойную молитву. Кажется, такой мрачный юмор мне больше не по душе». Он встряхнулся и прошёлся по комнате. Голуби с квохтаньем расступались перед его сапогами. Дверь в кабинет капитана была раскрыта нараспашку. Через щели в ставнях сочился слабый свет. Паран вложил меч в ножны и вошёл в кабинет. Капитан по-прежнему сидел на своём месте, его лицо распухло и окрасилось всеми оттенками синего, зелёного и серого.

Паран смахнул влажные перья со стола и просмотрел свитки. Листы папируса рассыпались от его касания, оставляя между пальцев маслянистую труху.

«Тщательно же они уничтожили все следы».

Паран развернулся, быстро прошёл через прихожую и оказался на тёплом свету. Он закрыл за собой дверь в управу, как, несомненно, прежде сделали жители городка.

Мало кто решился бы иметь дело с тёмной кляксой колдовства. Можно ведь и запачкаться.

Паран отвязал кобылу, забрался в седло и поскакал прочь из покинутого городка. Не оглядываясь.

Солнце тяжёлым, распухшим шаром зависло среди багровых туч на горизонте. У Парана слипались глаза. День выдался долгим. *«Жуткий день».* Земли вокруг, совсем недавно знакомые и безопасные, стали чем-то другим, взбаламученным тёмными потоками колдовства. Проводить ночь под открытым небом совсем не хотелось.

Его лошадь тяжело ступала, низко опустив голову, а сумерки медленно сгущались. Парана сковали цепи усталых мыслей, он пытался разобраться со всем, что произошло с утра.

Вырваться из тени унылого немногословного капитана и из гарнизона в Кане – в этом лейтенант видел предвестие отличных перспектив. Ещё неделю назад ему бы и в голову не пришло, что карьера может сделать такой крутой поворот и он окажется помощником адъюнкта. Несмотря на избранную Параном профессию, отец и сёстры наверняка будут поражены, может, даже восхищены таким достижением. Как и многие отпрыски благородных фамилий, он давно уже подумывал об Имперской армии, потому что хотел славы и очень устал от самодовольной, застойной жизни благородных семей. Паран хотел заниматься чем-то более важным, чем согласовывать поставки вина или следить за разведением коней.

Не он первый пошёл в армию и тем самым облегчил остальным путь к офицерским чинам и высоким назначениям. Ему просто не повезло с тем, что его послали в Кан, где гарнизон опытных ветеранов зализывал раны уже почти шесть лет подряд. Здесь мало кто уважал не нюхавшего пороху лейтенанта, и ещё меньше – благородного отпрыска.

Паран думал, что всё изменилось после резни на дороге. Он справился лучше, чем многие из ветеранов, чему немало помогло то, что его лошадь была самых лучших кровей.

К тому же, чтобы выказать перед ними холодный и бесстрастный профессионализм, он сам вызвался осмотреть поле.

И ведь хорошо справился, хотя осмотр дался ему… нелегко. Блуждая среди трупов, Паран слышал крик где-то в своей голове. Юноша высматривал детали, странности – необычная поза, необъяснимая улыбка на лице мёртвого солдата – но хуже всего было то, что произошло с лошадьми. Покрытые коркой ноздри и губы – знак ужаса – и раны, ужасные, огромные и смертельные раны. Желчь и испражнения замарали коней, и всё вокруг было покрыто блестящим ковром крови и обрывков плоти. Паран едва не плакал, глядя на этих некогда гордых животных.

Он поёрзал в седле, чувствуя, как ладони становятся влажными там, где касаются резной луки. Весь день Паран держал себя в руках, но теперь его мысли вернулись к ужасной сцене побоища. Словно нечто в его душе, прежде твёрдое и решительное, вдруг запнулось, зашаталось, грозя лишить его равновесия; притворное равнодушие, которое Паран демонстрировал ветеранам в своём отряде, когда они падали на колени у обочины дороги, сотрясаясь от рвотных позывов, теперь обернулось для него своей тёмной стороной. Эхо того, что Паран увидел в герромской управе, обрушилось последним ударом на и так уже избитую, измученную душу, – разрывая в клочья панцирь невозмутимости, который до сих пор позволял сохранять контроль над собой.

Паран с трудом выпрямился. Он сказал адъюнкту, что юность его миновала. Да и другого наговорил – бесстрашно, равнодушно, безо всякой осторожности, которой отец учил его встречать многоликую махину Империи.

И где-то невообразимо далеко в памяти Парана прозвучали давние слова: *«Живи тихо».* Он отмахнулся от этой мысли тогда, отвергал её и теперь. Но адъюнкт его заметила. Сейчас юноша впервые засомневался, стоит ли этим гордиться. Тот побитый жизнью ветеран, которой много лет назад стоял рядом с ним на стене Паяцева замка, теперь презрительно плюнул бы Парану под ноги. Мальчик вырос и стал мужчиной. *«Лучше бы ты меня послушался, сынок. А сейчас – только посмотри на себя».*

Кобыла вдруг остановилась, её копыта неуверенно застучали по разъезженной дороге. Паран схватился за оружие, с тревогой оглядываясь в наступивших сумерках. Дорога шла среди рисовых полей, ближайшие лачуги крестьян стояли на гряде холмов в сотне шагов от дороги. Но путь ему преградила фигура.

Холодное дыхание лениво прокатилось мимо, так что кобыла задрожала, раздула ноздри и прижала уши.

Силуэт – мужчина, судя по росту, – был в одежде всех оттенков зелёного: из-под плаща с капюшоном выглядывали выцветшая туника и льняные рейтузы, прикрытые снизу зелёными же кожаными сапогами. За тонкий ремень был заткнут длинный нож – излюбленное оружие воинов Семи Городов. На руках мужчины, бледно-серых в вечернем свете, поблёскивали кольца – на каждом пальце по два: под и над костяшками. Он поднял глиняный кувшин.

– Хотите пить, лейтенант? – Голос у мужчины был мягкий и странно мелодичный.

– У вас ко мне дело? – спросил Паран, не отпуская рукояти меча.

Человек улыбнулся и отбросил на спину капюшон. У него были вытянутое лицо, светло-серая кожа и странные раскосые глаза. Выглядел незнакомец лет на тридцать, но волосы были седыми.

– Адъюнкт попросила меня об услуге, – сказал он. – Она с нетерпением ждёт вашего доклада. Я должен вас сопроводить к ней… быстро. – Незнакомец потряс кувшин. – Но сначала – трапеза. У меня в карманах славное угощение – куда лучше, чем могут предложить никчёмные канские крестьяне. Присаживайтесь со мной здесь, на обочине. Можем побеседовать и понаблюдать за их неустанной работой. Моё имя – Шик.

– Это имя я слышал, – сказал Паран.

– Что ж, неудивительно, – ответил Шик. – Увы, я – это он. Кровь тисте анди течёт в моих жилах, она, несомненно, пытается поскорей отделиться от примеси крови обычного человека. От моей руки пал королевский род Унты – король, королева, сыновья и дочери.

– И братья – двоюродные, троюродные…

– Уничтожить всякую надежду. Таков был мой долг как Когтя непревзойдённого мастерства. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Который?

– Пить хотите?

С недовольным видом Паран спешился.

– Мне показалось, вы сказали, что адъюнкт просила нас поспешить.

– И мы поспешим, лейтенант, едва лишь наполним желудки и побеседуем, как пристало воспитанным людям.

– Ваша репутация располагает воспитание в самом низу перечня ваших умений.

– Но именно этот навык я чту превыше других, хотя в наши тёмные дни он не часто находит себе применение, лейтенант. Надеюсь, вы не откажетесь уделить мне немного своего драгоценного времени, раз уж мне выпала честь сопровождать вас?

– О чём бы вы там ни договорились с адъюнктом, это ваше дело, – сказал, подходя, Паран. – Я вам ничем не обязан, Шик. Кроме неприязни.

Коготь присел и извлёк из карманов несколько свёртков и два хрустальных кубка. Затем откупорил кувшин.

– Старые раны. Мне-то сказали, что вы избрали иной путь, покинули унылые и тесные ряды знати. – Он наполнил кубки вином янтарного цвета. – Вы теперь едины с телом Империи, лейтенант. Она командует вами. Вы беспрекословно подчиняетесь её приказам. Вы – крошечный мускул в этом теле. Ни больше. Ни меньше. Время старых обид давно миновало. И потому, – он отставил кувшин и протянул Парану кубок, – ныне мы пьём за новое начало, Ганос Паран, лейтенант и помощник адъюнкта Лорн.

Продолжая хмуриться, Паран принял кубок.

Они выпили.

Шик усмехнулся, достал шёлковый платок и промокнул губы.

– Ну, вот – не так уж трудно, верно? Позволите называть вас по избранному имени?

– Хватит и Парана. А вы? Какой титул носит командир Когтей?

Шик снова усмехнулся.

– Когтями по-прежнему командует Ласиин. Я ей помогаю. В этом смысле я – тоже лишь помощник. Вы меня можете звать по избранному имени, разумеется. Я не считаю, что стоит слепо следовать формальному этикету, когда люди уже достаточно знакомы.

Паран сел на грязную дорогу.

– И мы уже достаточно знакомы?

– О да.

– Как вы это определяете?

– Ну, видите ли, – Шик начал разворачивать свёртки, и на свет появились сыр, пирожки, фрукты и ягоды. – Я свожу знакомство с людьми двумя способами. Вы видели второй.

– А первый?

– Увы, в таких случаях у меня обычно нет времени на представления.

Паран устало снял шлем.

– Хотите узнать, что я обнаружил в Герроме? – спросил он, приглаживая рукой свои чёрные волосы.

Шик пожал плечами.

– Если вы хотите рассказать.

– Наверное, я лучше подожду встречи с адъюнктом.

Коготь улыбнулся.

– Вы уже учитесь, Паран. Никогда не разбрасывайтесь сведениями. Слова, как монеты, выгодно накапливать.

– Пока не умрёшь на золотом ложе, – заметил Паран.

– Вы голодны? Ненавижу есть в одиночестве.

Паран принял от него кусочек пирога.

– Так адъюнкт и вправду требует спешки, или вы здесь по каким-то другим причинам?

С улыбкой Коготь поднялся.

– Увы, любезной беседе настал конец. Нам пора в путь. – Он обернулся к дороге.

Паран увидел, как завеса над трактом разорвалась тусклым желтоватым светом. *«Это же Путь, тайная чародейская дорога».*

– Худов дух!

Он вздохнул и попытался стряхнуть с себя внезапную дрожь. Внутри Паран разглядел сероватую тропу, ограниченную с обеих сторон невысокими насыпями и укрытую сверху непроницаемым охряным туманом. Воздух врывался в портал, словно дыхание, и когда невидимые потоки воздуха подняли небольшие пыльные смерчи над тропой, лейтенант понял, что земля там густо усыпана пеплом.

– Вам придётся к этому привыкнуть, – сказал Шик.

Паран взял кобылу под уздцы и повесил шлем на луку седла.

– Ведите.

Коготь бросил на лейтенанта быстрый оценивающий взгляд, а затем шагнул в Путь.

Паран последовал за Шиком. Портал позади закрылся, и там появилось продолжение тропы. Итко-Кан исчез, а вместе с ним пропали все признаки жизни. Мир, в котором оказались Паран и Шик, был бесплоден и мёртв. Насыпи по сторонам тропы тоже оказались сделанными из пепла. Воздух царапал горло и оставлял на языке привкус металла.

– Добро пожаловать в Путь Империи, – с ноткой сарказма провозгласил Шик.

– Очаровательно.

– Он был вырезан силой из… того, что здесь было раньше. Разве прежде удавалось такое хоть кому-нибудь? Это ведомо лишь богам.

Они пошли вперёд.

– Я так понимаю, – сказал Паран, – что ни один бог не претендует на этот Путь. Благодаря чему вы обходите пошлины, привратников, стражей невидимых мостов и всех прочих, кто, как говорят, обитает в Путях, что принадлежат бессмертным хозяевам.

– Думаете, в Путях столько народу? – проворчал Шик. – Ну, фантазии невежд меня всегда забавляли. В этом коротком путешествии вы будете мне отличной компанией, я полагаю.

Паран замолчал. Горизонт казался близким за спрессованными кучами пепла – место схождения охряного неба и серо-чёрной земли. Под кольчугой побежали ручейки пота. Кобыла тяжело фыркнула.

– Если вам интересно, – проговорил через некоторое время Шик, – адъюнкт сейчас в Унте. Мы используем этот Путь, чтобы преодолеть расстояние в три сотни лиг всего за несколько кратких часов. Некоторые думают, что Империя слишком разрослась, некоторые даже воображают, что рука императрицы Ласиин не дотянется до дальних провинций. Как вы только что могли убедиться, Паран, это мысли дураков.

Кобыла снова фыркнула.

– Я вас так пристыдил, что вы замолчали? Прошу прощения, лейтенант, за то, что насмехался над вашим невежеством…

– Это риск, к которому вам сто́ит привыкнуть, – ответил Паран.

Следующую сотню шагов молчал уже Шик.

Прошли часы – но освещение не изменилось. Несколько раз они миновали такие места, где насыпь из пепла была разрушена, словно там неуклюже проползло что-то очень большое: широкие, склизкие следы уходили прочь, в сумрак. В одном из таких мест они нашли тёмное, спекшееся коркой пятно и обрывки кольчужных колец, рассыпанные в пыли. Шик внимательно всё осмотрел под пристальным взглядом Парана.

«Не так уж тут безопасно, как он хотел меня убедить. Тут ходят чужаки, и они отнюдь не дружелюбны».

Он не удивился, когда заметил, что после этого Шик ускорил шаг. Вскоре они пришли к каменной арке. Её тут поставили недавно, и Паран опознал в камне унтийский базальт из карьеров рядом со столицей. Стены его собственного фамильного особняка были выложены из этого же серо-чёрного блестящего камня. В центре арки, высоко над их головами, была вырезана когтистая рука, сжимавшая хрустальный шар: герб Малазанской империи.

За аркой царила тьма.

Паран откашлялся:

– Мы прибыли?

Шик резко обернулся к нему.

– Вы отвечаете на вежливость гордыней, лейтенант. Вам бы лучше отбросить надменность знати.

С улыбкой Паран поднял руку:

– Ведите же, проводник.

Взмахнув плащом, Шик шагнул под арку и исчез.

Лошадь упёрлась, когда Паран потянул её к арке, и вскинула голову. Он попытался успокоить её, но тщетно. Наконец он забрался в седло и потянул поводья. Затем выправил лошадь и сильно пришпорил. Кобыла рывком прыгнула в пустоту. Вокруг взорвались и объяли их свет и цвет. Копыта лошади с треском опустились на что-то, и во все стороны полетели, кажется, кусочки гравия. Паран остановил кобылу, моргая и оглядываясь. Огромный зал, потолок поблёскивает чеканным золотом, стены украшены гобеленами, и со всех сторон приближаются вооружённые стражники.

Кобыла испугалась, попятилась – и Шик растянулся на полу. Тяжёлое копыто рванулось к нему и промахнулось всего на ладонь. Снова раздался хруст гравия – только это был не гравий, понял Паран, а кусочки мозаики. Шик перекатился, вскочил на ноги с проклятьями на устах и злобно уставился на лейтенанта.

Стражники будто подчинились беззвучному приказу и медленно отступили на свои места у стен. Паран отвёл взгляд от Шика. Впереди стояло возвышение, на котором покоился престол из изогнутых костей. На троне восседала Императрица.

В зале воцарилась тишина, которую нарушал только хруст полудрагоценных камней под копытами кобылы. Поморщившись, Паран спешился, с опаской поглядывая на женщину на престоле.

Ласиин мало изменилась с их первой встречи; она была одета просто и без украшений, её коротко остриженные волосы казались светлыми на фоне голубоватого оттенка неприметельного лица. При взгляде на Парана карие глаза Императрицы недовольно сузились. Тот поправил перевязь с мечом, скрестил руки и поклонился в пояс:

– Императрица.

– Вижу, – протянула Ласиин, – вы не вняли совету, который командир дал вам семь лет назад.

Юноша удивлённо заморгал.

Она продолжила:

– Конечно, он сам тоже не последовал совету, который ему дали. Любопытно, какое божество свело вас тогда вместе на стене – я бы заказала службу, чтобы почтить его чувство юмора. Вы вообразили, что Имперская арка будет стоять в конюшне, лейтенант?

– Моя лошадь не хотела входить в неё, Императрица.

– И она имела на то причины.

Паран улыбнулся:

– В отличие от моей, её порода славится своим умом. Прошу принять мои глубочайшие извинения.

– Шик сопроводит вас к адъюнкту, – Императрица взмахнула рукой, и стражник шагнул, чтобы забрать поводья лошади.

Паран снова поклонился, а затем с улыбкой обернулся к Когтю.

Шик провёл его к боковой двери.

– Идиот! – прошипел Коготь, когда дверь плотно закрылась за ними. Затем быстро зашагал по узкому коридору. Паран даже не старался угнаться за ним – наоборот, заставил Когтя остановиться и ждать в другом конце коридора, где начиналась лестница. Лицо Шика потемнело от ярости. – Что она там сказала про стену? Вы уже встречались прежде? Когда?

– Поскольку она не пожелала этого объяснить, я могу лишь последовать её примеру, – ответил Паран. Он посмотрел на истёртые ступени. – Значит, это Западная башня. Башня Праха…

– На верхний этаж. Адъюнкт ждёт вас в своих покоях – других дверей нет, так что не заблудитесь, просто поднимайтесь на самый верх.

Паран кивнул и зашагал по лестнице.

Дверь в верхнюю комнату башни была распахнута. Паран постучал костяшками пальцев по косяку и вошёл. Адъюнкт сидела на скамье в дальнем конце комнаты, спиной к широкому окну. Через раскрытые ставни в комнату лился розовый свет восхода. Она одевалась. Паран замер в смущении.

– Я не слишком ценю стыдливость, – сказала адъюнкт. – Входите и закройте дверь.

Паран исполнил эту просьбу. Он осмотрелся. Стены были увешаны выцветшими гобеленами. Каменный пол покрывали поношенные шкуры. Мебель – весьма немногочисленная – была старой, напанского стиля, то есть безыскусной.

Адъюнкт поднялась, чтобы втиснуться в свой кожаный доспех. Её волосы заблестели в розоватом свете.

– Вы, похоже, устали, лейтенант. Садитесь, пожалуйста.

Паран обернулся, нашёл стул и благодарно опустился на него.

– След тщательно запутали, адъюнкт. Те люди, что остались в Герроме, вряд ли заговорят.

Она затянула последний ремешок.

– Если только я не пошлю туда некроманта.

Он хмыкнул:

– Голубей спросим? Боюсь, такую возможность тоже предусмотрели.

Она взглянула на него, приподняв бровь.

– Простите, адъюнкт. Похоже, предвестниками смерти там стали… птицы. И если будем смотреть глазами мёртвых солдат, только их мы и увидим.

– Вы сказали, «голубей»?

Он кивнул.

– Любопытно. – Она помолчала. Паран ещё некоторое время смотрел на неё.

– Я был приманкой, адъюнкт?

– Нет.

– А удивительно своевременное появление Шика?

– Удобный случай.

Он замолчал. Стоило закрыть глаза, его голова качнулась. Паран и сам до этого не понимал, насколько вымотался. Даже не сразу догадался, что она обращается к нему. Он встряхнулся и выпрямился.

Адъюнкт стояла прямо перед ним.

– Спать будете потом, лейтенант. Не сейчас. Я говорила о вашем будущем. Вам стоило бы проявить внимание. Вы исполнили своё задание, как и было приказано. Более того, вы показали себя высоко… устойчивым. Для всего внешнего мира, лейтенант, наши с вами дела окончены. Вы вернётесь в офицерский корпус здесь, в Унте. Затем последует ряд назначений, который завершит ваше официальное обучение. Что касается вашего пребывания в Итко-Кане, ничего странного там не происходило, вы меня поняли?

– Да.

– Хорошо.

– А как насчёт того, что там на самом деле произошло, адъюнкт? Мы прекращаем погоню? Мы готовы смириться с тем, что никогда не узнаем, что именно случилось и почему? Или это только мне нужно смириться?

– Лейтенант, мы не должны идти по этому следу без оглядки, но мы отправимся по нему, и вы сыграете в этом важнейшую роль. Я решила – быть может, ошибочно, – что вы захотите пройти по нему до конца и быть рядом, когда настанет час отмщения. Я не права? Возможно, вы уже видели достаточно и всего лишь хотите вернуться к нормальной жизни?

Он закрыл глаза.

– Адъюнкт, я хочу быть там, когда придёт время.

Женщина молчала, и, не открывая глаз, Паран знал, что она внимательно изучает его, оценивает. Он уже не мог ни беспокоиться, ни тревожиться. Своё желание лейтенант высказал; теперь решение за ней.

– Мы станем действовать медленно. Ваше назначение будет подписано через несколько дней. Пока что идите домой, в поместье своего отца. Отдохните.

Паран открыл глаза и поднялся на ноги. Когда он подошёл к двери, адъюнкт снова заговорила:

– Лейтенант, надеюсь, вы не повторите выходку в Престольном зале.

– Сомневаюсь, что второй раз это вызовет столько же смеха, адъюнкт.

Оказавшись на лестнице, он услышал в комнате за спиной нечто, похожее на кашель. Ведь вряд ли это могло быть чем-то другим.

Ведя лошадь по улицам Унты, Паран почувствовал, как изнутри на него накатывает онемение. Знакомые места, густая, бесконечная толпа, голоса и смешение языков – всё это казалось странным, изменившимся – не визуально, но в том непостижимом месте между его глазами и мыслями. Изменился только он сам, и это вызывало чувство покинутости, изгнанности.

Но город был всё тот же: перед ним открывались прежние виды, и даже в том, как они быстро сменялись, ничего не изменилось. Дар благородной крови позволял удерживать мир на расстоянии, разглядывать его со стороны, не запятнанной и не тронутой простонародьем. *«Дар… и проклятье».*

Только теперь Паран шагал среди толпы без семейных стражников. Сила крови исчезла, и защищала его теперь только форма. Не ремесленник, не разносчик, не торговец, а солдат. Клинок Империи, но у Империи таких клинков были десятки тысяч.

Он миновал Пошлинные ворота и поднялся по Мраморной дороге, где появились первые поместья торговцев – в стороне от мощёной улицы, полускрытые стенами дворов. Пёстрая листва терялась на фоне ярко раскрашенных стен; толпа рассеялась, и у арочных ворот

стали видны наёмные стражники. В знойном воздухе уже не было вони сточных вод и подгнившей еды, теперь он приносил прохладу невидимых фонтанов и ароматы цветов.

Запахи детства.

Паран забирался всё дальше в Благородный квартал; теперь повсюду раскинулись богатые поместья. Раздолье, приобретённое вековой историей и древним золотом. Империя словно растаяла, как далёкая, прозаическая неурядица. Здесь многие семьи прослеживали свою историю на семь веков назад, к тем всадникам-кочевникам, которые впервые пришли в эти земли с востока. Огнём и мечом, как повелось от века, они покорили дальних родичей канцев, которые выстроили свои деревни на побережье. От воинственных всадников до коневодов и торговцев вином, пивом и тканями. Древняя знать клинков стала ныне знатью золота, торговых договоров, тонких полунамёков и тайных сговоров в позолоченных комнатах и освещённых масляными лампами коридорах. Паран видел себя человеком, который облачился в одеяния, замыкающие этот круг, вернулся к клинку, что положил начало его роду, сильному и жестокому, столько веков назад. За этот выбор отец его проклял.

Юноша подошёл к знакомой калитке – высокой двери на боковой стене, выходившей в переулок, который в другой части города считался бы широкой улицей. Стражника тут не было, только тонкая цепочка колокольчика, которую он и потянул дважды.

В одиночестве Паран остался ждать ответа посреди переулка.

С другой стороны звякнул засов, кто-то выругался, и дверь распахнулась на громко протестующих петлях.

Паран уставился на незнакомое лицо. Мужчина был стар, покрыт шрамами и носил многократно залатанную кольчугу, которая неровным краем обрывалась у колен. Его потхельм[2] бугрился от выправленных вмятин, но был ярко начищен.

Стражник осмотрел Парана с ног до головы серыми слезящимися глазами и проворчал:

– Гобелен-то ожил.

– Простите?

Стражник пошире раскрыл дверь.

– Постарше стал, конечно, но черты те же. Хороший художник, поймал и позу, и выражение, всё разом. Добро пожаловать домой, Ганос.

Паран провёл лошадь через узкий проём. Дорожка шла между двумя хозяйственными постройками поместья, над головой виднелся клочок неба.

– Я тебя не знаю, солдат, – сказал Паран. – Но, судя по всему, мой портрет стражникам дали хорошо рассмотреть. Он теперь у вас в казарме вместо половой тряпки?

– Что-то вроде того.

– Как тебя зовут?

– Гамет, – ответил стражник, топая вслед за лошадью, после того как закрыл и запер калитку. – Служу вашему отцу вот уж три года.

– А до того, Гамет?

– Таких вопросов не задают.

Они вышли на двор. Паран задержался, чтобы рассмотреть стражника.

– Мой отец обычно тщательно изучает прошлое людей, которых собирается взять на службу.

Гамет ухмыльнулся, продемонстрировав полный набор белых зубов.

– Он так и сделал. И вот – я тут. Думаю, особого бесчестья не нашлось.

– Ты ветеран.

– Давайте, сударь, я вашу лошадь уведу.

---

[2] Потхельм – горшковидный шлем, одна из ранних, более примитивных разновидностей средневекового шлема.

Паран передал поводья Гамету, затем обернулся и оглядел двор. Тот показался ему меньшим, чем в воспоминаниях. Старый колодец, вырытый безымянным народом, который жил тут ещё прежде канцев, уже почти обратился в гору пыли. Ни один ремесленник не возьмётся за то, чтобы вернуть на место эти древние камни с затейливой резьбой – просто из страха, что тем самым разбудит призраков. Под самой усадьбой было много таких же камней, выложенных без раствора, в глубоких подвалах, только многие комнаты и коридоры уже настолько просели, что ими невозможно стало пользоваться.

Слуги и садовники сновали туда-сюда по двору. Никто ещё не заметил прибытия Парана.

Гамет откашлялся.

– Ваши мать и отец не здесь.

Юноша кивнул. Сейчас в загородном поместье – Эмалау, должно быть, полно жеребят, о которых нужно позаботиться.

– Но ваши сёстры дома, – продолжил Гамет. – Я прикажу слугам освежить вашу комнату.

– Её, значит, не трогали?

Гамет снова ухмыльнулся.

– Ну, скажем, вынести лишнюю мебель и сундуки. Места под склады нынче совсем не хватает…

– Как всегда, – Паран вздохнул и, не сказав больше ни слова, вошёл в дом.

Сапоги Парана вызвали под сводами пиршественного зала гулкое эхо, когда он подошёл к длинному столу. Кошки молниями разлетелись в стороны. Юноша расстегнул заколку дорожного плаща, бросил его на спинку одного из стульев, а потом, усевшись на длинную скамью, прислонился к укрытой деревянными панелями стене. И закрыл глаза.

Прошло несколько минут, а затем прозвучал женский голос:

– Я думала, ты в Итко-Кане.

Он открыл глаза. Тавор, сестра на год младше его, стояла у торца стола, положив руку на отцовское кресло. Она была, как и прежде, невзрачна: тонкие, бескровные черты лица, рыжеватые волосы острижены короче, чем требовала мода. Тавор выросла с тех пор, как они расстались, перестала быть неуклюжим подростком. Сестра смотрела сейчас на него с непроницаемым выражением.

– Новое назначение, – сказал Паран.

– Сюда? Мы бы знали.

«Ах да, конечно, знали бы, не так ли? Нужные люди нашептали бы».

– Незапланированное, – уступил он, – но всё равно решённое. Однако не в Унте. Я здесь всего на несколько дней.

– Тебя повысили?

Он улыбнулся.

– Окупится ли вложение? Пусть и поневоле, но нужно размышлять с точки зрения потенциального влияния, не так ли?

– Следить за положением семьи – больше не твоя забота, брат.

– Ах, так теперь это твоя забота? Отец отошёл от повседневных дел?

– Отходит. Здоровье подводит его. Если бы ты спросил, даже в Итко-Кане…

Он вздохнул.

– Всё пытаешься меня заменить, Тавор? Принимаешь на себя бремя моих недостатков? Я отсюда тоже не по ковру из лепестков ушёл, если помнишь. Ну, всё равно я не сомневался, что домашние дела попадут в умелые руки…

Её бесцветные глаза сузились, но гордость не позволила задать очевидный вопрос.

Он спросил:

– А как Фелисин?

– Занимается. Она ещё не слышала о твоём возвращении. Будет в восторге, а потом – просто раздавлена, когда узнает, что ты приехал так ненадолго.

– Теперь она – твой соперник, Тавор?

Сестра фыркнула и отвернулась.

– Фелисин? Она слишком мягкая для этого мира, брат. Я бы даже сказала: для любого мира. Она не изменилась. Будет счастлива тебя видеть.

Он смотрел, как Тавор с подчёркнуто прямой спиной вышла из зала.

От него пахло потом – его собственным и конским, долгой дорогой и пеплом, и ещё чем-то… *«Старой кровью и старым страхом.* – Паран огляделся. – *Намного меньше, чем я помню».*

Глава вторая

Когда явились моранты,
вспять двинулись волны.
Словно суда у причала,
Имперское море накрыло
Вольные Города.
Двенадцатый год войны,
Луны Расколотой год
настал – и семя её
пролилось смертельным дождём
посулами чёрных крыл.
Из Городов лишь два
не поддались тогда
малазанской волне.
Первый – прочно стоял:
горделивые стяги
под Тьмы властным крылом.
Второй – раздором расколот,
без войска,
друзьями оставленный…
Первым пал тот, что прочный.

Фелисин (род.1146). Призыв к Тени

Два года спустя
1163-й год Сна Огни
105-й год Малазанской империи
9-й год правления императрицы Ласиин

Бледную завесу дыма рассекали во́роны. Их пронзительные крики заглушали стоны раненых и умирающих солдат. Запах горелого мяса тяжело висел в неподвижной дымке.

На третьем холме у стен павшего города Крепь в одиночестве стояла Рваная Снасть. Вокруг чародейки лежали груды искорёженных обломков оружия и доспехов – поножей, нагрудников, шлемов и клинков. Ещё час назад их носили мужчины и женщины, а теперь от всех этих людей не осталось и следа. Тишина внутри пустых металлических раковин отдавалась в голове чародейки погребальной песней.

Она обхватила себя руками. Бордовый плащ с серебряным значком, который она носила как командир кадровых магов Второй армии, теперь висел на её покатых плечах запятнанный и обожжённый. Округлое полное лицо Рваной Снасти, обычно озарённое беззаботной детской улыбкой, прорезали глубокие морщины, щёки обвисли и побледнели.

Вопреки бушевавшему вокруг урагану звуков и запахов Рваная Снасть вслушивалась в глубокую тишину. Та словно выплёскивалась из раковин-доспехов пустотой, которая уже сама по себе была обвинением. Но у тишины имелся и другой источник. Сегодня здесь неистовствовали такие колдовские силы, которых хватило бы, чтобы разорвать ткань, разделявшую миры. То, что скрывалось по ту сторону, в Путях Хаоса, казалось, было близко, на расстоянии вытянутой руки.

Чародейка думала, что она лишилась эмоций – они сгорели в пережитом ею ужасе, но глядя на то, как входит в город плотными рядами легион чёрных морантов, она почувствовала, что ненависть застит ей глаза под опухшими веками.

«Союзники. Идут взыскать свой кровавый час». К концу этого часа жителей Крепи станет тысяч на двадцать меньше. Чаши весов, раскачанные многолетней враждой между соседними народами, уравновесит отмщение. Мечом. *«Милостивая Шеденуль, неужели мало было смертей?»*

В разных концах города пылали с дюжину пожаров. Осада наконец закончилась – после трёх долгих лет. Но Рваная Снасть знала: это ещё не всё. Что-то скрывалось в безмолвии и ждало своего часа. Поэтому она тоже ждала. Хотя бы это она должна была сделать для погибших сегодня – ведь во всём остальном она подвела их.

Внизу равнину покрывали тела малазанских солдат – смятый ковёр из трупов. То тут, то там торчали мёртвые руки и ноги, на которых, как владыки, восседали во́роны. Солдаты, пережившие бойню, ошеломлённо бродили среди тел, искали павших товарищей. Рваная Снасть с болью смотрела на них.

– Они идут, – проговорил голос в дюжине футов слева от неё.

Она медленно обернулась. Чародей Локон лежал, распластавшись на груде опалённых доспехов, в его бритом черепе отражалось мутное небо. Волна колдовства уничтожила всё, что было у него ниже пояса. Розовые, вымазанные в грязи внутренности выпирали из-под грудной клетки, покрытые сетью высыхающих потёков. Слабая полутень магии выдавала усилие, которым он удерживал в себе жизнь.

– Я думала, ты погиб, – пробормотала Рваная Снасть.

– Сегодня мне везёт.

– Не похоже.

Локон захрипел, и из-под его сердца выплеснулась струйка тёмной, густой крови.

– Они идут, – повторил он. – Видишь их?

Чародейка обернулась к склону холма, и её светлые глаза сузились. Сюда приближались четверо солдат.

– Кто это?

Маг не ответил.

Рваная Снасть снова посмотрела на него и увидела, что он буравит её тяжёлым взглядом с силой, которую обретает тот, кому осталось жить считанные мгновенья.

– Думал, пропустишь волну через кишки, да? Ну, тоже, в общем, верный способ отсюда выбраться.

Его ответ её удивил.

– Показная грубость тебе не идёт, Снасть. Никогда не шла. – Он нахмурился и быстро заморгал; наверное, отгоняет тьму, подумала она. – Всегда есть риск узнать слишком много. Радуйся, что я тебя пощадил. – Он улыбнулся, показав залитые кровью зубы. – Думай о хорошем. Плоть слаба.

Она пристально посмотрела на него, удивляясь этой внезапной… *человечности.* Может быть, умирая, мы оставляем все привычные игры и всё напускное притворство пляски жизни. Может, она просто не готова увидеть, как в Локоне наконец проступил обычный смертный. Рваная Снасть разомкнула руки, которыми от ужаса до боли обхватила плечи, и нетвёрдо вздохнула.

– Ты прав. Не время для притворства, верно? Я тебя никогда не любила, Локон, но никогда и не сомневалась в твоей отваге – и не буду сомневаться. – Она критически его осмотрела, и в глубине души чародейка поразилась тому, что не вздрогнула от вида его ужасной раны. – Вряд ли даже искусства самого Тайшренна хватит, чтобы спасти тебя, Локон.

В его взгляде промелькнуло лукавство, и Локон расхохотался болезненным смехом.

– Девочка моя, – прохрипел он, – твоя наивность всё так же очаровательна.

– Да уж, конечно! – отрезала чародейка; ей было больно от того, что она купилась на его внезапную искренность. – Посмейся надо мной в последний раз, в память о старых временах.

– Ты не понимаешь…

– Уверен? Говоришь, что ещё не всё кончено. Ты настолько ненавидишь нашего Высшего мага, что ненависть позволит тебе вырваться из ледяной хватки Худа, так ведь? Отомстишь даже с того света?

– Ты ведь должна была уже понять, каков я есть. Всегда оставляю себе запасной выход.

– Ты даже ползти не можешь. Как ты собираешься до него добраться?

Маг облизал потрескавшиеся губы.

– Это часть сделки, – тихо проговорил он. – Выход сам придёт ко мне. Уже идёт.

Всё внутри неё тревожно сжалось. Сзади Рваная Снасть услышала хруст доспехов и позвякивание железа, звуки обрушились на неё, как холодный ветер. Она обернулась и увидела, что на вершину поднялись четверо солдат. Трое мужчин, одна женщина, их измазанные кровью и грязью лица были белы, как кость. Взгляд чародейки привлекла женщина, которая держалась чуть позади, словно неприятная мысль, а вот трое мужчин подошли ближе. Девушка была молодой, красивой, как сосулька, и казалась такой же тёплой на ощупь. *«Что-то тут не так. Осторожней».*

Предводитель – сержант, судя по торквесу[3] на руке, – подошёл к Рваной Снасти. Его глубоко посаженные, тёмно-серые глаза бесстрастно встретили её взгляд.

– Вот эту? – спросил он, обернувшись к высокому и худому чернокожему человеку, который остановился рядом с ним. Тот покачал головой.

– Нет, нам нужен вон тот. – Хотя он и говорил по-малазански, гортанный акцент выдавал в нём выходца из Семи Городов.

Третий и последний мужчина, тоже чёрный, протиснулся слева от сержанта и, несмотря на внушительное телосложение, словно скользнул по воздуху вперёд, не сводя глаз с Локона. То, что он вообще не обратил на Рваную Снасть внимания, даже слегка её обидело. Она хотела сказать ему пару ласковых слов, но вдруг решила, что на это у неё нет сил.

– Что ж, – сказала она сержанту, – если вы из похоронной бригады, то поторопились. Он ещё не умер. Но конечно, – продолжила она, – вы не похоронная бригада. Я это знаю. Локон заключил с вами сделку: он думает, что сможет как-то выжить без половины тела.

Губы сержанта сжались под побитой сединой, жёсткой бородой.

---

[3] Торквес – кельтская разновидность шейной гривны, носился также на талии или на руке, как браслет. Был известен не только у кельтов, однако является ярким маркером, отсылающим именно к кельтскому миру, когда он столкнулся с Римской империей.Это интересный нюанс, связанный с тем, как Эриксон выстраивает образ различных культур в своём мире: и прежде, и в следующих главах представители разных народов носят оружие, одежду, пользуются предметами быта, которые известны нам из земной истории и отсылают нас к тем или иным временам и странам. Изредка мы позволим себе комментировать эти отсылки там, где они могут быть неочевидны читателю.

– О чём ты, чародейка?

Чернокожий человек рядом с сержантом бросил взгляд назад на девушку, оставшуюся в дюжине шагов за ними. Казалось, он вздрогнул, но его тонкое лицо ничего не выражало, когда чернокожий перевёл глаза на Рваную Снасть, пожал плечами, а потом обошёл её.

Чародейка невольно вздрогнула, когда почувствовала незримое давление силы. Она судорожно вздохнула. *«Он же маг».* Рваная Снасть следила за тем, как этот человек присоединился к своему товарищу у тела Локона, пытаясь рассмотреть мундир под слоем грязи и запёкшейся крови.

– Кто вы такие, парни?

– Девятый взвод, Вторая.

– Девятый? – она выдохнула сквозь сжатые зубы. – Вы «Мостожоги». – Она прищурилась, глядя на потрёпанного сержанта. – Девятый. Значит, ты – Скворец.

Он вздрогнул. У Рваной Снасти пересохло во рту.

– Разумеется, я о тебе слышала. Говорят…

– Неважно, – хрипло перебил он. – Старые сказки растут, как сорняки.

Она потёрла лицо, чувствуя, как грязь собирается под ногтями. «*Мостожоги».* Они были элитным подразделением старого Императора, его любимцами, но после кровавого переворота Ласиин их отправляли в самые глубокие крысиные норы, какие только могли найти. Почти десять лет такой жизни сократили их число до единственного, недоукомплектованного подразделения. Имена некоторых теперь уже были на слуху. Выжившие, по большей части взводные сержанты, имена которых стали известны всем малазанским армиям в Генабакисе и на других континентах. Имена, которые расцветили и без того знаменитую легенду о Войске Однорукого. *Деторан, Мураш, Игла, Скворец.* Имена, отяжелевшие от славы и горькие от цинизма, которым живёт всякая армия. Они, словно почётное знамя, несли в себе всё безумие этой бесконечной кампании.

Сержант Скворец рассматривал обломки доспехов на холме. Рваная Снасть смотрела, как он постепенно понимает, что здесь произошло. Его щёку передёрнул нервный тик. Он посмотрел на чародейку по-новому, взгляд серых глаз стал чуть мягче, и от этого Рваная Снасть едва не сломалась.

– Только ты осталась из кадровых?

Она отвернулась, чувствуя себя ужасно хрупкой.

– Последняя из тех, кто стоит на ногах. Дело не в мастерстве. Просто повезло.

Если он и расслышал горечь в её ответе, то не подал вида и молчал, глядя, как двое его солдат из Семи Городов склонились над Локоном.

Рваная Снасть облизнула губы и поёжилась. Чародейка покосилась на солдат. Они переговаривались. Снасть услышала, как Локон рассмеялся, и этот тихий отзвук радости заставил её поморщиться.

– Вон тот, высокий, – сказала она. – Он маг, так ведь?

Скворец хмыкнул:

– Его зовут Быстрый Бен.

– Не с этим именем он родился.

– Не с этим.

Она расправила плечи под весом плаща и на миг облегчила глухую боль в пояснице.

– Я должна бы его знать, сержант. Такую силу замечают. Он не новичок.

– Нет, – ответил Скворец. – Не новичок.

Она почувствовала, что начинает злиться.

– Я требую объяснений. Что здесь происходит?

Скворец скривился.

– Да ничего, судя по всему. – Он повысил голос: – Быстрый Бен!

Маг обернулся.

– Вот-вот сторгуемся, сержант, – ответил он и сверкнул белозубой ухмылкой.

– Худов дух! – вздохнула Рваная Снасть, отворачиваясь.

Девушка по-прежнему стояла на вершине холма и, казалось, изучала колонны морантов, которые входили в город. Она словно почувствовала взгляд Рваной Снасти и резко обернулась. Выражение её лица потрясло чародейку. Рваная Снасть отвела глаза.

– Это всё, что осталось от твоего взвода, сержант? Два пустынных мародёра и жадный до крови новобранец?

Скворец ответил ровным голосом:

– У меня осталось семеро.

– А утром было?

– Пятнадцать.

Что-то тут не так. Она чувствовала: необходимо что-нибудь сказать.

– Лучше, чем у большинства. – Чародейка мысленно выругалась, когда кровь отлила от лица сержанта. – Но всё равно, – добавила она, – я уверена, что все те, кого вы потеряли, были хорошими людьми.

– Хорошо умели умирать, – сказал он.

Её потрясла жестокость его слов. В смятении она плотно закрыла глаза, чтобы удержать слёзы отчаяния и разочарования. *«Слишком много всего произошло. Я к этому не готова. Я не готова к Скворцу, человеку, который согнулся под тяжестью собственной легенды, человеку, который, служа Империи, взошёл не на одну гору трупов».*

«Мостожогов» почти не было видно последние три года. С тех пор, как началась осада, им приказали делать подкопы и минировать древние, массивные стены Крепи. Задание прямо из столицы, и это была либо злая шутка, либо результат чудовищного невежества: город стоял в ледниковой долине, где груды камней прикрывали расселины такой глубины, что даже маги Рваной Снасти едва могли почуять их дно. *«Они три года провели под землёй. Когда они в последний раз видели солнце?»*

Рваная Снасть вдруг словно окаменела.

– Сержант, – она открыла глаза, – ты был в своих тоннелях с самого утра?

Мучительное понимание пришло к ней, когда она увидела, как боль на миг исказила его лицо.

– В каких тоннелях? – тихо спросил он, а потом прошёл мимо неё.

Чародейка взяла его за руку. Сержант содрогнулся.

– Скворец, – прошептала она, – ты уже догадался. Про… про меня, про то, что случилось здесь, на холме, со всеми солдатами. – Она запнулась, но потом сказала: – Это наше общее поражение. Мне очень жаль.

Он отвёл глаза и отстранился.

– Не сто́ит, чародейка. – Сержант наконец встретился с ней взглядом. – Мы не можем позволить себе сожалеть.

Она смотрела, как Скворец подошёл к солдатам.

Голос молодой женщины зазвучал прямо за спиной у Рваной Снасти:

– Сегодня утром нас было четырнадцать сотен, чародейка.

Рваная Снасть обернулась. Вблизи было очевидно, что девушке никак не больше пятнадцати. Вот только её глаза, блестевшие тускло, как потёртый оникс, – они казались древними, словно все чувства в них давно обратились в прах.

– А теперь?

Девушка пожала плечами – почти беззаботно.

– Человек тридцать, может, тридцать пять. Четыре из пяти тоннелей обрушились. Мы были в пятом и смогли вырыть проход наружу. Скрипач и Вал возятся с другими, но думают,

что остальных засыпало насмерть. Они пытались позвать кого-нибудь на помощь. – Холодная, знающая улыбка появилась на её грязном лице. – Но твой хозяин, Высший маг, остановил их.

– Тайшренн так сделал? Почему?

Девушка нахмурилась, словно была разочарована. Потом просто отошла прочь и снова принялась разглядывать город с вершины холма.

Рваная Снасть смотрела ей в спину. Девушка проронила последние слова так, будто ожидала совершенно определённой реакции. *Сочувствия?* В любом случае это промах. *Тайшренн настраивает всех против себя. Хорошо.* Штурм стал ужасной катастрофой, и вина за неё лежит целиком на плечах Высшего мага. Чародейка посмотрела на Крепь, а потом подняла глаза на затянутое дымом небо над городом.

Огромная, смутная тень, которая встречала её каждое утро эти три года, теперь исчезла. Рваная Снасть до сих пор не могла в это поверить вопреки тому, что видели её собственные глаза.

– Ты предупреждал нас, – прошептала она пустому небу, когда на неё нахлынули воспоминания о том утре. – Ты же предупреждал нас, не так ли?

Она спала с Калотом последние четыре месяца: маленькая радость, которая могла развеять скуку бесконечной осады. Так, по крайней мере, она сама себе объясняла их непрофессиональное поведение. На самом деле всё было серьёзнее, намного серьёзнее. Но честность к себе никогда не входила в число добродетелей Рваной Снасти.

Внезапный магический вызов разбудил её раньше, чем Калота. Маленькое, однако пропорционально сложенное тело мага уютно устроилось на мягких подушках её плоти. Она открыла глаза и увидела, что он жмётся к ней, как ребёнок. Потом Калот тоже почувствовал призыв и проснулся, чтобы увидеть её улыбку.

– Локон? – спросил он, когда, вздрагивая, выбрался из-под одеяла.

Рваная Снасть поморщилась.

– А кто ещё? Этот тип вообще никогда не спит.

– Хотел бы я знать, что на сей раз? – Он стоял и оглядывался в поисках своей туники.

Снасть смотрела на него. Он был такой худой, что они казались идеально неподходящими друг другу. В жидком утреннем свете, который сочился сквозь брезентовые стенки шатра, его нескладная, угловатая фигура словно смягчилась, стала детской. Для столетнего мужчины Калот отлично сохранился.

– Локон исполнял какие-то поручения Дуджека, – сказала она. – Наверное, речь идёт просто об отчёте.

Калот хмыкнул, натягивая сапоги.

– Вот тебе и кара за то, что взялась командовать магическим отрядом, Снасть. И признаюсь, салютовать Нэдариану было не в пример легче. Когда я вижу тебя, мне сразу хочется…

– Давай к делу, Калот, – сказала Рваная Снасть; она хотела, чтобы это выглядело шуткой, но слова прозвучали раздражённо, и Калот обиженно покосился на чародейку.

– Что случилось? – тихо спросил он, хмурясь так, что на его высоком лбу прорезались привычные морщины.

«А я-то думала, мы от них уже избавились». Рваная Снасть вздохнула.

– Не знаю, но Локон связался с нами обоими. Будь это просто отчёт, ты бы по-прежнему храпел.

Молча, с растущим напряжением, они принялись одеваться. Не пройдёт и часа, как Калот сгорит в волне синего пламени, и лишь во́роны откликнутся на отчаянный вопль Рваной Снасти. Но сейчас два мага просто готовились к незапланированному собранию в шатре Первого Кулака Дуджека Однорукого.

У раскисшей тропинки рядом с шатром Калота дежурные солдаты сгрудились у жаровни с горящим конским навозом и протягивали руки к огню. На дорожках почти никого не было – слишком рано. Ряды серых шатров тянулись по склонам холмов на равнине, окружавшей Крепь.

Полковые знамёна тяжко колыхались на слабом ветру – за ночь он изменил направление и теперь доносил до Рваной Снасти вонь выгребных ям. Над головами последняя пригоршня звёзд таяла в светлеющем небе. Картина казалась почти идиллической.

Рваная Снасть плотнее запахнулась в плащ, защищаясь от холода, и обернулась посмотреть на громаду горы, которая висела в четверти мили над Крепью. Чародейка окинула взглядом изрезанную поверхность Семени Луны – как называлась эта глыба с давних времён. Источенная, словно сгнивший зуб, базальтовая цитадель была домом самого могущественного врага, с которым когда-либо сталкивалась Малазанская империя. Парившую высоко над землёй крепость Семени Луны невозможно было осадить. Даже личная армия нежити Ласиин, т'лан имассы, которые странствовали легко, как пыль на ветру, не могли или не хотели пробиться сквозь магическую защиту Семени.

Маги Крепи нашли себе могущественного союзника. Рваная Снасть вспомнила, что Империя уже однажды сцепилась рогами с таинственным господином Луны, ещё во дни Императора. Дело могло кончиться плохо, но Семя Луны вышло из игры. Никто из ныне живущих не знал, почему – это был один из тысячи секретов, которые Император унёс с собой в подводную могилу.

Новое появление Луны здесь, в Генабакисе, стало для всех сюрпризом. И на этот раз она не исчезла в последнюю минуту. Шесть легионов колдунов тисте анди под командованием военачальника по имени Каладан Бруд спустились с Семени Луны и объединили силы с наёмниками из Багровой гвардии. Вместе они принудили к отступлению Пятую малазанскую армию и теснили её на восток вдоль равнины Рхиви. На четыре года потрёпанная Пятая завязла в Чернопёсьем лесу, где ей пришлось раз за разом отбивать атаки Бруда и Багровой гвардии. Это противостояние быстро превращалось для малазанцев в смертный приговор. Но Каладан Бруд и тисте анди явно не были единственными обитателями Семени Луны. Невидимый владыка остался в самой цитадели, привёл её сюда и заключил договор с могучими чародеями Крепи.

Отряд магов Рваной Снасти почти не имел шансов в магическом бою с такими противниками. Так что осада затянулась, и только «Мостожоги» упорно пытались подкопаться под древние стены города.

«Останься, – попросила она Семя Луны. – *Крутись вокруг своей оси без конца и не дай запаху крови и крикам умирающих воцариться на этих землях. Задержись хоть на миг».*

Калот стоял рядом с ней и ждал. Он ничего не говорил, понимая, что этот взгляд стал для неё своего рода ритуалом. Именно за это, среди прочего, Рваная Снасть и любила Калота. Как друга, разумеется. Ничего серьёзного, ничего страшного – просто любовь к другу.

– Чувствую, Локон теряет терпение, – пробормотал Калот рядом с ней.

Она вздохнула.

– Я тоже это чувствую. Поэтому и не спешу.

– Понимаю, но мы не можем слишком сильно опаздывать, Снасть. – Он задорно улыбнулся. – Это невежливо.

– Гм-м, нельзя же им позволить с лёту сделать определённые выводы, так ведь?

– Далеко им лететь не придётся. В любом случае, – его улыбка слегка поблекла, – нам пора.

Через несколько минут они добрались до штабного шатра. Одинокий морпех, который стоял на карауле у входа, дёрганно отдал им честь. Рваная Снасть задержалась и поймала его взгляд.

– Седьмой полк?

Стражник кивнул, отводя глаза.

– Да, чародейка. Третий взвод.

– То-то ты выглядишь знакомым. Передай привет от меня сержанту Ржавому. – Она подошла поближе. – Что-то разлито в воздухе, солдат?

Он моргнул.

– Высоко в воздухе, чародейка. Выше не бывает.

Рваная Снасть взглянула на Калота, который задержался у входа в шатёр. Калот надул щёки и скорчил шутливую физиономию.

– То-то я его почуял.

Она подмигнула в ответ. И увидела, что из-под железного шлема стражника катится пот.

– Спасибо за предупреждение, солдат.

– Это честная сделка, чародейка. – Парень снова отсалютовал, на этот раз резче и по-своему доверительно.

«И так год за годом. Утверждаю, что мы с ними одна семья, Вторая армия – самый старый нереформированный легион, одна из личных армий Императора. Честная сделка, чародейка. Спасай наши шкуры, а мы спасём твою. Всё-таки – одна семья. Так почему же я всегда чувствую себя среди них такой чужой?» — Рваная Снасть отсалютовала в ответ.

Они вошли в шатёр. Чародейка сразу почувствовала присутствие силы – то, что Калот называл «запахом». У него от этого глаза слезились. У неё – начиналась мигрень. Рваная Снасть очень хорошо знала это конкретное проявление силы, и та была совершенно противоположна её собственной. От этого голова болела ещё сильнее.

В шатре, в первой комнате, лампы лили сумрачный, дымный свет на дюжину деревянных стульев. На походном столике у стены стояли кувшин с разведённым водой вином и шесть потускневших кубков, на которых поблёскивали капли конденсата.

Калот пробормотал:

– Худов дух, Снасть, как я это ненавижу.

Когда её глаза привыкли к полумраку, чародейка увидела в проёме, ведущем во вторую комнату, знакомую фигуру в длинном балахоне. Человек опёрся долгопалыми руками на большой стол Дуджека. Пурпурный плащ дрожал, как вода, хотя его хозяин и не шевелился.

– Только этого не хватало, – прошептала Рваная Снасть.

– Читаешь мои мысли, – ответил Калот, вытирая глаза.

– Как думаешь, – спросила чародейка, когда они заняли свои места, – это заученная поза?

Калот ухмыльнулся.

– Наверняка. Высший маг Императрицы не разберётся в военной карте, даже если от этого будет зависеть его жизнь.

– А если от этого будут зависеть наши жизни? – раздался голос с ближайшего стула. – Сегодня – работаем.

Рваная Снасть хмуро посмотрела на сверхъестественную темноту, которой был окутан стул.

– Ты ничем не лучше Тайшренна, Локон. И радуйся, что я туда не села.

Тускло блеснули жёлтые зубы, а потом появился и сам распустивший заклятье Локон. Капельки пота выступили на покрытом шрамами лбу и выбритой макушке мага – ничего удивительного: Локон бы вспотел даже в ледяной бездне. Он чуть склонил голову набок так, что в его облике сочетались самодовольная отрешённость и откровенный вызов. Маленькие тёмные глаза уставились на Рваную Снасть.

– Ты ведь ещё помнишь, как это – работать? – Его ухмылка стала шире, так что сплющенный кривой нос стал совсем плоским. – Это то, чем ты занималась до того, как запрыгнула под одеяльце к умнице Калоту. До того, как *раскисла*.

Рваная Снасть уже набрала полную грудь воздуха для подходящего ответа, но её прервал неторопливый говорок Калота:

– А тебе одиноко, да, Локон? Верно ли говорят, что маркитанки берут с тебя двойную плату? – Он взмахнул рукой, словно отмахиваясь от неприятных мыслей. – А дело просто в том, что Дуджек назначил Рваную Снасть командовать магами после безвременной кончины Нэдариана у Моттского леса. Если тебе это не нравится – твоя беда. Такова плата за двуличие.

Локон нагнулся и смахнул пылинку со своих атласных туфель, которые невероятным образом избежали жидкой грязи на дорожках лагеря.

– Слепая вера, дорогие мои соратники, – для дураков…

Его прервал откинувшийся полог шатра. Вошёл Первый Кулак Дуджек Однорукий, мыло от утреннего бритья всё ещё цеплялось к волоскам его ушей, а за ним следовал аромат камфарной воды.

За прошедшие годы этот запах стал очень много значить для Рваной Снасти. Безопасность, стабильность, *здравомыслие.* Дуджек Однорукий воплощал в себе все эти вещи – и не только для неё, но и для всей армии, которая сражалась под его командованием. Когда Дуджек остановился в центре комнаты и оглядел трёх магов, она чуть откинулась и посмотрела на Первого Кулака из-под тяжёлых век. Три года вынужденного безделья в этой осаде подействовали на стареющего военачальника как укрепляющее средство. Он выглядел скорее на пятьдесят, чем на свои верные семьдесят девять лет. Серые глаза остро и твёрдо смотрели с худого, загорелого лица. Он держался очень прямо, так что казался выше своих пяти с половиной футов, носил простые кожаные доспехи, которые пот разукрасил не меньше, чем имперский пурпур. Культя левой руки чуть ниже плеча была перехвачена кожаными повязками. Под шагреневыми ремешками напанских сандалий виднелись волосатые, белые как мел икры.

Калот достал из рукава носовой платок и протянул Дуджеку. Первый Кулак тут же схватил его.

– Опять? Проклятый брадобрей! – проворчал он, вытирая мыло с подбородка и ушей. – Клянусь, нарочно это делает! – Дуджек скомкал платок и бросил на колени Калоту. – Итак, все здесь. Хорошо. Сперва обычные дела. Локон, ты уже успел поболтать с ребятами внизу?

Локон с трудом подавил зевок.

– Один сапёр по имени Скрипач мне всё показал. – Он сделал паузу, чтобы снять ниточку со своего парчового рукава, а потом встретился взглядом с Дуджеком. – Дай шесть-семь лет, и они как раз докопаются до городских стен.

– Это бессмысленно, – сказала Рваная Снасть. – И писала об этом в своём докладе. – Она покосилась на Дуджека. – Если, конечно, он вообще добрался до Имперского двора.

– Верблюд ещё не доплыл, – заметил Калот.

Дуджек хмыкнул – этот звук у него заменял смех.

– Ладно, маги, слушайте внимательно. Два пункта. – По его изборождённому шрамами лицу пробежала тень. – Первый: Императрица прислала Когтей. Они сейчас в городе, охотятся на чародеев Крепи.

Волна холода скользнула вверх по позвоночнику Рваной Снасти. Мало кто чувствовал себя комфортно, когда рядом вертелись Когти. У имперских убийц – излюбленного оружия Ласиин – имелись отточенные и отравленные клинки для всех и каждого, в том числе малазанцев.

Кажется, Калот подумал примерно то же самое, потому что он резко выпрямился.

– Если они здесь по какой-то другой причине…

– Им сперва придётся иметь дело со мной, – отрезал Дуджек и положил единственную руку на эфес своего длинного меча.

«Всё это говорится для другого слушателя – там, в соседней комнате. Он сразу заявляет человеку, который командует Когтями, как обстоят дела. Благослови его Шеденуль».

Заговорил Локон:

– Они залягут на дно. Они маги, а не идиоты.

Рваная Снасть не сразу поняла, о чём он. *«Ах да. Конечно. Маги Крепи».*

Дуджек оценивающе посмотрел на Локона, потом кивнул.

– Пункт второй: сегодня мы атакуем Семя Луны.

В этот момент в соседней комнате Высший маг Тайшренн повернулся и медленно двинулся к ним. Тёмное лицо под капюшоном прорезала улыбка – мимолётная трещина среди безупречных, гладких черт. Улыбка тут же пропала, и его неподвластная времени кожа снова разгладилась.

– Здравствуйте, коллеги, – сказал он с издёвкой и в то же время угрожающе.

Локон фыркнул.

– Давай обойдёмся без спектакля, Тайшренн, так всем будет лучше.

Не обращая внимания на слова Локона, Высший маг продолжил:

– Присутствие Семени Луны переполнило чашу терпения Императрицы…

Дуджек склонил голову набок и перебил его тихим, хриплым голосом:

– Императрица перепугана настолько, что готова ударить первой – и ударить изо всех сил. Говори прямо, чародей. Ты же имеешь дело со своими передовыми бойцами. Прояви хоть каплю уважения, Худ тебя дери.

Высший маг пожал плечами.

– Разумеется, Первый Кулак. – Он обернулся к чародеям. – Ваш отряд, я и ещё трое Высших магов в течение часа атакуем Семя Луны. Большая часть его обитателей отправилась на Северную кампанию. Мы считаем, что Владыка Луны там один. Три года лишь его присутствие удерживало нас на месте. Сегодня утром, коллеги, мы проверим этого Владыку в бою.

– И будем искренне надеяться, что до сих пор он блефовал, – добавил Дуджек, нахмурившись так, что морщины на лбу залегли ещё глубже. – Вопросы?

– Как быстро я могу добиться перевода в другую армию? – спросил Калот.

Рваная Снасть откашлялась.

– Что мы знаем о хозяине Семени Луны?

– Боюсь, очень мало, – прикрыв глаза, ответил Тайшренн. – Он тисте анди, это наверняка. Архимаг.

Локон наклонился вперёд и демонстративно плюнул под ноги Тайшренну.

– Тисте анди, Высший маг? Я думаю, мы можем выразиться несколько точнее, не так ли?

Головная боль усилилась. Рваная Снасть поняла, что задержала дыхание, и медленно выдохнула, оценивая реакцию Тайшренна – на слова Локона и на традиционный в Семи Городах жест вызова.

– Архимаг, – повторил Тайшренн. – Возможно, *сам* Архимаг тисте анди. Любезный Локон, – добавил он чуть более низким голосом, – твои примитивные племенные обряды весьма затейливы, но несколько безвкусны.

Локон оскалился.

– Тисте анди – первые дети Матери-Тьмы. Ты ведь почувствовал дрожь на Путях Чародейства, Тайшренн. И я тоже. Спроси Дуджека о том, какие доклады приходят с северного фронта. Старшая магия – Куральд Галейн. Владыка Семени Луны – Великий архимаг, и ты знаешь его имя не хуже меня.

– Ничего такого я не знаю, – огрызнулся Высший маг, который наконец вышел из себя. – Может, *ты* просветишь нас, Локон, а потом я поинтересуюсь источником твоих сведений.

– Ага! – Локон подпрыгнул на стуле, и на его напряжённом лице отразилась откровенная злоба. – Угроза от Высшего мага. Вот это дело. Тогда ответь мне: почему только три других Высших мага? Не настолько же нас потрепали. Более того, почему мы этого не сделали два года назад?

Что бы ни начиналось между Локоном и Тайшренном, их прервал Дуджек, который без слов заворчал, а потом сказал:

– Положение отчаянное, маг. Северная кампания на грани краха. От Пятой почти ничего не осталось, и подкреплений они не получат до следующей весны. Суть в том, что владыка Луны может в любой момент призвать свою армию обратно. Я не хочу посылать вас в бой против армии тисте анди и уж точно не хочу открывать для Второй два фронта, когда к осаждённым придёт помощь. Это плохая тактика, а кто бы ни был этот Каладан Бруд, он уже показал, что способен вынудить нас заплатить по высшему разряду за подобные ошибки.

– Каладан Бруд, – пробормотал Калот. – Клянусь, я это имя уже где-то слышал. Странно, что я раньше об этом не подумал.

Рваная Снасть прищурилась и внимательно посмотрела на Тайшренна. Калот был прав: имя человека, который командовал тисте анди и Багровой гвардией, и ей казалось знакомым – но как древнее, из старинных легенд, может, даже из какой-то эпической поэмы.

Высший маг встретил её взгляд спокойно и расчетливо.

– Необходимости в обоснованиях, – сказал он, обернувшись к остальным, – больше нет. Императрица отдала приказ, мы должны подчиниться.

Локон снова фыркнул.

– Если уж дошло до выкручивания рук, – он откинулся на спинку стула, по-прежнему вызывающе улыбаясь Тайшренну, – вспомни, как мы играли в кошки-мышки в Арэне. От этого плана смердит тобой. Ты уже давно подыскивал такую возможность. – В его ухмылке прорезалась жестокость. – Кто же тогда остальные три Высших мага? Дай угадаю…

– Довольно! – Тайшренн шагнул к Локону, который вдруг замер совершенно неподвижно, только глаза заблестели.

Свет ламп померк. Калот взял с колен платок, чтобы вытереть со щёк слёзы.

«Сила, о проклятье, у меня сейчас голова треснет».

– Ну, хорошо, – прошептал Локон, – давай выложим карты на стол. Не сомневаюсь, что Первый Кулак будет только рад, если ты упорядочишь все его подозрения. Говори прямо, старый друг.

Рваная Снасть взглянула на Дуджека. Лицо командира застыло, глаза пристально буравили Тайшренна. Он очень серьёзно размышлял.

Калот склонился к ней:

– Да что творится, Снасть?

– Понятия не имею, – прошептала она, – но становится всё жарче.

Она попыталась сказать это небрежно, хотя все её мысли сплелись в холодный узел страха. Локон служил Империи дольше, чем она, дольше, чем Калот. Он был среди тех чародеев, которые дрались против малазанцев в Семи Городах, ещё до того, как пал Арэн, и Святые фалах’ды разбежались, прежде, чем ему предложили на выбор смерть или службу новым хозяевам. Локон вступил в магический отряд Второй армии в Пан’потсуне – как и Дуджек, он был со старой гвардией, когда зашевелились змеи узурпации, в день, когда Первого Меча Империи предали и зверски убили. Локон что-то *знал.* Но что?

– Ладно, – протянул Дуджек, – у нас есть работа. Давайте за неё браться.

Рваная Снасть вздохнула. Старый Дуджек умел говорить. Она бросила взгляд на Однорукого. Чародейка хорошо знала его; не в качестве друга – у Дуджека не было друзей, – но в

качестве лучшего военачальника в Империи. Если, как только что намекнул Локон, Первый Кулак пал жертвой предательства и если Тайшренн как-то в этом замешан…

«…мы – согнутая ветка, – сказал как-то Калот о Войске Однорукого. – *И страшись, Империя, того дня, когда она сломается. Воины Семи Городов, скрытые призраки побеждённых, но непобедимых…»*

Тайшренн подал знак ей и другим магам. Рваная Снасть поднялась, за ней Калот. Локон остался сидеть, прикрыв глаза, словно уснул. Калот обратился к Дуджеку:

– Так что насчёт перевода?

– Позже, – проворчал Первый Кулак. – Все эти бумажки превращаются в кошмар ночной, если у тебя осталась только одна рука.

Он осмотрел свой отряд чародеев и уже собирался что-то добавить, но Калот заговорил первым:

– «Аномандарис».

Глаза Локона распахнулись и с ярким наслаждением впились в Тайшренна.

– А-а-а, – проговорил он в тишине, которая последовала за единственным словом Калота. – Конечно. Значит, ещё три Высших мага? Всего три?

Рваная Снасть смотрела на бледное, неподвижное лицо Дуджека.

– Поэма, – тихо сказала она. – Теперь я вспомнила.

Каладан Бруд, подобный менгиру, зиму несущий,
в кургане лежащий, горя не знающий…

Калот подхватил следующие строки:

– … в гробнице, лишённой слов,
и в руках его, что наковальни крушили…

Рваная Снасть продолжила:

– …молот песни его —
живёт он, не просыпаясь, так дайте всем знать
безмолвно – его не будите!
Его не будите.

Когда затихли эти слова, все в шатре уставились на Рваную Снасть.

– Кажется, он проснулся, – сказала она, хотя во рту у неё пересохло. – «Аномандарис», эпическая поэма Рыбака Кельтата.

– Но это поэма не о Каладане Бруде, – нахмурившись, проговорил Дуджек.

– Да, – согласилась чародейка. – Она по большей части о его спутнике.

Локон медленно поднялся на ноги. Он шагнул к Тайшренну.

– Аномандр Рейк, Властитель тисте анди, который суть души Беззвёздной Ночи. Рейк, Грива Хаоса. Вот кто такой владыка Луны, и ты выставляешь против него четырёх Высших магов и один отряд чародеев.

На гладком лице Тайшренна теперь поблёскивали капельки пота.

– Тисте анди, – проговорил он ровным голосом, – не похожи на нас. Тебе они могут показаться непредсказуемыми, но это не так. Они просто другие. У них нет собственной цели. Они просто переходят от одной человеческой драмы к другой. Ты и правда думаешь, что Аномандр Рейк останется здесь и будет драться?

– А Каладан Бруд отступил? – огрызнулся Локон.

– Он не тисте анди, Локон. Он человек – некоторые говорят, с примесью крови баргастов, но так или иначе в нём нет ни само́й Старшей крови, ни верности её обычаям.

Рваная Снасть сказала:

– Ты рассчитываешь, что Рейк предаст чародеев Крепи – нарушит договор, который они заключили.

– Риск не так велик, как может показаться, – сказал Высший маг. – Беллурдан кое-что выяснил в Генабарисе, чародейка. Новые свитки «Блажи Готоса» нашлись в горах за Чернопёсьим лесом. В них, среди прочего, есть рассуждения о тисте анди и других народах Старшей эпохи. И вспомните – Семя Луны уже однажды отступило вместо того, чтобы ввязаться в открытый бой с Империей.

Волны ужаса прокатывались по всему телу Рваной Снасти, так что даже колени задрожали. Она снова села – так тяжело, что походный стул заскрипел.

– Ты обрекаешь нас на смерть, – сказала чародейка, – если ошибся в расчётах. Не только нас, Высший маг, ты погубишь всё Войско Однорукого.

Тайшренн медленно повернулся спиной к Локону и остальным.

– Приказ императрицы Ласиин, – бросил он, не оборачиваясь. – Наши коллеги прибудут через Путь. Когда они окажутся здесь, я распределю позиции. Это всё.

Размашисто шагая, он вернулся в соседнюю комнату и принял прежнюю позу над столом с картами.

Дуджек словно за миг постарел. Рваная Снасть быстро отвела от него взгляд, ей было слишком больно видеть одиночество в его глазах и кроющееся в глубине подозрение.

«Трусиха – вот ты кто, женщина. Трусиха!»

Наконец, Первый Кулак откашлялся.

– Маги, готовьте свои Пути. Честная сделка – как всегда.

Надо отдать Высшему магу должное, подумала Рваная Снасть. Тайшренн стоял на первом холме, почти в тени Луны. Они разделились на три группы, и каждая заняла позицию на одной из вершин, на равнине под стенами Крепи. Отряд чародеев стоял на самой дальней, Тайшренн – на ближней. На центральном холме расположились три остальных Высших мага. Рваная Снасть знала всех их. Ночная Стужа, с волосами чёрными, как вороново крыло, высокая и властная до жестокости, которая так привлекала старого Императора. Рядом с ней – её вечный спутник, Беллурдан, сокрушитель черепов, великан из народа теломенов, который обладал такой неимоверной физической силой, что мог бы даже попытаться выбить ворота Луны, если бы до этого дошло. И А'Каронис, повелитель пламени, низенький и округлый, с пылающим посохом длиннее обычного копья.

Вторая и Шестая армии выстроились на равнине и обнажили оружие, готовые ринуться на штурм, едва лишь будет дан сигнал. Семь тысяч ветеранов и четыре тысячи новобранцев. Легионы чёрных морантов выстроились на западной гряде в четверти мили от них.

Полуденный воздух был недвижен. Над солдатами вились заметные издалека рои жадных насекомых. Небо затянуло тонким, но сплошным слоем туч.

Рваная Снасть стояла на вершине холма, под одеждой по телу катился пот. Она смотрела на солдат на равнине – там, под ногами маленького магического отряда. Согласно всем правилам, за ней должны были стоять шесть магов, но осталось только двое. Чуть в стороне ждал Локон, закутанный в тёмно-серый плащ – его боевое облачение, – и выглядел весьма самоуверенно.

Калот легонько толкнул Рваную Снасть локтем и кивнул головой в сторону Локона.

– Чему это он так радуется?

– Локон, – позвала Рваная Снасть. Маг обернулся к ней. – Ты угадал имена трёх Высших магов?

Он улыбнулся, потом снова отвернулся.

– Ненавижу, когда он что-то скрывает, – сказал Калот.

Чародейка проворчала:

– Он что-то понял, это наверняка. Что такого особенного в Ночной Стуже, Беллурдане и А'Каронисе? Почему Тайшренн выбрал их, и как Локон узнал, что он выберет именно их?

– Вопросы, вопросы, – вздохнул Калот. – Все трое бывали и не в таких переделках. Во времена Императора каждый командовал ротой адептов – когда в Империи ещё было столько магов, что набирали настоящие роты. А'Каронис выслужился во время Фаларской кампании, а Беллурдан с Ночной Стужей и того раньше – они пришли из Фенна, что на материке Квон, во время объединительной войны.

– Все – бывалые ветераны, – проговорила Рваная Снасть, – это ты верно сказал. И никто из них в последнее время на действительной службе не появлялся, так ведь? Их последний поход – тот, что был в Семи Городах…

– Где А'Каронис получил хорошую трёпку в пустоши Пан'потсун…

– Он остался один – Императора только что убили. Всё погрузилось в хаос. Т'лан имассы отказались признать новую Императрицу и пошли в Яг-одан.

– Говорят, вернулась их от силы половина – с кем бы они там ни столкнулись, встреча была неприятная.

Рваная Снасть кивнула. Ночную Стужу и Беллурдана отправили в Натилог, где они и сидели без дела последние шесть-семь лет…

– Пока Тайшренн не послал теломена в Генабарис, чтобы разобрать какие-то древние свитки.

– Мне страшно, – призналась Рваная Снасть. – Очень страшно. Ты видел лицо Дуджека? Он что-то *понял* — и это его ранило, как кинжал в спину.

– Пора работать, – крикнул Локон.

Калот и Рваная Снасть обернулись. Она задрожала. Семя Луны равномерно вращалось вокруг своей оси последние три года. Сейчас – остановилось. У самой вершины напротив них на небольшом выступе открылась ниша. Проход. Пока ничто не шевельнулось.

– Он знает, – прошептала чародейка.

– И не убегает, – добавил Калот.

Внизу, на первом холме, Высший маг Тайшренн поднялся и развёл руки в стороны. Волна золотого пламени разлилась между его ладонями, а потом покатилась вверх, разрастаясь по пути к Семени Луны. Заклятье врезалось в чёрный камень, и в стороны, а затем вниз посыпались обломки. Смертельный град обрушился на город Крепь и малазанские легионы на равнине.

– Началось, – выдохнул Калот.

Ответом на первую атаку Тайшренна была тишина, если не считать слабого рокота камней, скользивших по черепичным крышам, и далёких криков раненых солдат на равнине. Все взгляды устремились вверх.

Ответ был неожиданным для всех.

Чёрная туча окружила Семя Луны, а затем послышались пронзительные крики. В следующий миг туча проредилась, рассыпалась, и Рваная Снасть поняла, что́ видит.

Во́роны.

Тысячи и тысячи Великих во́ронов. Они, должно быть, гнездились в расселинах и выбоинах на поверхности Семени. Их карканье стало более явным, обратилось дикой какофонией ярости. Они разлетелись в стороны от Луны, раскинули огромные семифутовые крылья, поймали ветер и вознеслись высоко над городом и равниной.

Страх в сердце Рваной Снасти переплавился в ужас.

Локон хрипло расхохотался и обернулся к ним.

– Это посланцы Луны, коллеги! – В его глазах плясало безумие. – Это птицы-падальщики! – Он отбросил плащ и раскинул руки. – Вообразите себе господина, который может накормить тридцать тысяч Великих во́ронов!

На уступе возле прохода появилась фигура, она подняла руки, а ветер разметал серебристые волосы на её голове.

«Грива Хаоса. Аномандр Рейк. Властитель чернокожих тисте анди, который видел сто тысяч зим, который пробовал кровь драконов, который правит последними своими соплеменниками, сидя на престоле Печали, в королевстве трагическом и волшебном – королевстве, лишённом своей земли».

Аномандр Рейк казался крохотным на фоне цитадели, почти незаметным на таком расстоянии. Эта иллюзия вскоре рассыпалась. Чародейка ахнула, когда аура его силы хлынула во все стороны – *её видно даже на таком расстоянии*…

– Откройте свои Пути, – срывающимся голосом приказала Рваная Снасть. – Живо!

Пока Рейк ещё собирался с силами, два шара голубого пламени взлетели с центрального холма. Они врезались в Луну у основания, и цитадель вздрогнула. Тайшренн выпустил ещё одну волну золочёного огня, увенчанную янтарной пеной и красноватыми языками дыма.

Владыка Луны ответил. Чёрная, бурлящая лавина скатилась на первый холм. Высший маг рухнул на колени, но отразил её, хотя холм почернел, когда некротическая сила прокатилась вниз по склонам и окутала ближайшие ряды солдат. Рваная Снасть видела, как плоть полуночи поглотила беспомощных людей, а потом раздался грохот, который отдавался в земле под ногами. Когда плоть растаяла, солдаты остались лежать сгнившими грудами, словно скошенные стебли пшеницы.

Чародейство Куральд Галейн. Старшая магия, Дыхание Хаоса.

Её собственное дыхание участилось, когда Рваная Снасть почувствовала, как в неё устремился Путь Тир. Она придала ему форму, прошептав сплетающие слова, а потом высвободила силу. Калот последовал её примеру, черпая из своего Пути Мокра. Локон погрузился в собственный таинственный источник, и весь отряд вступил в бой.

С этого момента всё смешалось в глазах Рваной Снасти, но какая-то её часть, дрожа на привязи ужаса, продолжала наблюдать за размытыми картинами происходящего.

Мир превратился в оживший кошмар: магия взмывала и впивалась в Семя Луны, магия струилась вниз и губила всё и всех без разбора. Земля вставала на дыбы и устремлялась к небу грохочущими колоннами. Скалы катились по рядам солдат, как горячие камни по снегу. С неба сыпались хлопья пепла и покрывали равно живых и мёртвых. Небо стало бледно-розовым, а солнце за мороком поблекло и превратилось в медный диск.

Она видела, как волна магии пробилась через защиту Локона и разрубила его напополам. В вопле мага звучала скорее ярость, чем боль, но он мгновенно стих, когда болезнетворная сила накатилась на Рваную Снасть. Чародейка чувствовала, как её защита тает под холодной, вопящей волей чар, что стремились уничтожить её. Она покачнулась, отшатнулась – и выдержала только потому, что Калот добавил силу Мокры к её слабеющему щиту. Потом волна прошла мимо и прокатилась слева от них по склону холма.

Рваная Снасть упала на колени. Калот стоял рядом и сплетал вокруг неё слова силы, но не смотрел на Семя Луны, его взгляд впился во что-то внизу, на равнине. Глаза мага широко раскрылись от ужаса.

Рваная Снасть слишком поздно поняла, что происходит. Калот защищал её в ущерб себе. Это было его последним поступком в миг, когда Калот уже видел, как на него накатывается его собственная смерть. Мага окутала вспышка яркого пламени. Сеть защиты вокруг

Рваной Снасти внезапно исчезла. Поток трескучего жара от того места, где стоял Калот, повалил её на бок. Чародейка скорее почувствовала, чем услышала собственный крик, и тут рухнули стены отстранённости, рассыпались последние защитные барьеры её души.

Сплюнув пыль и пепел, Рваная Снасть поднялась на ноги и больше уже не атаковала, а только прилагала все силы к тому, чтобы остаться в живых. Где-то у неё в голове отчаянно и настойчиво кричал голос. *Калот смотрел на равнину, а не на Семя Луны – он смотрел направо! Локона поразили чары с равнины!* Она увидела, что рядом с Ночной Стужей возник демон-кенрилл'ах. С пронзительным хохотом великан разорвал Ночную Стужу на куски. Он уже начал пожирать её останки, когда подоспел Беллурдан. Теломен низко завыл, когда демон полоснул изогнутыми когтями по его груди. Не обращая внимания на раны и хлещущую из них кровь, теломен обхватил ладонями голову демона и раздавил её.

А'Каронис выпускал из своего посоха один сгусток огня за другим, пока Семя Луны почти не скрылось в языках пламени. Потом призрачные крылья льда сомкнулись вокруг низенького, толстого чародея и заморозили его на месте. В следующий миг его фигура рассыпалась в пыль.

Магия неустанно бушевала вокруг Тайшренна, который стоял на коленях на вершине измолотого чарами, почерневшего холма. Но каждую новую волну он отбивал в сторону, и они несли смерть и опустошение войскам на равнине. Громче чародейской бури в воздухе, громче пронзительных криков невидимых за пеплом во́ронов, громче рокота падающих скал и воплей умирающих и раненых, громче жутких криков демонов, которые набросились на солдат, – громче всего немолчно рокотал напор Высшего мага. Огромные куски камня отрывались от Луны и, объятые пламенем и дымом, падали на Крепь, превращая город в кипящий котёл хаоса и смерти.

Уши заложило, и всё тело дрожало так, будто сама плоть судорожно пыталась вздохнуть. Рваная Снасть не сразу поняла, что колдовская буря стихла. Даже голос, который кричал в глубине её сознания, замолк. Она подняла затуманенные глаза и увидела, что Семя Луны, укрытое дымом и пылающее в дюжине трещин на изуродованной поверхности, медленно удаляется, отступает. Потом оно оказалось уже за городом, Семя кренилось на сторону и вращалось с видимым трудом. Семя Луны направилось на юг, в сторону далёких Тахлинских гор.

Она оглянулась и смутно припомнила: отряд солдат искал прибежища на изрытой вершине холма. Картина поразила её так, что чародейка потеряла последние силы к сопротивлению. От солдат не осталось ничего, кроме доспехов. *Это честная сделка, чародейка.* Она судорожно всхлипнула, а потом перевела взгляд на первый холм.

Тайшренн лежал на земле, но был жив. Полдюжины морпехов взобрались по склону холма и окружили Высшего мага. Вскоре его унесли.

Бо́льшая часть одежды Беллурдана сгорела, а тело покрывали багровые ожоги, но он оставался на центральном холме и собирал части тела Ночной Стужи, его голос звенел в бессловесном вое отчаяния. Эта картина – весь её ужас и трагизм – ударила в сердце Рваной Снасти, как молот по наковальне. Чародейка быстро отвернулась.

– Будь ты проклят, Тайшренн.

Крепь пала. За это заплатили жизнями солдаты Однорукого и четыре мага. Только теперь пришли в движение легионы чёрных морантов. Рваная Снасть стиснула зубы, её пухлые губы сжались в тонкую линию и побелели. Нечто шевелилось в её памяти, и чародейка почему-то была уверена, что эта сцена ещё не сыграна до конца.

Чародейка ждала.

«Пути магии – по ту сторону. Найди врата и приоткрой хоть на волос. Что вытечет наружу – твоё, придавай ему форму. – С этими словами юная женщина встала на тропу

чародейства. – *Откройся тому Пути, который придёт к тебе – найдёт тебя. Черпай его силу – столько, сколько смогут вместить твои тело и душа. Но помни: когда тело ослабеет, врата закроются».*

Руки и ноги болели. Рваная Снасть чувствовала себя так, словно кто-то последние два часа безжалостно колотил её палкой. Меньше всего она ожидала горьковатого привкуса на кончике языка, который говорил, что на холме появилось нечто жуткое и злобное. Чародеи редко чувствовали такие признаки, если врата не были открыты, а Путь – проявлен и полон силы. Она слышала рассказы других магов и читала в заплесневелых свитках о таких мгновениях, когда являлась стонущая, смертоносная сила, и всегда, говорили они, в этот миг по смертной земле ступал *бог*.

Если бы Рваная Снасть могла подобрать подходящий образ для такого бессмертного присутствия, то холодным гвоздём в эту реальность вошёл бы Худ, бог Смерти. Но интуиция подсказывала: это не так. Чародейка верила, что сюда снизошёл не бог, но *нечто другое.* Её ужасно терзало то, что она не могла определить, кто из окружавших её людей был опасным. Взгляд невольно возвращался к юной девушке. Но та, казалось, вообще не обращает на них внимания.

Наконец внимание чародейки привлекли голоса за спиной. Сержант Скворец стоял рядом с Быстрым Беном и вторым солдатом, которые склонились над Локоном. Быстрый Бен сжимал в руке продолговатый предмет, завёрнутый в шкуру, и смотрел на сержанта снизу вверх, словно просил разрешения.

Между двумя мужчинами росло напряжение. Рваная Снасть нахмурилась и подошла ближе.

– Что ты делаешь? – спросила она Быстрого Бена, глядя на предмет, который чародей держал в тонких, почти женских руках. Он словно и не услышал её, впившись глазами в сержанта.

Скворец бросил на неё взгляд.

– Давай, Бен, – проворчал он, а потом отошёл и остановился у склона холма, глядя на запад – на Морантские горы.

Тонкие, аскетические черты лица Быстрого Бена напряглись. Он кивнул своему спутнику.

– Готовься, Калам.

Солдат, которого назвали Каламом, сел на пятки и спрятал руки в рукавах. Эта поза казалась странным ответом на слова Быстрого Бена, однако маг, судя по всему, был доволен. Рваная Снасть увидела, как он положил тонкую, паучью ладонь на дрожащую, залитую кровью грудь Локона. Бен прошептал несколько сплетающих слов и закрыл глаза.

– Похоже на заклятье Денула, – заметила Рваная Снасть, глядя на неподвижного Калама. – Но не совсем, – медленно добавила она. – Он его как-то странно выкрутил.

Потом она замолчала, заметив в Каламе нечто, напоминающее готовую к атаке змею. И его, пожалуй, легко спровоцировать. Пара неуместных слов или неосторожное движение в сторону Быстрого Бена или Локона. Калам казался грузным, но она помнила, с какой лёгкостью он проплыл мимо неё. *Вот уж и вправду змей. Этот человек – убийца, солдат, который достиг высочайшего уровня в искусстве смерти. Это уже не работа, ему нравится убивать.* Она подумала, может быть, это он – источник той энергии, тихого обещания угрозы, которое окутывало её почти сладострастным маревом. Рваная Снасть вздохнула. *День извращений.*

Быстрый Бен снова затянул сплетающие слова – на этот раз над продолговатым предметом, который уже лежал рядом с Локоном. Она видела, как вьющаяся сила опутала предмет, с растущим пониманием наблюдала, как маг водит длинными пальцами по швам на шкуре.

Он полностью контролировал течение энергии. Бен превосходил её во владении магией. Он открыл Путь, который Рваная Снасть даже не смогла опознать.

– Да кто же вы такие? – прошептала она, делая шаг назад.

Глаза Локона широко открылись, и в них не было и следа боли и потрясения. Он нашёл взглядом чародейку, и на его разбитых губах заиграла лёгкая улыбка.

– Утраченное искусство, Снасть. То, что ты сейчас увидишь, не делали уже тысячу лет. – Потом его лицо потемнело, а улыбка поблекла. Что-то вспыхнуло в его глазах. – Вспоминай, женщина! Я и Калот. Когда нас накрыло, что ты видела? Ты что-то почувствовала? Что-то странное? Давай, думай! Смотри на меня! Смотри на мою рану, смотри, как я упал! Куда я смотрел, когда пришла волна?

Она распознала огонь в его глазах – ярость, смешанную с триумфом.

– Я сама не знаю, – медленно проговорила она. – Да, было что-то.

Та холодная, отрешённая часть её сознания, которая бодрствовала во время битвы, кричала в голове Снасти, когда погиб Калот, кричала в ответ на волны магии – кричала, что *атака пришла с равнины.* Она прищурилась и посмотрела на Локона.

– Аномандр Рейк вообще не целился. Он разил всех без разбора. Те волны силы были *прицельными,* так ведь? Они прикатились с другой стороны. – Она задрожала. – Но почему? Зачем бы Тайшренну так поступать?

Локон поднял изуродованную руку и вцепился в плащ Быстрого Бена.

– Используй её, маг. Я рискну.

Мысли Рваной Снасти неслись вскачь. В тоннели Локона послал Дуджек. А Скворец и его взвод были там, внизу. Они заключили договор.

– Локон, что происходит? – требовательно спросила она, мускулы на шее и плечах окаменели от страха. – Что значит «использовать» меня?

– Женщина, протри глаза!

– Тихо, – сказал Быстрый Бен.

Он положил свёрток на развороченную грудь мага, вдоль грудины. Верхний конец оказался у Локона под подбородком, а нижний выступал на несколько дюймов за тем, что осталось от торса. По неподвижной поверхности шкуры безостановочно плясала паутина чёрной энергии.

Быстрый Бен провёл рукой над предметом, и паутина растеклась в стороны. Блестящие чёрные нити выписывали хаотические узоры по всему телу Локона, пронзали его насквозь, рисунок постоянно менялся – всё быстрее и быстрее. Локон судорожно дёрнулся, выпучив глаза, а потом уронил голову. Дыхание вырвалось из его лёгких с долгим шипением. Когда оно стихло с влажным бульканьем, маг больше не дышал.

Быстрый Бен сел на корточки и оглянулся на Скворца. Сержант теперь смотрел на них с непроницаемым выражением лица.

Рваная Снасть утёрла пот со лба закопчённым рукавом.

– Значит, не получилось. Ты не смог сделать то, что пытался.

Быстрый Бен встал на ноги. Калам поднял свёрток и шагнул к Рваной Снасти. Убийца сверлил её лицо тёмным, острым взглядом.

Быстрый Бен заговорил:

– Погоди, чародейка. Забери это в свой шатёр и разверни там. И ни в коем случае не позволяй Тайшренну это увидеть.

Рваная Снасть нахмурилась.

– Да ну? Вот просто так? – Она посмотрела на свёрток. – Я даже не знаю, что принимаю. Как бы там ни было, мне это не нравится.

Резкий и обвинительный голос девушки зазвучал прямо за спиной у Снасти:

– Я не знаю, что ты сделал, маг. Я почувствовала, что ты меня не подпускал. Это было некрасиво.

Рваная Снасть обернулась к девушке, а потом бросила взгляд на Быстрого Бена. *Да что же это такое?* Лицо чернокожего мага было ледяным, но она успела заметить проблеск в глазах. Проблеск, похожий на страх.

Скворец тут же одёрнул девушку.

– Тебе есть что сказать по этому поводу, новобранец? – сурово спросил он.

Тёмные глаза девушки скользнули к сержанту. Она пожала плечами и отошла.

Калам протянул свёрток Рваной Снасти.

– Ответы, – тихо сказал он с мелодичным и округлым акцентом выходца из Семи Городов. – Ответы нужны всем нам, чародейка. Высший маг убил твоих товарищей. Взгляни на нас. Мы – всё, что осталось от «Мостожогов». Ответы не так-то просто… получить. Ты готова заплатить за них?

Бросив последний взгляд на безжизненное тело Локона – так жестоко изувеченное – и его безжизненные глаза, она приняла свёрток. Он показался ей лёгким. В шкуру завернули что-то небольшое; у предмета внутри были подвижные части, и она нащупала какие-то твёрдые выпуклости и черенки. Она посмотрела на грубое лицо убийцы.

– Я хочу, – медленно сказала она, – чтобы Тайшренн получил по заслугам.

– В этом мы сходимся, – улыбнулся Калам. – И тут – начало всему.

У Рваной Снасти что-то сжалось в животе от этой улыбки. *Ох, женщина, во что же ты ввязалась?* Она вздохнула.

– Договорились.

Повернувшись, чтобы спуститься по склону в главный лагерь, Рваная Снасть перехватила взгляд девушки. По её телу прокатился холод. Чародейка остановилась.

– Эй, новобранец, – позвала она. – Как тебя зовут?

Девушка улыбнулась, словно это была какая-то шутка для своих:

– Жаль.

Рваная Снасть хмыкнула. Всё сходится. Она сунула свёрток под мышку и медленно заковыляла вниз по склону.

Сержант Скворец пнул ногой шлем и проследил за тем, как тот, кувыркаясь и подпрыгивая, скатился вниз с холма. Затем сержант резко развернулся и уставился на Быстрого Бена.

– Готово?

Маг быстро взглянул на Жаль, а потом кивнул.

– Ты привлечёшь ненужное внимание к нашему взводу, – сказала Скворцу девушка. – Высший маг Тайшренн заметит.

Сержант приподнял бровь.

– Ненужное внимание? Это ещё что значит?

Жаль не ответила.

Скворец хотел выругаться, но прикусил язык. Как там её назвал Скрипач? *Жутковатая сучка.* Он это ей сказал прямо в лицо, а девушка только посмотрела на него своими каменными, мертвенными глазами. Скворцу приходилось помимо воли признать, что он согласен с грубой оценкой сапёра. Хуже того: эта пятнадцатилетняя девчонка пугала Быстрого Бена чуть не до потери сознания, и маг отказывался об этом говорить. Что же за подарочек подбросила ему Империя?

Скворец перевёл взгляд на Рваную Снасть. Она шла внизу по полю боя. Во́роны с криками взлетали у неё из-под ног и кружили над головой, оглашая равнину тревожным и испуганным карканьем. Сержант почувствовал рядом с собой надёжное присутствие Калама.

– Худов дух, – пробормотал Скворец. – Эти птицы, кажется, вообразили, что чародейка – просто нечестивый ужас во плоти.

– Не в ней дело, – сказал Калам, – а в том, что она несёт.

Скворец прищурился и поскрёб бороду.

– Дурно пахнет. Ты уверен, что это необходимо?

Калам пожал плечами.

– Скворец, – сказал у него за спиной Быстрый Бен, – они нас *держали в тоннелях*. Думаешь, Высший маг не знал, что случится?

Сержант обернулся к чародею. В дюжине шагов от них стояла Жаль, ей наверняка было хорошо слышно. Скворец поморщился, но ничего не сказал.

После недолгого, но тяжёлого молчания сержант перевёл взгляд на город. Последние легионы морантов входили под арку Западных ворот. За искорёженными стенами поднимались столбы чёрного дыма. Он знал кое-что о жестокой вражде между морантами и жителями некогда Вольного города Крепи. Свары за караванные пути, два торговых народа, всегда готовые вцепиться друг другу в глотку. И Крепь побеждала чаще, чем проигрывала. А вот теперь облачённые в чёрную броню воины из-за западных гор, воины, которые скрывали лица за хитиновыми забралами шлемов и переговаривались на языке щелчков и жужжания, наконец-то готовы были сравнять счёт. Еле слышно за карканьем падальщиков зазвучали вопли мужчин, женщин и детей, которых предавали мечу.

– Похоже, Императрица сдержала данное морантам слово, – тихо сказал Быстрый Бен. – Час бойни. Не думал я, что Дуджек…

– Дуджек получает приказы, – отрезал Скворец. – И у него на шее сидит Высший маг.

– Час, – повторил Калам. – А потом нам за ними убирать.

– Не нашему взводу, – сказал Скворец. – Мы получили новый приказ.

Оба солдата уставились на своего сержанта.

– И тебя ещё нужно убеждать? – возмутился Быстрый Бен. – Они нас в землю загоняют. Они же хотят…

– Хватит! – рявкнул Скворец. – Не сейчас. Калам, найди Скрипача. Нам нужно забрать снаряжение у морантов. Бен, собери остальных и возьми с собой Жаль. Встречаемся через час у шатра Первого Кулака.

– А ты? – спросил Быстрый Бен. – Что собираешься делать ты?

Сержант услышал в голосе чародея плохо скрытую надежду. Ему нужна была поддержка или, может, подтверждение того, что они поступают правильно. *Только вот поздновато для этого.* Но всё равно Скворец почувствовал укол сожаления – он не мог дать Быстрому Бену то, чего хотел больше всего. Не мог ему сказать, что всё уладится. Скворец сел на пятки, глядя на Крепь.

– Что я собираюсь делать? Я собираюсь подумать, Быстрый Бен. Я слушал и тебя, и Калама, и Вала, и Скрипача, и даже Тротц успел пожевать мне ухо. Теперь моя очередь. Так что отстань, чародей, и эту проклятую девчонку забери с собой.

Быстрый Бен вздрогнул и отступил. Что-то в словах Скворца ему очень не понравилось – а может, вообще всё.

Сержант слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. Ему нужно было обдумать новое задание. Если бы Скворец был религиозным человеком, он пролил бы кровь в Чашу Худа, чтобы воззвать к теням своих предков. Ему было тяжело это признать, но сержант разделял ощущение, которое испытывали солдаты его взвода: кто-то в Империи желал «Мостожогам» смерти.

Крепь осталась позади, ночной кошмар, который пеплом осел на языке. Впереди ждало новое назначение: легендарный город Даруджистан. Скворца терзало смутное предчувствие того, что вот-вот начнётся новый кошмар.

В лагере, у склона последнего из голых холмов, нагруженные ранеными солдатами повозки запрудили узкие дорожки между рядами палаток. Обычный порядок малазанского военного лагеря обратился в ничто, воздух дрожал от криков и стонов, в которых звучали боль и ужас солдат. Рваная Снасть шагала мимо выживших воинов, перешагивала через лужи крови в колеях, и взгляд её невольно задержался на отвратительной куче ампутированных конечностей рядом с шатром хирурга. Из обширного лабиринта палаток и лачуг маркитанток раздавался вой – нестройный хор тысяч голосов служил леденящим напоминанием о том, что война всегда несёт горе.

В трёх тысячах миль отсюда, в военном штабе имперской столицы, в Унте, безымянный секретарь вычеркнет красными чернилами Вторую армию из списка действующего состава, а после припишет рядом мелким почерком: *«Крепь, конец зимы, 1163-й год Сна Огни».* Так будет отмечена смерть девяти тысяч мужчин и женщин. А потом – позабыта.

Рваная Снасть скривилась. *Некоторые из нас не забудут.* «Мостожоги» явно подозревают неладное. Мысль о том, чтобы открыто выступить против Тайшренна, подогревалась яростью и – если Высший маг *действительно* убил Калота – чувством того, что Рваную Снасть предали. Но она знала, что эмоции часто берут над ней верх. Колдовская дуэль с Высшим магом Империи отправит её прямиком к Вратам Худа. Праведный гнев уложил в землю больше мертвецов, чем любая империя мира, и как говорил Калот: «Можно сколько угодно потрясать кулаками, но труп – это труп».

Рваная Снасть видела слишком много смертей с тех пор, как вступила в ряды Малазанской империи, но они по крайней мере не были на её совести. Теперь всё было иначе, и этого ей хватит надолго. *Я уже не та, что прежде. Я двадцать лет пыталась смыть с рук кровь.* Но нынче перед её глазами снова и снова вставали пустые доспехи на вершине холма, и эта картина разрывала ей сердце. Эти люди бежали к *ней* в надежде найти защиту от ужасов на равнине. То была отчаянная, смертельно опасная надежда, но Рваная Снасть их понимала. Тайшренну было на них плевать, а ей – нет. Она была одной из них. В прежних битвах все они дрались, как бешеные собаки, чтобы только не дать вражеским легионам убить её. Но это была война магов. *Её* территория. На услуги во Второй было принято отвечать услугами. Это помогало всем оставаться в живых и сделало Вторую легендарным легионом. Солдаты ждали от Рваной Снасти помощи и имели на это право. Они пришли к ней за спасением. И умерли за это.

А если бы я тогда пожертвовала собой? С помощью своего Пути защитила их, а не спасала собственную шкуру? В тот раз она выжила благодаря инстинкту, а инстинкт не имеет ничего общего с альтруизмом. Альтруисты на войне долго не живут.

Быть живой, решила Рваная Снасть, подходя к своему шатру, совсем не то же самое, что радоваться жизни. Она вошла и закрыла за собой полог, а потом остановилась и осмотрела свои пожитки. Вещей накопилось удивительно мало – это за двести девятнадцать лет жизни. Дубовый сундук, в котором лежала её книга по магии Тира, был по-прежнему запечатан защитными чарами; небольшой набор алхимической посуды и инструментов валялся на столике рядом с её койкой, словно детские игрушки, брошенные посреди игры.

Среди хлама лежала Колода Драконов. Взгляд чародейки задержался на гадательных картах, прежде чем двинуться дальше. Всё выглядело по-другому, словно этот сундук, алхимические инструменты и вся одежда принадлежали кому-то другому: более молодой женщине, ещё не чуждой тщеславия. Только Колода – Оракулы – отозвалась, будто старая подруга.

Рваная Снасть подошла и встала у стола. Она рассеянно положила рядом свёрток, который ей дал Калам, и вытащила из-под стола табурет. Потом села и потянулась к Колоде, но задержала руку.

Уже несколько месяцев что-то удерживало чародейку. Наверное, смерть Калота можно было предсказать, и наверное, это подозрение всё время пряталось где-то на краю сознания. Боль и страх всю жизнь формировали её душу, но время, проведённое с Калотом, эту форму меняло – делало светлой, счастливой, свободной. Рваная Снасть называла это маленькой радостью.

– И снова ты сама отказалась? – Она почувствовала в собственных словах горечь, и тотчас возненавидела себя за это. Прежние демоны вернулись к ней и потешались над крахом её иллюзий. *Ты уже однажды отказалась от Колоды – в ночь перед тем, как Паяцу перерезали горло, в ночь перед тем, как Танцор и человек, который потом начал править Империей, пробрались в замок твоего хозяина – твоего любовника. Ты же не будешь отрицать, что есть в этом некая закономерность, женщина?*

От воспоминаний, которые она считала давно похороненными, на глаза навернулись слёзы. Рваная Снасть часто заморгала и посмотрела на Колоду.

– Ну что, старая подруга, хочу ли я, чтобы ты поговорила со мной? Нужны мне твои напоминания, твоя сухая уверенность в том, во что верят только дураки?

Краем глаза она заметила какое-то движение. Внутри свёртка что-то зашевелилось. Тут и там кожа приподнималась. Рваная Снасть поражённо смотрела на свёрток. Потом, затаив дыхание, она взяла его и положила перед собой. Чародейка вытащила из ножен у пояса небольшой кинжал и начала разрезать швы. Предмет внутри замер, словно ждал результата её усилий. Она откинула отрезанный кусок кожи.

– Снасть, – произнёс знакомый голос.

Широко раскрытыми глазами чародейка смотрела, как из свёртка выбирается деревянная кукла в ярко-жёлтой шёлковой одежде. На круглом лице были краской нарисованы знакомые черты.

– Локон.

– Рад тебя снова видеть, – проговорила кукла, поднимаясь на ноги. Она зашаталась и раскинула искусно вырезанные руки, чтобы удержать равновесие. – А душа-то всё-таки перенеслась, – заявил он, снимая шляпу, и даже умудрился неуклюже поклониться.

Перенос душ.

– Но это искусство было утрачено столетия назад! Даже Тайшренн… – Она замолкла и плотно сжала губы. Её мысли неслись вскачь.

– Об этом позже, – заявил Локон. Сделал несколько шагов, а потом склонил голову, чтобы осмотреть своё новое тело. – Ну, что ж, – вздохнул он, – глупо капризничать, не так ли? – Кукла подняла нарисованные глаза на чародейку. – Ты должна пойти в мой шатёр, прежде чем это взбредёт в голову Тайшренну. Мне нужна моя Книга. Ты теперь в деле. Назад дороги нет.

– В каком деле?

Локон не ответил и отвёл свой жутковатый взгляд. Он опустился на колени:

– Я, кажется, чую Колоду.

По телу Рваной Снасти потекли ручейки пота. Локон и раньше выводил её из равновесия, *но это…* Она чувствовала запах собственного страха. Чародейка была рада уже тому, что он хотя бы отвёл взгляд. Это Старшая магия, Куральд Галейн, если легенды не лгут. Магия смертоносная, жестокая, дикая и древняя. «Мостожоги» славились своей лихой удалью, но пойти по ближайшему к Хаосу Пути – это же чистое безумие. Или отчаяние.

Почти помимо воли Рваной Снасти открылся её Путь Тир, и сила наполнила усталое тело. Чародейка впилась глазами в Колоду.

Локон, видимо, это почувствовал.

– Рваная Снасть, – прошептал он с ноткой веселья в голосе. – Давай. Оракулы зовут тебя. Прочти то, что должно прочесть.

Скрепя сердце Рваная Снасть потянулась к Колоде Драконов и сама испугалась той волны восторга, которая при этом поднялась в ней. Чародейка видела, как задрожала рука, опустившись на Колоду. Снасть медленно перетасовала её, чувствуя, как прохлада лакированных деревянных карт просачивается сперва в её пальцы, а затем в руки.

– Я чувствую, что в них уже бушует буря, – сказала она, срезав карты и положив их на стол.

В ответ Локон только вызывающе и злобно расхохотался.

– Первый Дом направит путь. Быстро!

Она перевернула верхнюю карту и задержала дыхание.

– Рыцарь Тьмы.

Локон вздохнул.

– Владыка Ночи правит этой игрой. Ну, разумеется.

Рваная Снасть рассматривала нарисованную фигуру. Лицо, как и всегда, оставалось смазанным; Рыцарь был обнажён, его кожа – черна как смоль. Выше бёдер он выглядел как мускулистый мужчина, занёсший над головой чёрный двуручный меч, от которого тянулись и исчезали позади, во тьме, дымчатые, призрачные цепи. Нижняя часть его тела была драконьей, чёрная чешуя бледнела и на брюхе становилась серой. Как всегда, она увидела нечто новое, чего никогда не замечала раньше, нечто связанное с тем, что происходило сейчас. Во тьме над головой Рыцаря что-то висело: она заметила эту тень уголком глаза, и та тотчас пропала, когда чародейка сосредоточила взгляд. *Конечно, ты же никогда так легко не открываешь правду, так ведь?*

– Вторую карту! – торопил Локон, присевший рядом с вырезанным на столешнице игровым полем.

Чародейка перевернула вторую карту.

– Опонны.

Двуликие Шуты Удачи.

– Ах, Худ их побери, всегда они влезают, – проворчал Локон.

Верхнюю позицию заняла Госпожа, её брат-близнец озадаченно смотрел в нижней части карты. Значит, цепь удач, которые ведут, а не тащат вперёд – череда успехов. Выражение лица Госпожи было мягким, почти нежным, новая деталь, описывающая ситуацию. Пристальное внимание Рваной Снасти привлек второй, ранее не замеченный ею нюанс. Там, где правая рука Господина касалась левой руки Госпожи, между их ладонями виднелся крошечный серебряный диск. Чародейка наклонилась вперёд и прищурилась. Монета с мужской головой на аверсе. Она моргнула. Нет, с женской. А теперь мужской… и снова женской. Она резко откинулась назад. Монета вращалась.

– Дальше! – потребовал Локон. – Чего ты возишься?

Рваная Снасть поняла, что кукла не обратила никакого внимания на карту Близнецов и скорее всего едва скользнула по ней взглядом, просто чтобы опознать. Чародейка глубоко вздохнула. Локон и «Мостожоги» были накрепко связаны в этом раскладе, она это понимала интуитивно, но её собственная роль ещё не была определена. Эти две карты уже предвещали грядущее больше ей, чем им. Не много, но может хватить на то, чтобы выжить в будущих передрягах. Она резко выдохнула и с размаху хлопнула ладонью по Колоде.

Локон подпрыгнул, а потом резко обернулся к ней.

– И ты остановилась? – разъярился он. – Ты остановилась на Дураке? На второй карте?! Какая глупость! Продолжай играть, женщина!

– Нет, – ответила Рваная Снасть, собирая две карты и возвращая их в Колоду. – Я решила остановиться. И ты ничего не можешь с этим поделать. – Она поднялась.

– Сука! Я тебя могу убить в один миг! Здесь и сейчас!

– Ладно, – сказала Рваная Снасть. – Это хороший повод избежать отчёта для Тайшренна. Милости прошу, Локон. – Она скрестила на груди руки и ждала.

Кукла зарычала.

– Нет, – заявил Локон. – Ты мне нужна. И ты презираешь Тайшренна ещё больше, чем я. – Он склонил голову набок, обдумывая свои последние слова, а потом рассмеялся. – Поэтому я не жду предательства.

Рваная Снасть подумала об этом.

– Ты прав. – Она отвернулась и пошла к пологу шатра. Взялась рукой за грубый брезент, а потом остановилась. – Локон, как у тебя со слухом?

– Не жалуюсь, – проворчала кукла у неё за спиной.

– Ты сейчас что-то слышишь? *Крутящуюся монету?*

– Звуки лагеря, больше ничего. А что? Что ты услышала?

Рваная Снасть улыбнулась. Она ничего не ответила, откинула полог и вышла наружу. Пока она шла к штабному шатру, внутри неё затеплилась странная надежда.

Чародейка никогда не считала Опоннов союзниками. Рассчитывать в важном деле на удачу – полный идиотизм. Первый Дом, который она выложила, Дом Тьмы, коснулся её руки ледяным холодом, гудящим от волн жестокости и обезумевшей силы – и всё же там был какой-то странный привкус, чувство спасения. Рыцарь мог стать врагом или союзником, но скорее всего – ни тем ни другим. Он просто был – непредсказуемый, погружённый в себя. Но в тени воина пляшут Опонны, и Дом Тьмы спотыкается, замирает в полумраке между днём и ночью. Однако тем, что сильнее всего заставило её остановиться, была вертящаяся монета Опоннов.

Локон ничего не слышал. *Чудесно.*

Даже теперь, когда чародейка подходила к шатру командования, слабый звон звучал у неё в голове, и скорее всего она будет слышать его ещё некоторое время. Монета вертелась и вертелась. Опонны вечно показывали космосу два сменяющихся лика, но ставку сделала Госпожа. *Вертись, монетка. Вертись.*

Глава третья

Теломен, тартено, тоблакай…
узри имена народов
противящихся столь упорно
забвенью…
Легенда о них
нарушает мои расчёты
циничные, ослепляет
мой взор сверкающей славой…
«Не вторгайся в надёжную клеть
их неприступного сердца…

Не вторгайся в пределы бесстрастных
верных земле навеки
менгиров».
Теломен, тартено, тоблакай…
Стоят нерушимо столпы
до неба,
пятнают стылую землю
моей памяти…

Готос (род.?). Блажь Готоса (II:4)

Имперская трирема рассекала море, как отточенное лезвие секиры, паруса трещали, и рангоут скрипел на ветру. Капитан Ганос Паран не покидал своей каюты. Он уже давно до смерти устал высматривать землю на восточном горизонте. Земля появится – и появится скоро.

Паран откинулся на покатую стену перед своей койкой и, глядя, как лампы покачиваются из стороны в сторону, бездумно втыкал кинжал в единственную, осевую ножку стола, которая уже покрылась тысячей крошечных ямок.

В лицо капитану ударила волна прохладного, пыльного воздуха, он обернулся и увидел, как Шик выходит из врат Имперского Пути. Паран уже два года не встречал главу Когтей.

– Худов дух! – воскликнул Паран. – Неужели ты не можешь найти ткань другого цвета? Эта извращённая страсть к зелёному наверняка поддаётся лечению.

Высокий полукровка тисте анди, казалось, оделся в тот же самый костюм, который Паран видел на нём во время последней встречи: зелёная шерсть, зелёная кожа. Только бессчётные кольца, унизывавшие его длинные пальцы, поблёскивали другими цветами. Начальник Когтей пребывал в дурном расположении духа, и слова Парана его отнюдь не улучшили.

– Воображаете, что я получаю удовольствие от таких путешествий, капитан? Найти корабль в океане – задача, которая по плечу немногим чародеям.

– Что делает тебя очень надёжным посланником, – пробормотал Паран.

– Вижу, вы так и не собрались улучшить свои манеры, капитан. Признаюсь, я совершенно не понимаю, почему адъюнкт так в вас верит.

– Не стоит из-за этого не спать по ночам, Шик. Ну, раз уж ты меня отыскал, что тебе велели передать?

Коготь нахмурился.

– Она с «Мостожогами». У стен Крепи.

– Осада продолжается? Это свежие сведения?

– Получены меньше недели назад. С тех пор я вас разыскивал. В любом случае, – продолжил он, – мы наконец выходим из тупика.

Паран хмыкнул. Потом нахмурился.

– Который взвод?

– Вы их все знаете?

– Да, – отрезал Паран.

Шик нахмурился ещё больше, а потом поднял руку и начал рассматривать свои кольца.

– Взвод Скворца. Она среди его новобранцев.

Паран закрыл глаза. Ему не следовало удивляться. *«Боги играют со мной. Вопрос в том, какие именно боги? Ах, Скворец. Ты ведь командовал армией, когда Ласиин ещё называла себя Стервой, когда ты мог бы послушать своего спутника, мог сделать выбор. Ты мог остановить Стерву. Да что там, мог даже остановить меня. Но теперь ты командуешь взводом, всего только взводом, а она – Императрица. А я? Я – просто дурак, который пошёл за своими мечтами, они сбылись, но теперь хочу одного: чтобы всё это наконец закончилось».* Он открыл глаза и посмотрел на Шика.

– Скворец. Война за Семь Городов: прорыв в Арэне, священная пустыня Рараку, Пан’потсун, Натилог…

– Всё это во времена Императора, Паран.

– Значит, – сказал тот, – я приму командование над взводом Скворца. Задание приведёт нас в Даруджистан, город городов.

– Она уже проявляет свою силу, – поморщившись, сказал Шик. – Она растлила «Мостожогов», может быть, даже Дуджека Однорукого и всю Вторую и Третью армии в Генабакисе.

– Шутишь. Впрочем, моё дело – она. Только она. Адъюнкт согласна со мной в том, что мы уже достаточно долго ждали. Теперь ты мне говоришь, что мы ждали слишком долго? Не могу поверить, что Дуджек готов стать предателем – только не Дуджек. И не Скворец.

– Вам велено действовать по плану, но мне поручили напомнить вам, что всё должно оставаться в тайне, теперь более, чем когда-либо. Агент Когтей свяжется с вами, как только доберётесь до Крепи. Больше никому не доверяйте. Она уже нашла своё оружие и готовится нанести удар в самое сердце Империи. О провале задания не может быть и речи. – Странные глаза Шика блеснули. – Если вы чувствуете, что не готовы…

Паран внимательно осмотрел стоявшего перед ним мужчину. *«Если всё так плохо, как ты говоришь, почему же ты просто не послал пятерню Когтей?»*

Шик вздохнул, словно каким-то образом услышал мысленный вопрос Парана.

– Её использует бог, капитан. Убить её не так просто. План по ликвидации пришлось… исправить. Расширить, точнее сказать. Нужно разобраться с дополнительными угрозами, но эти нити уже сплетены. Исполняйте полученные приказы. Все риски следует уничтожить, чтобы мы смогли взять Даруджистан, а Императрица хочет заполучить этот город. Она также чувствует, что Дуджеку Однорукому пора… – он улыбнулся, – связать руки.

– Почему?

– У него есть сторонники. Всё ещё говорят, что Император прочил старого Дуджека в преемники.

Паран фыркнул.

– Император собирался править вечно, Шик. Это подозрение Ласиин – смехотворно, и продолжает существовать только потому, что оправдывает её паранойю.

– Капитан, – тихо проговорил Шик, – куда более влиятельные люди, чем вы, поплатились жизнью за куда меньшее. Императрица ждёт от своих слуг покорности и требует преданности.

– Любой разумный правитель требовал бы первого и ожидал второго.

Шик поджал губы.

– Примите командование взводом, не выпускайте из поля зрения эту женщину, но в остальном не делайте ничего, что могло бы позволить ей вас заподозрить. Займите место и ждите. Ясно?

Паран отвёл глаза и посмотрел в иллюминатор. Там виднелось голубое небо. Слишком много было умолчаний, полуправд и откровенной лжи в этом… *в этом хаосе. Как я разыграю карты, когда придёт время? Она должна умереть. Это, по крайней мере, понятно. А остальные? Я помню тебя, ты тогда стоял близко к трону, а мне и присниться не мог такой безысходный кошмар. Неужели и твоя кровь будет на моих руках, когда всё это закончится?* Он вдруг понял, что в глубине души уже сам не знает, кто тут на самом деле предатель, если вообще можно говорить о предателях. Неужели Империя – это Императрица? Или это нечто иное – наследие, устремление, мечта о мире и благоденствии для всех? Или это зверь, который никак не может насытиться? Даруджистан – величайший город мира. Неужели он падёт в руки Империи, сгорая в пламени пожаров? Мудро ли вообще открывать его ворота? Внутри беспокойных границ Малазанской империи люди жили в таком мире и покое, каких предки их никогда бы не смогли даже вообразить; и если бы не Когти, если бы не бесконечные войны в дальних землях, у них была бы и свобода. Об этом ли мечтал Император в самом начале? Да и важно ли это сейчас?

– Вы поняли меня, капитан?

Он бросил на Шика короткий взгляд и отмахнулся.

– Вполне.

Шик ощерился и широко раскинул руки. У него за спиной раскрылся Имперский Путь. Шик шагнул назад и исчез.

Паран наклонился и опёрся лбом о руки.

Стояла пора Течений, и в портовом городе Генабарисе малазанские грузовые корабли качались на волнах, натягивая швартовы, словно огромные звери. Не приспособленные для таких гигантских судов пирсы надрывно скрипели при всяком неожиданном, диком рывке верёвок на кнехтах.

Портовые склады были доверху заполнены тюками и ящиками с припасами, доставленными из Семи Городов на передовую. Интенданты скакали по ним, как обезьяны, в поисках печатей и меток и переговаривались между собой над головами грузчиков и солдат.

Агент прислонился к ящику у основания пирса, скрестив на груди мускулистые руки, и внимательно следил маленькими, узкими глазами за офицером, который сидел на тюке ярдах в тридцати дальше на пирсе. За последний час никто из них не пошевелился.

Агент никак не мог убедить себя, что это тот человек, которого ему поручили встретить. Офицер выглядел ужасно молодым и зелёным, как вонючая вода в этой бухте. На его форме всё ещё виднелись следы портновского мела, а на замотанной кожей рукояти длинного меча не было ни единого пятна пота. Вонью знатного рода от него несло, как дорогими духами. И уже час офицер просто сидел, сложив руки на коленях, глядя, как тупая корова, на бешеную беготню вокруг. Хоть он и был в чине капитана, ни единый солдат даже не подумал отдать ему честь – вонь была очень сильная.

Адъюнкт, наверное, получила хороший удар по башке во время последнего покушения на Императрицу. Только этим можно было объяснить, что этот мальчишка удостоился такого приёма, какой агенту велели оказать. *Притом лично.* Сейчас, кисло подумал он, вообще всем руководят идиоты.

Агент громко вздохнул, поднялся и неторопливо зашагал к офицеру. Тот даже не заметил, что не один, пока агент не встал прямо перед ним, – тогда капитан поднял взгляд.

Агент быстро пересмотрел свои выводы. Что-то во взгляде этого человека было очень опасным. Имелся в них некий блеск, очень глубоко, – и из-за этого глаза казались намного старше остального лица.

– Имя? – с явной неохотой спросил агент.

– А ты не торопился, – произнёс капитан и поднялся.

«Ещё и высокий, ублюдок». Агент нахмурился. Он терпеть не мог высоких ублюдков.

– Кого ждёте, капитан?

Офицер осмотрел пирс.

– Уже дождался. Пошли. Приму на веру, что ты знаешь, куда нам надо, – он наклонился и поднял вещевой мешок, а потом зашагал вперёд.

Агент догнал его и пошёл рядом.

– Ладно. Пусть будет так.

Они сошли с пирса и свернули в первую же улицу справа.

– Вчера вечером прибыл зелёный кворл. Вас отвезут прямо в Облачный лес, а оттуда чёрный заберёт вас в Крепь.

Капитан непонимающе поглядел на агента.

– Никогда не слышали о кворлах?

– Нет. Я так понимаю, что это какие-то ездовые животные. Зачем иначе снимать меня с корабля за тысячу лиг от Крепи?

– Их используют моранты, а мы используем морантов, – агент слегка нахмурился. – В последнее время используем часто. Зелёные служат курьерами и перевозят людей вроде нас с вами, но в Крепи расположились Чёрные, а разные кланы не любят встречаться. Моранты

разделены на несколько кланов, зовутся по цветам и одеваются соответственно. Никогда не спутаешь.

– И я поеду с Зелёным на кворле?

– Точно, капитан.

Они поднимались по узкой улице. Малазанские стражники стояли на каждом перекрёстке и держали руки на рукоятях мечей.

Капитан ответил на приветственный салют одного из солдат.

– Есть проблемы с бунтовщиками?

– Бунтовщики – есть. Проблем – нет.

– Давай проверим, правильно ли я тебя понял, – холодно проговорил капитан. – Вместо того, чтобы доставить меня на корабле в ближайшую к Крепи точку побережья, ты хочешь отправить меня по суше в компании варваров-полулюдей, которые пахнут как кузнечики и одеваются так же. Таким образом, никто ничего не заметит, особенно если учесть, что дорога займёт у нас год и, когда мы прибудем в Крепь, всё уже провалится в тартарары. Пока что верно?

Ухмыляясь, агент покачал головой. Несмотря на ненависть к высоким людям, точнее, к людям выше себя, он невольно проникся симпатией к этому офицеру. Он хотя бы говорил напрямую – и для знатного это было уже очень большое достижение. Может, Лорн всё-таки не все мозги растеряла.

– Вы сказали «по суше»? Не совсем, капитан. Скорей, по-над сушей. – Он остановился у непримечательной двери и обернулся к офицеру. – Кворлы, видите ли, летают. У них есть крылья. Целых четыре штуки. И прозрачные, так что насквозь всё видно. Можно даже пальцем такое крыло проткнуть. Только не делайте этого, когда будете в полумиле над землёй, ладно? Потому что путь вниз будет неблизким, да только проделаете вы его ужасно быстро. Слышали меня, капитан? – Он открыл дверь. За ней начиналась лестница наверх.

Лицо офицера побледнело.

– Хороши же у нас донесения разведки, – пробормотал он.

Ухмылка агента стала ещё шире.

– Мы же их получаем до вас. Тут и жить дают только по служебной необходимости. Помните это, капитан?..

В ответ офицер только улыбнулся.

Они вошли и заперли за собой дверь.

Молодой морпех перехватил Рваную Снасть, когда она шла по огороженной стеной усадьбе, которую сделали штаб-квартирой Империи в Крепи. На лице мальчика было написано замешательство, и он несколько раз открыл рот, прежде чем сумел выдавить из себя хоть слово.

– Чародейка?

Она остановилась. Мысль о том, что Тайшренну придётся ещё немного подождать, ей понравилась.

– Что случилось, солдат?

Морпех бросил взгляд через плечо, а потом сказал:

– Стражники, чародейка. У них вроде как проблема. Они меня послали, чтобы…

– Кто? Какие стражники? Отведи меня к ним.

– Да, чародейка.

Она вслед за ним свернула за угол главного здания – туда, где стена шла рядом с домом и оставался только узкий проход вдоль всего фасада. В дальнем конце виднелась фигура человека, низко склонившего бритую голову. Рядом лежал большой джутовый мешок, покрытый бурыми потёками. Вокруг человека и мешка вились тучи мух.

Морпех замешкался и обернулся к чародейке:

– Так и не ушёл. Стражникам дурно становится, когда они тут патрулируют.

Рваная Снасть смотрела на сгорбившегося мужчину, и у неё на глаза вдруг навернулись слёзы. Не обращая больше внимания на морпеха, чародейка ступила в узкий проход. Вонь обрушилась на неё, как стена. Проклятье, подумала Рваная Снасть, он же здесь с самой битвы. Пять дней. Чародейка подошла ближе. Беллурдан стоял на коленях, но их головы находились почти на одной высоте. Высший маг-теломен по-прежнему был одет в то, что осталось от его боевого облачения: изорванные полоски меха обожжены, груботканая туника залита кровью. Когда Рваная Снасть остановилась рядом с ним, она заметила, что шея и лицо великана покрыты волдырями от ожогов, а большая часть волос исчезла.

– Ты ужасно выглядишь, Беллурдан.

Он медленно поднял голову. Воспалённые глаза сфокусировались на её лице.

– А-а, – пророкотал великан. – Рваная Снасть.

Его вымученная улыбка заставила обожжённую кожу на щеке треснуть. Открылась красная и сухая рана.

Эта улыбка почти сломила её.

– Тебе нужен целитель, старый друг. – Её взгляд метнулся к джутовому мешку. По ткани ползали мухи. – Пойдём. Ночная Стужа бы тебе голову откусила, если бы увидела в таком виде. – Чародейка почувствовала, что её начинает бить дрожь, но с мрачной решимостью продолжила: – Мы позаботимся о ней, Беллурдан. Ты и я. Но, чтобы это сделать, нам нужно набраться сил.

Теломен медленно покачал головой.

– Это мой выбор, Рваная Снасть. Шрамы снаружи – это шрамы внутри, – он глубоко вздохнул. – Я переживу эти раны. И я один возведу курган своей возлюбленной. Но время ещё не пришло, – он положил огромную ладонь на мешок. – Тайшренн мне разрешил это сделать. Ты тоже разрешишь?

Рваная Снасть была потрясена силой гнева, который пробудился в ней.

– Вот как, Тайшренн тебе разрешил? – Она и сама услышала грубый, хриплый сарказм в своём голосе. Увидела, что Беллурдан, вздрогнув, отодвинулся, и ей захотелось завыть, обнять великана и заплакать, но гнев уже овладел ею. – Этот ублюдок убил Стужу, Беллурдан! У Владыки Луны не было ни времени, ни желания вызывать демонов. Подумай! Тайшренн вполне мог приготовить…

– Нет! – голос теломена загрохотал в узком коридоре. Беллурдан вскочил на ноги, и Рваная Снасть отшатнулась. Казалось, великан сейчас начнёт разносить стены, в его глазах сверкал отчаянный огонь. Он сжал кулаки. А потом уставился на неё. И замер. Вдруг его плечи опустились, ладони раскрылись, а глаза поблекли. – Нет, – повторил Беллурдан, но на этот раз в его голосе звучала скорбь. – Тайшренн – наш защитник. Он всегда нас защищал, Рваная Снасть. Помнишь, в самом начале? Император был безумен, но Тайшренн оставался с ним. Он придал форму мечте об Империи и тем самым противостоял безумию Императора. Мы недооценили Владыку Лунного Семени, вот и всё.

Рваная Снасть смотрела на изуродованное лицо Беллурдана. Она вспомнила растерзанное тело Локона. Чародейка словно слышала эхо, но не могла различить звуки.

– Я не забыла, как всё было в начале, – мягко сказала она, раздумывая о своём.

Воспоминания оставались яркими, но какая бы нить их ни связывала, чародейка никак не могла её нащупать. Отчаянно хотелось поговорить с Быстрым Беном, но со дня битвы она не видела «Мостожогов». Они оставили её с Локоном, и кукла пугала её всё больше и больше с каждым днём. Особенно теперь, когда он нашёл себе подходящую обиду – сцена с Колодой Драконов ещё не забыта – и он мстил, ничего ей не рассказывая.

– Император умел собирать вокруг себя правильных людей, – продолжила она. – Но он не был дураком. Император знал, что они же его и предадут. Правильными людьми нас делала наша сила. Я помню, Беллурдан. – Она покачала головой. – Император умер, но сила не оставила нас.

Рваная Снасть задержала дыхание.

– Вот оно что! – проговорила она почти про себя. – Тайшренн – это нить.

– Император был безумен, – повторил Беллурдан. – Иначе он бы лучше себя защитил.

Рваная Снасть нахмурилась. Теломен прав. Как она сказала, старик не был дураком. Так что же произошло?

– Извини. Мы поговорим позже. Высший маг меня вызвал. Беллурдан, мы же поговорим потом?

Великан кивнул.

– Как хочешь. Скоро я уйду, чтобы возвести курган для Ночной Стужи. Где-нибудь на равнине Рхиви.

Рваная Снасть бросила взгляд за спину. Морпех по-прежнему маячил у входа в коридор, переминаясь с ноги на ногу.

– Беллурдан, ты не против, если я наложу запечатывающее заклятье на её останки?

Глаза великана затуманились, и он посмотрел на мешок.

– Стражники недовольны, это правда. – Он на миг задумался, а потом сказал: – Да, Рваная Снасть. Можешь это сделать.

– Вонь вздымается отсюда к самому трону, – сказал Калам, и его покрытое шрамами лицо скривилось от беспокойства. Он сидел на пятках и рассеянно чертил на земле паутину кончиком кинжала, потом поднял глаза на своего сержанта.

Скворец смотрел на закопчённые стены Крепи, и под бородой его желваки ходили ходуном.

– Когда я в прошлый раз стоял на этом холме, – нахмурился он, – там валялись доспехи. И полтора мага. – Он некоторое время помолчал, а потом вздохнул. – Продолжай, капрал.

Калам кивнул.

– Я потянул кое-какие старые ниточки, – сказал он, щурясь на жёсткий утренний свет. – Кто-то наверху нас заказал. Может, сам двор, а может, знать – говорят, за кулисами они снова взялись за своё. – Он поморщился. – А теперь у нас будет новенький капитан из Унты, которого хлебом не корми, только дай устроить так, чтобы нам глотки перерезали. Четыре капитана за три года, и ни один не стоил своего веса в соли.

Быстрый Бен стоял в десяти футах от них на гребне холма, скрестив на груди руки. Теперь он заговорил:

– Ты слышал наш план. Ну же, Скворец. Этот парень выскользнул из дворца и прямо к нам, с волной…

– Тихо, – буркнул Скворец. – Я думаю.

Калам и Быстрый Бен обменялись взглядами.

Прошла долгая минута. На дороге внизу армейские повозки катились к городу. Остатки Пятой и Шестой армий, потрёпанные, почти сломленные Каладаном Брудом и Багровой гвардией. Скворец покачал головой. Не понесли потерь лишь моранты, и они были твёрдо настроены выводить на бой только отряды Чёрных, а Зелёных использовать исключительно для транспортировки и высадки – и где, Худ их дери, Золотые, о которых он столько слышал? *Да будь они прокляты, эти ублюдочные нелюди.* После того часа их отмщения сточные канавы в Крепи до сих пор были до краёв переполнены красным. Когда похоронные бригады закончат свою работу, под стенами города вырастет несколько курганов. Больших.

Но тринадцать сотен погибших «мостожогов» не удостоятся и такой чести. Червям не придётся далеко ползти, чтобы полакомиться их телами. Холод пробирал сержанта до костей, когда он думал о том, что, кроме нескольких выживших соратников, никто пальцем о палец не ударил, чтобы их спасти. Какой-то мелкий офицеришка доставил соболезнования Тайшренна по поводу погибших при исполнении своих обязанностей, а потом выгрузил целую телегу требухи про героизм и самопожертвование. Тридцать девять солдат с каменными лицами безмолвно его выслушали. Через два часа офицера нашли мёртвым в собственной комнате – его профессионально задушили. Настроения были скверные – никто в полку не смог бы даже вообразить такого пять лет назад. Но сейчас они и глазом не моргнули, услышав эту новость.

Гаротта – похоже на работу Когтя. Калам заявил, что всё это подстроено, хитрый план, призванный дискредитировать то, что осталось от «Мостожогов». Скворца он не убедил.

Сержант попытался собраться с мыслями. Если тут и есть закономерность, то простая, такая простая, что её никто не заметил. Но тяжёлая усталость застилала глаза, словно густой туман. Он вдохнул полной грудью утреннего воздуха.

– Новенькая?

Калам с ворчанием поднялся. Его глаза словно устремились вдаль и в прошлое.

– Возможно, – наконец сказал он. – Только очень уж молода для Когтя.

– Я не верил в существование чистого зла, пока не увидел Жаль, – сказал Быстрый Бен. – Но ты прав, она очень молода. Как долго их учат, прежде чем бросить в дело?

Калам недовольно пожал плечами.

– Не меньше пятнадцати лет. Учти, они берут детей. Пяти-шестилетних.

– Может, дело в колдовстве, которое заставляет её выглядеть младше своих лет, – сказал Быстрый Бен. – Это высший уровень, но со способностями Тайшренна…

– Слишком очевидно, – пробормотал Скворец. – Вдруг это просто дурное воспитание?

Быстрый Бен фыркнул.

– Только не говори, что сам в это веришь, Скворец.

Лицо сержанта застыло.

– Про Жаль разговор окончен. И не надо мне объяснять, во что я верю, чародей. – Он повернулся к Каламу. – Ладно. Ты думаешь, что Империя взялась убивать своих. Думаешь, Ласиин решила прибраться в доме? Или кто-то из её ближайшего окружения? Кто-то хочет избавиться от определённых людей. Хорошо. Скажи мне – зачем?

– Убирают старую гвардию, – мгновенно ответил Калам. – Всех, кто ещё верен памяти Императора.

– Не сходится, – возразил Скворец. – Мы и так уже вымираем потихоньку. Справимся и без помощи Ласиин. Кроме Дуджека, в этой армии никто даже имени Императора не знает, и более того, всем плевать. Он умер. Да здравствует Императрица.

– Ей не хватает терпения, она не хочет ждать, – сказал Быстрый Бен.

Калам согласно кивнул.

– Она теряет темп. Раньше дела шли лучше – память об этом она хочет убить.

– Локон – это наш змей в рукаве, – решительно поддержал Быстрый Бен. – Всё получится, Скворец. Тут я знаю, что делаю.

– Мы всё делаем так, как сделал бы Император, – добавил Калам. – Мы меняем правила игры. Мы сами приберёмся в доме.

Скворец поднял руку.

– Ладно. Теперь помолчите. Оба вы говорите так, будто отрепетировали это всё. – Он помолчал. – Это теория. Сложная. Кто знает, а кто – нет? – Он поморщился, увидев выраже-

ние лица Быстрого Бена. – Хорошо, это работа для Локона. Но что будет, когда вы столкнётесь лицом к лицу с кем-то большим, могучим и злобным?

– Вроде Тайшренна? – Маг ухмыльнулся.

– Ясно. Уверен, что на это у тебя есть ответ. Давай проверим, угадаю я его или нет. Ты найдёшь кого-то ещё более злобного. Заключишь сделку и подстроишь всё так, что если мы будем шевелиться достаточно быстро, выйдем из этого дела, благоухая розами. Правильно излагаю, чародей?

Калам хрюкнул от сдерживаемого смеха. Быстрый Бен отвернулся.

– Давно, в Семи Городах, до того, как явился Император…

– То, что было в Семи Городах, осталось в Семи Городах, – сказал Скворец. – Худова плешь, я же командовал армией, которая гонялась за тобой по пустыне, не забыл? Я знаю, как ты работаешь, Бен. И я знаю, что ты в этом очень хорош. Но ещё я помню, что из всей твоей ложи ты один вышел живым. Что будет на этот раз?

Мага слова Скворца явно задели. Он поджал губы. Сержант вздохнул.

– Ладно. Пусть будет так. Запускай свистопляску. И затягивай эту чародейку по полной. Она нам понадобится, если Локон разорвёт цепи.

– А Жаль? – спросил Калам.

Скворец колебался. Он знал, какой вопрос скрывается за этим. Быстрый Бен был мозгом взвода, а Калам – убийцей. Оба его беспокоили, поскольку полностью отдавались этим своим дарованиям.

– Не трогай её, – наконец сказал он. – Пока что.

Калам и Быстрый Бен вздохнули и обменялись усмешками за спиной сержанта.

– Только не зарывайтесь, – сухо добавил Скворец.

Усмешки поблекли.

Взгляд сержанта снова вернулся к повозкам, которые въезжали в город. По дороге приближались двое всадников.

– Ладно, – сказал он. – По коням. Вон едет наш почётный эскорт.

Всадники были из его взвода – Скрипач и Жаль.

– Думаешь, прибыл новый капитан? – спросил Калам, забираясь в седло. Чалая кобыла выгнула шею и попыталась его укусить. Он зарычал в ответ. Вскоре давние спутники снова вернулись к привычному недоверию.

Скворец, не отводя глаз, усмехнулся.

– Может быть. Поехали к ним. А то, если кто-нибудь следит за нами со стены, могут возникнуть вопросы.

Его веселье быстро рассеялось. Они вправду только что изменили правила игры. И время было самое неподходящее. Он знал истинные масштабы их следующего задания, и в этом смысле знал куда больше, чем Быстрый Бен или Калам. Но усложнять всё ещё больше не было никакого смысла. *Они и так скоро будут в курсе.*

Рваная Снасть остановилась в полудюжине футов за спиной Высшего мага Тайшренна. Малазанские знамёна хлопали на ветру, а флагштоки скрипели над закопчённой башенкой, но здесь, под защитой стены, воздух был спокоен. На западе вздымались Морантские горы, протягивая искорёженную руку на север к Генабарису. Южный конец хребта срастался с Тахлинами, образуя зазубренную стену, которая тянулась на тысячу лиг на восток. Справа раскинулась поросшая пожелтевшей травой равнина Рхиви.

Тайшренн облокотился на мерлон, глядя, как въезжают в город повозки. Снизу доносились рёв волов и крики солдат. Высший маг уже несколько минут не шевелился и не говорил ни слова. Слева от него стоял небольшой деревянный столик. Его дубовая поверхность

была изрезана глубоко прочерченными рунами. Тут и там на столешнице виднелись подозрительные тёмные пятна.

Плечи Рваной Снасти дрожали от напряжения. Встреча с Беллурданом потрясла её, и чародейка не была готова к тому, что должно было произойти.

– «Мостожоги», – пробормотал Высший маг.

Она удивлённо нахмурилась и подошла к стене, чтобы встать рядом с Тайшренном. Справа по склону холма – того самого холма, который она никогда не забудет, – спускалась группа солдат. Даже с такого расстояния она сразу опознала четверых: Быстрого Бена, Калама, Скворца и эту девушку, Жаль. Пятым был низенький, коренастый мужчина, в котором невозможно было не узнать сапёра.

– Вот как? – с деланым равнодушием сказала чародейка.

– Взвод Скворца. – Тайшренн перевёл на неё сосредоточенный взгляд. – Тот самый взвод, с которым ты говорила сразу после отхода Луны, – Высший маг улыбнулся, а потом похлопал Рваную Снасть по плечу. – Идём. Хочу, чтобы ты устроила Прочтение. Давай начнём. – Он подошёл к столику. – Нити Опоннов сплетаются в любопытный лабиринт, их влияние снова и снова сбивает меня с пути. – Он повернулся к стене спиной и присел в амбразуре, а потом поднял глаза. – Рваная Снасть, – твёрдо сказал он, – в делах Империи я – слуга Императрицы.

Рваная Снасть вспомнила спор после битвы. Ничего так и не разрешилось.

– В таком случае, мне, наверное, следует обратиться с жалобой к ней самой.

Тайшренн приподнял бровь.

– Буду считать это сарказмом.

– Правда?

Высший маг сухо ответил:

– Правда. И будь мне за это благодарна, женщина.

Рваная Снасть вытащила Колоду и прижала к животу, поглаживая пальцами верхнюю карту. Прохлада, чувство огромной тяжести и тьмы. Она положила Колоду в центре стола, а потом медленно и неуклюже опустилась на колени. И посмотрела в глаза Тайшренну.

– Начнём?

– Расскажи мне о Вертящейся Монете.

У Рваной Снасти перехватило дыхание – даже пошевелиться не могла.

– Первую карту, – приказал Тайшренн.

Натужно и со свистом она выпустила воздух из лёгких. Да будь он проклят, подумала чародейка. Отзвук смеха зазвенел в голове, и она поняла, что кто-то или что-то открыло дорогу. Кто-то из Взошедших тянулся к миру через неё, в его присутствии чувствовались прохлада и скрытая усмешка, почти озорство. Глаза закрылись сами собой, и чародейка потянулась за первой картой. Небрежно шлёпнула её справа от себя. Не открывая глаз, Рваная Снасть улыбнулась.

– Независимая карта: Держава, она же – Сфера. Правосудие и истинное зрение.

Вторую карту она бросила в левую часть поля.

– Дева, Высокий дом Смерти. Здесь – покрытая шрамами, с завязанными глазами и кровью на руках.

Еле слышно, словно из дальней дали, послышался стук конских копыт, всё ближе и ближе, вот уже прямо под ней, будто их поглотила земля. А потом звук снова раздался, но уже позади неё. Чародейка почувствовала, что кивает. *Девушка.*

– Кровь на её руках – чужая, преступленье – не её. Ткань на её глазах – мокра.

Она шлёпнула третью карту перед собой. Под закрытыми веками родился образ. Чародейка похолодела от страха.

– Убийца, Высокий дом Тени. Узел, граф бесконечных вервий, Покровитель убийц вошёл в эту игру. – На миг показалось, что она слышит вой Гончих. Чародейка положила руку на четвёртую карту и почувствовала волну узнавания, а затем что-то вроде приступа ложной скромности. – Опонны, голова Госпожи высоко, Господина – низко, – она вытащила карту и положила напротив Тайшренна.

«Вот твоя преграда. – Она слегка улыбнулась. – *Побейся об неё, Высший маг. Госпожа смотрит на тебя с отвращением».*

Рваная Снасть понимала, что в Тайшренне, как горячие угли, пылают вопросы, но он их не задаст. Слишком много силы стоит за этим откровением. Почувствовал ли он присутствие Взошедшего? Может быть, это его испугало.

– Монета, – услышала она собственный голос, – вертится, Высший маг. Лицо на ней видит многих, а может, горстку, и вот их карта, – она положила пятую карту рядом с Опоннами, край к краю. – Ещё одна независимая карта: Корона. Мудрость и справедливость, поскольку в прямой позиции. Вокруг неё стены прекрасного города, освещённого газовым пламенем, голубым и зелёным, – она помедлила. – Да, Даруджистан, последний из Вольных городов.

Дорога закрылась, Взошедший отодвинулся, словно игра ему наскучила. Глаза Рваной Снасти распахнулись, и неожиданное тепло окутало усталое тело.

– В лабиринте Опоннов, – сказала она, посмеиваясь над истиной, скрытой в этом утверждении, – я не могу пройти дальше, Высший маг.

Тайшренн громко выдохнул и откинулся назад.

– Ты зашла куда дальше, чем удавалось мне, чародейка. – Он напряжённо взглянул на неё. – Я восхищён твоим источником, хотя и не рад его сообщению, – Тайшренн нахмурился, опёрся локтями о колени и сложил перед лицом длинные пальцы. – Вертящаяся Монета, вечный отзвук. Есть в этом юмор Шутов – даже сейчас я чувствую, что нас сбивают с толку. Дева Смерти – это самая вероятная ловушка.

Теперь пришёл черед Рваной Снасти восхищаться. Значит, Высший маг – один из адептов. Значит, он тоже слышал смех, которым сопровождалось появление карт на поле? Она понадеялась, что нет.

– Возможно, ты прав, – сказала чародейка. – Лицо Девы всё время меняется – это может быть кто угодно. Чего не скажешь про лица Опоннов или Узла. – Она кивнула. – Очень возможно, что это ловушка. – Ей было так приятно говорить с равным, что она чуть не поморщилась. *Всегда лучше, чтобы ярость и ненависть оставались чистыми, ни с чем не смешанными.*

– Я хотел бы услышать твои соображения, – произнёс Тайшренн.

Рваная Снасть поражённо вздрогнула под пронзительным взглядом Высшего мага и начала собирать карты. Может, какие-то объяснения не повредят? *В любом случае так он ещё больше запутается.*

– Уловки – сильная сторона Покровителя убийц. Я не почувствовала присутствия его предполагаемого господина, Престола Тени. Так что подозреваю: Узел в этом деле один. Берегись Убийцы, Высший маг, поскольку его игры ещё тоньше, чем у самого Престола Тени. И хотя Опонны играют *свою* партию, игра всё та же, и она разворачивается в нашем мире. У Близнецов Удачи нет власти во Владениях Тени, но Тень – это Путь, известный умением выходить за свои прежние границы. И привычкой нарушать правила.

– Что да, то да, – проговорил Тайшренн, с кряхтением поднимаясь. – Рожденье этого ублюдочного владения всегда меня беспокоило.

– Оно ещё молодо. – Рваная Снасть собрала карты и спрятала в карман плаща. – До того, как оно окончательно оформится, пройдут века, – если это вообще когда-нибудь случится. Вспомни другие новые Дома, которые погибли так же быстро, как и родились.

– От этого несёт слишком большой силой. – Тайшренн снова начал рассматривать Морантские горы. – Я надеюсь, – сказал он, когда Рваная Снасть подошла к лестнице, ведущей вниз, в город, – моя благодарность чего-то да стоит. В любом случае, чародейка, у тебя она есть.

Рваная Снасть помедлила на лестничной площадке, а потом начала спускаться. Тайшренн был бы куда менее великодушен, если бы узнал, что она обманула его. Она угадала Деву. Мысли чародейки вернулись к моменту появления Девы. Топот коней, который Рваная Снасть услышала снизу, не был иллюзией. Взвод Скворца только что въехал в город через ворота в стене под ними. И среди прочих – Жаль. Совпадение? Возможно, но чародейка была уверена, что это не так. Вертящаяся Монета в тот миг на мгновение затихла, но потом её звон вернулся. Рваная Снасть слышала его днём и ночью, так что уже перестала замечать, и ей пришлось сосредоточиться, чтобы снова его расслышать. Но она ощутила толчок, услышала, как изменился тон, и почувствовала краткий миг неуверенности.

Дева Смерти и Убийца Высокого дома Тени. Между ними была какая-то связь, и это беспокоило Опоннов. Очевидно, всё по-прежнему оставалось в движении.

– Чудесно, – пробормотала она, когда добралась до нижней площадки.

Чародейка увидела молодого морпеха, с которым раньше говорила. Он стоял в шеренге новобранцев на центральном дворе поместья. Никого из старших офицеров рядом не было. Рваная Снасть подозвала к себе мальчика.

– Да, чародейка? – Он подошёл и вытянулся перед ней в струнку.

– Почему вы тут выстроились, солдат?

– Нам будут выдавать оружие. Старший сержант сейчас вернётся с повозкой.

Рваная Снасть кивнула.

– У меня есть для тебя задание. Я прослежу, чтобы ты получил своё оружие – но не обычную железку, которую выдадут твоим друзьям. Если старший офицер заинтересуется причинами твоего отсутствия, отправляй его ко мне.

– Да, чародейка.

Рваная Снасть испытала укол сожаления, глядя в яркие, восхищённые глаза мальчика. Скорее всего он погибнет в ближайшие несколько месяцев. Много злодеяний пятнали знамя Империи, но это было из худших. Она вздохнула.

– Лично передай это послание сержанту Скворцу из «Мостожогов»: толстая дамочка с заклятьями хочет поговорить. Запомнил, солдат?

Мальчик побледнел.

– Повтори.

Морпех с каменным лицом повторил её слова.

Рваная Снасть улыбнулась.

– Очень хорошо. Теперь беги и не забудь получить у него ответ. Я буду у себя в комнате.

Капитан Паран обернулся, чтобы бросить последний взгляд на Чёрных морантов. Взвод только что добрался до гребня плато. Паран смотрел им вслед, пока солдаты не исчезли из виду, а потом снова перевёл взгляд на город на востоке за широкой плоской равниной.

Отсюда Крепь казалась почти мирной, хотя земля под стенами была усыпана обломками базальта и в воздухе ещё был разлит смрад, напоминавший об огне и дыме. Вдоль стены уже возвели мостки, и там толпились крошечные фигурки рабочих. Судя по всему – заделывали огромные проломы в стене. Из северных ворот к холмам протянулась змеёй череда повозок, над которыми вилась туча ворон. Вдоль этой гряды холмов выстроилась шеренга курганов, слишком ровная, чтобы быть делом рук природы.

До него уже доходили некоторые слухи. Пять погибших магов, в том числе двое Высших. Вторая понесла такие потери, что уже начали говорить, будто её сольют с Пятой и Шестой в одну армию. А Семя Луны отступило на юг, за Тахлинские горы к озеру Азур, оставляя за собой хвост дыма и кренясь на сторону, как потрёпанная грозовая туча. Но одна история запала в память капитану сильнее прочих: «Мостожогов» больше нет. Одни говорили, будто погибли все до одного; другие настаивали, что несколько взводов успели выбраться наверх, прежде чем обрушились тоннели.

Паран был раздражён. Он уже несколько дней провёл среди морантов. Жутковатые воины почти не разговаривали, а если и делали это – то между собой, на своём невразумительном наречии. Все его сведения устарели, и это ставило юношу в неудобное положение. И заметь, подумал он, после Генабариса ты попадаешь из одной незнакомой ситуации в другую.

Вот так, он снова оказался в самом конце очереди. Паран поправил вещмешок и приготовился долго ждать, когда заметил вдруг, что на дальний край плато поднялся всадник. Он вёл в поводу второго коня и направлялся прямо к капитану.

Паран вздохнул. Иметь дело с Когтями всегда было неприятно. Слишком уж они самоуверенные. Кроме того человека в Генабарисе, никому он особо не нравился. Уже очень давно Паран не видел никого, кого мог бы назвать другом. Больше двух лет, если точнее.

Всадник подъехал. Увидев его вблизи, Паран невольно отшатнулся. Половина лица солдата обгорела. Правый глаз прикрывала повязка, да и голову мужчина держал под странным углом. Он блеснул жутковатой ухмылкой, а затем спешился.

– Вот ты, стало быть, да? – хрипло спросил прибывший.

– Это правда про «Мостожогов»? – требовательно спросил Паран. – Они уничтожены?

– Более или менее. Осталось пять взводов, и в тех людей немного. Всего человек сорок вообще. – Он сощурил левый глаз и поправил свой видавший виды шлем. – Ты раньше не знал, куда тебя направили. Теперь знаешь. Ты же новый капитан Скворца, да?

– Ты знаешь сержанта Скворца? – Паран нахмурился. Этот Коготь был не похож на остальных. Те держали свои мысли о Паране при себе, и он был этим вполне доволен.

Солдат запрыгнул обратно в седло.

– Поехали. Поговорим по дороге.

Паран подошёл к другой лошади и приторочил свой мешок к седлу, оно было в стиле Семи Городов, высокое и с изогнутой вперёд длинной лукой – он видел несколько таких в Генабакисе. Эту деталь он сразу же отметил. Выходцы из Семи Городов славились сварливым нравом, а нынешняя кампания с самого начала пошла наперекосяк. *И это не совпадение.* Большая часть Второй, Пятой и Шестой армий были набраны на субконтиненте Семи Городов.

Паран сел на лошадь, и они с солдатом поехали лёгким аллюром по плато.

Коготь заговорил:

– У сержанта Скворца тут много сторонников. Ведёт себя так, будто этого не знает. Ты должен помнить то, что уже напрочь позабыли в Малазе – Скворец когда-то командовал собственной ротой…

Паран резко обернулся. Этот факт тщательно вымарали из всех анналов. С точки зрения имперской истории, такого попросту никогда не было.

– …В те времена, когда Дассем Ультор заправлял всеми войсками, – беззаботно продолжил Коготь. – Это Седьмая рота Скворца гнала весь круг чародеев из Семи Городов по пустошам Пан’потсуна. Там и тогда он закончил войну. Конечно, всё полетело в тартарары, когда Худ забрал дочь Ультора. А вскоре после этого, когда Ультор умер, всех его людей разжаловали. Тогда бюрократы и проглотили армию. Проклятые шакалы. И с той самой поры

они грызутся друг с другом, а на саму войну им плевать. – Коготь наклонился вперёд, навалившись на луку седла, и сплюнул через левое ухо коня.

Паран вздрогнул, увидев этот жест. В давние дни он означал начало племенной войны в Семи Городах. Теперь же стал символом малазанской Второй армии.

– Ты имеешь в виду, – перебил Паран, – что история, которую ты мне рассказал, тут всем известна?

– Не в подробностях, – признал Коготь, – но некоторые ветераны Второй сражались за Ультора не только в Семи Городах, но даже в Фаларе.

На некоторое время Паран задумался. Человек, который ехал рядом с ним, хоть и был Когтем, тоже принадлежал ко Второй армии. И он прошёл с ней через огонь и воду. Складывалось любопытное впечатление. Он взглянул на солдата и увидел, что тот ухмыляется.

– Что смешного?

Мужчина пожал плечами.

– «Мостожоги» сейчас немного на взводе. Им дают полову вместо новобранцев, так что по всему видно: их собрались распустить. Скажи тому, с кем ты там держишь связь в Малазе, что они дождутся бунта, если будут теребить «Мостожогов». Я это пишу в каждом докладе, но меня, кажется, не слушают. – Его ухмылка стала шире. – Может, они решили, что я переметнулся, а?

Паран пожал плечами.

– Тебя вызвали, чтобы меня встретить, не так ли?

Коготь расхохотался.

– Ты совсем отстал от жизни, да? Они меня вызвали, потому что я последний живой во Второй. А про Пятую и Шестую вообще забудь. Тисте анди Бруда могут вычислить Когтя за тысячу шагов. Там тоже никого не осталось. Моего собственного командира придушили два дня назад – это уже что-то особенное, да? Ты мне достался в наследство, капитан. Когда доберёмся до города, каждый пойдёт своей дорогой, и мы с тобой скорей всего больше никогда не увидимся. Как только заявишь, что ты капитан Девятого взвода, они тебе либо в лицо рассмеются, либо кинжал в глаз воткнут – люди даже ставки принимают на то, что же именно с тобой сделают. Печально, но так и есть.

Впереди замаячили ворота Крепи.

– Ещё кое-что, – добавил Коготь, глядя на мерлоны над воротами. – Брошу тебе косточку на случай, если Опонны тебе улыбаются. Тут всем заправляет Высший маг Тайшренн. Дуджек совсем не рад, особенно учитывая то, что произошло с Семенем Луны. Отношения между ними не очень, но Высший маг полагается на постоянную связь с Императрицей, и это его удерживает наверху. Так что предупреждаю: солдаты пойдут за Дуджеком… *куда угодно*. И это касается Пятой и Шестой армий тоже. Тут посеяли такую бурю, что вот-вот придётся её жать.

Паран недоверчиво уставился на солдата. Шик описал ему положение вещей, но Паран отмахнулся от его оценки – она слишком походила на сценарий, придуманный специально для того, чтобы виселицы Императрицы не стояли без дела. *В такой узел я совсем не хочу ввязываться. Дайте мне выполнить своё единственное задание – больше ничего и знать не желаю.*

Когда они въехали в тень ворот, Коготь снова заговорил:

– Между прочим, Тайшренн смотрел на нас, когда мы подъехали. Он тебя часом не знает, капитан?

– Нет.

«Надеюсь, что нет», – добавил Паран про себя.

Когда они уже оказались в самом городе и их окружила стена звуков, у Парана глаза остекленели. Крепь представляла собой сумасшедший дом: здания со всех сторон были

закопчены огнём, неровно мощённые улицы заполонили люди, повозки, орущие животные и морпехи. Он задумался, не пора ли начать отсчитывать последние минуты жизни. Итого, нужно принять командование над взводом, который сменил за три года четырёх капитанов, потом исполнить задание, о котором ни один вменяемый солдат даже и думать не станет, на фоне растущей, как грозовая туча, вероятности полномасштабного восстания, которое, вероятно, возглавит лучший военный ум Империи, против Высшего мага, который, судя по всему, активно борется за собственное место под солнцем, – всё это изрядно встревожило Парана.

Он покачнулся от сильного хлопка по плечу. Коготь направил своего коня поближе и наклонился к Парану.

– Растерялся, капитан? Не бойся, тут все растеряны. Некоторые это понимают, другие – нет. Займись тем, что видишь перед носом, а про остальное пока забудь. Всё придёт в своё время. Отыщи любого морпеха и спроси, как найти «Мостожогов». Это лёгкая часть.

Паран кивнул.

Коготь подумал, а затем наклонился поближе.

– Я тут подумал, капитан. Это так, догадка, учти, но я думаю, что ты здесь наделаешь дел. Нет, не трудись отвечать. Только, если попадёшь в беду, передай весточку Току Младшему, это я. Я в курьерском корпусе, верховой сопровождения, Вторая. Хорошо?

Паран снова кивнул.

– Спасибо, – произнёс он ровно в тот момент, когда у них за спинами раздался громкий треск, а потом – хор разгневанных голосов. Ни тот ни другой не обернулся.

– Что ты сказал, капитан?

Паран улыбнулся.

– Лучше поезжай. Прибереги свою легенду – на случай, если со мной что-то случится. Я себе найду проводника, как положено.

– Само собой, капитан. – Ток Младший помахал рукой, а затем повернул коня в какой-то проулок. Через секунду Паран потерял его из виду. Он глубоко вздохнул, а затем начал озираться в поисках подходящего солдата.

Паран знал, что юность, проведённая в благородных домах на родине, научила его хитрости и притворству, которых требовала от него адъюнкт Лорн. Но за последние два года он всё яснее понимал, во что превратился. Пылкий, искренний юнец, который говорил с адъюнктом Императрицы в тот далёкий день на Итко-Канском побережье, теперь терзал его изнутри. Он упал прямо в руки Лорн, как кусок глины. И она принялась лепить из него то, что умела лучше всего.

Теперь Парана пугало в первую очередь другое: он привык к тому, что его используют. Он уже столько раз притворялся кем-то другим, что часто видел тысячу лиц, слышал тысячу голосов, которые боролись с его собственными лицом и голосом. Когда он думал о себе, о том молодом благородном юноше, который так искренне верил в честь и принципы, он видел что-то холодное, твёрдое и тёмное. Это существо скрывалось в самых глубоких тенях его сознания и наблюдало. Никаких размышлений, никаких выводов, только ледяное, отстранённое наблюдение.

Паран уже не надеялся, что этот молодой человек снова увидит дневной свет. Он будет просто всё глубже и глубже уходить в темноту, а потом растворится в ней без следа.

И Паран уже сам не знал, не всё ли ему равно.

Он вошёл в казарму, в которой когда-то располагалась Благородная стража Крепи. Одна старая женщина в солдатской форме валялась на койке, так что её замотанные тряпками ступни высовывались за край кровати. Матрас сняли и швырнули в угол, женщина лежала на голых досках, закинув руки за голову.

Паран ненадолго задержал на ней взгляд, а потом осмотрел комнату. Если не считать этой женщины-ветерана, здесь никого не было. Он снова поглядел на неё.

– Ты капрал, не так ли?

Женщина не пошевелилась.

– Ага, и что?

– Я так понимаю, – сухо заметил он, – что о субординации тут вообще всё забыли.

Её глаза открылись и лениво окинули офицера.

– Наверное, – сказала она и снова смежила веки. – Ты кого-то ищешь или что?

– Я ищу Девятый взвод, капрал.

– Зачем? У них опять неприятности?

Паран улыбнулся про себя.

– И ты – обычный «мостожог», капрал?

– Все «обычные» погибли.

– Кто твой командир? – спросил Паран.

– Мураш, но его тут нет.

– Это я вижу. – Капитан подождал, а потом вздохнул. – Ладно, где этот Мураш?

– Поищи в таверне Нобба на этой же улице. Когда я его видела в последний раз, он проигрывал последнюю рубашку Валу. Мураш любит в карты играть, только не умеет. – Она начала ковыряться в зубах.

Паран удивлённо поднял брови.

– Твой командир играет в карты со своими людьми?

– Мураш – сержант, – объяснила женщина. – Наш капитан погиб. Да и всё равно Вал не в нашем взводе.

– Ага, и в каком же он взводе?

Женщина ухмыльнулась и проглотила то, что выковыряла пальцем из зубов.

– В Девятом.

– Как тебя зовут, капрал?

– Хватка, а тебя?

– Капитан Паран.

Хватка подхватилась и села, широко раскрыв глаза.

– Ого! Так ты и есть новый капитан, который ещё и меча из ножен не доставал?

Паран усмехнулся.

– Верно.

– Ты хоть знаешь, какие против тебя сейчас ставки? Шансы не очень-то.

– Что ты имеешь в виду?

Она широко улыбнулась.

– Я себе так схватываю, – ответила она, снова укладываясь на спину и закрывая глаза, – что первая кровь, которую ты увидишь, будет твоей собственной, капитан Паран. Возвращайся в Квон-Тали, там безопасно. Давай, беги, Императрице нужно ножки вылизать.

– Они уже достаточно чистые, – сказал Паран. Он никак не мог решить, что делать в этой ситуации. С одной стороны, хотелось вытащить меч и разрубить Хватку пополам. С другой – расхохотаться, и в этом желании звенела нотка истерики.

У него за спиной хлопнула входная дверь и тяжёлые шаги застучали по половицам. В комнату ворвался краснолицый сержант с огромными подкрученными усами. Подошёл к койке, не обращая внимания на Парана, и сердито уставился на Хватку.

– Хватка, чтоб тебе пусто было, ты сказала, что Валу сегодня не везёт, а теперь этот кривоногий подонок меня обчистил!

– Валу и *вправду* не везёт, – сказала Хватка. – Только тебе не везёт ещё больше. Об этом же ты меня не спрашивал? Мураш, познакомься с капитаном Параном, новым офицером Девятого.

Сержант развернулся на каблуках и оглядел Парана.

– Худов дух, – пробормотал он и снова перевёл взгляд на Хватку.

– Я ищу Скворца, сержант, – мягко сказал Паран.

Что-то в тоне капитана заставило Мураша обернуться. Он открыл рот, но снова закрыл, когда встретил твёрдый взгляд Парана.

– Какой-то мальчишка принёс послание. Скворец отчалил. Люди его сидят у Нобба.

– Спасибо, сержант, – холодно поблагодарил Паран и вышел из комнаты.

Мураш глубоко вздохнул и посмотрел на Хватку.

– Два дня, – заявила она, – а потом его кто-то кончит. Старый Камнерож на это двадцать монет поставил.

Мураш помрачнел.

– Что-то мне подсказывает: поставил зря.

Паран вошёл в таверну Нобба и остановился в дверях. В зале было полно солдат, их голоса сливались в глухой гул. Только некоторые тут носили пламенный значок «Мостожогов», остальные были из Второй армии.

За большим столом под выступающей галереей, на которую выходили двери комнат второго этажа, играли в карты полдюжины «мостожогов». Широкоплечий человек с чёрными волосами, заплетёнными в косички и собранными в хвост, унизанный талисманами и фетишами, сидел спиной к залу и с бесконечным терпением сдавал карты. Несмотря на рёв толпы, Паран слышал, как он монотонно отсчитывает очки. Остальные сидевшие за столом поливали сдающего потоком брани, но без особого эффекта.

– Баргаст, – пробормотал Паран, глядя на сдающего. – Единственный среди «Мостожогов». Значит, это Девятый. – Он глубоко вздохнул и шагнул в толпу.

Когда Паран остановился за спиной у баргаста, его дорогой плащ был залит прокисшим элем и горьким вином, а на лбу поблёскивал пот. Баргаст только что закончил сдачу и положил колоду в центре стола, показав при этом бесконечную голубую татуировку, покрывавшую спиралями всю руку и только кое-где рассечённую белёсыми шрамами.

– Вы из Девятого? – громко спросил Паран.

Мужчина с обветренным лицом того же цвета, что и его кожаная шапочка, поднял взгляд, но потом снова сосредоточился на картах.

– Ты капитан Паран?

– Я. А ты, солдат?

– Вал. – Он кивнул на крупного человека справа от себя. – Это Молоток, взводный целитель. Баргаста зовут Тротц, и не потому, что о каждую юбку трётся. – Он кивнул налево. – Остальные не имеют значения – они из Второй армии и играть вообще не умеют. Садись, капитан. Скворца и остальных отозвали на время. Скоро вернутся.

Паран нашёл пустой стул и поставил между Молотком и Тротцем.

Вал проворчал:

– Эй, Тротц, ты игру закажешь или нет?

Глубоко вздохнув, Паран обернулся к Молотку:

– Скажи мне, целитель, какая средняя продолжительность жизни у офицеров «Мостожогов»?

Вал фыркнул:

– До Семени Луны или после?

Молоток чуть приподнял тяжёлые брови, отвечая капитану:

– Где-то две кампании. От многих вещей зависит. Стальные яйца – это хорошо, но недостаточно. И это значит: надо забыть всё, чему тебя учили, и прыгнуть к сержанту на коленки, как малое дитя. Будешь его слушать, дольше проживёшь.

Вал стукнул по столу.

– Подъём, Тротц! Что мы тут играем?

Баргаст нахмурился.

– Я думаю, – прогудел он.

Паран откинулся на спинку и расстегнул ремень.

Тротц заказал игру, и Вал, Молоток и трое солдат Второй армии застонали, потому что Тротц всегда только её и заказывал.

Молоток заговорил:

– Капитан, ты уже кое-что слышал о «Мостожогах», – верно?

Паран кивнул:

– Бо́льшая часть офицеров боится «Мостожогов». Говорят, смертность такая высокая, потому что половина капитанов умирает с кинжалом в спине.

Он помолчал и уже собрался было продолжить, когда заметил, что вдруг наступила тишина. Игра остановилась, и все глаза устремились к нему. Под рубашкой на теле Парана выступил пот.

– И судя по тому, что я успел увидеть, – не сдавался он, – я уже готов в это поверить. Но я вам так скажу – всем вам: если получу нож в спину, то уж лучше – за дело. Иначе буду крайне разочарован. – Он застегнул ремень и поднялся. – Передайте сержанту, что я – в казарме. Хочу поговорить с ним перед официальным построением.

Вал медленно кивнул.

– Пойдёт, капитан. – Он помолчал. – Эй, капитан! Не хочешь войти в игру?

Паран покачал головой.

– Спасибо, но нет. – Ухмылка затаилась в уголке его рта. – Не годится офицеру отбирать деньги у собственных солдат.

– А вот эту заявку ты лучше когда-нибудь подтверди делом, – сказал Вал, и его глаза сверкнули.

– Я об этом подумаю, – ответил Паран и вышел из-за стола. Проталкиваясь через толпу, он почувствовал растущее ощущение, которое застало его врасплох: ничтожность. В детстве, проведённом среди благородных семей, и за время учёбы в академии он набрался гордыни. И эта гордыня сейчас трусливо спряталась где-то в дальнем уголке его мозга – потрясённая и онемевшая.

Он это понимал задолго до того, как повстречал Лорн: его путь через офицерский корпус Морской академии был лёгкой прогулкой, обозначенной подмигиваниями и кивками. Но войны Империи шли здесь, в тысяче лиг оттуда, и здесь, понял Паран, всем было плевать на влияние при дворе и взаимовыгодные договорённости. Эти ухищрения только увеличили его шансы на смерть – притом смерть быструю. Если бы не адъюнкт, он был бы совершенно не готов принять командование.

Паран поморщился, когда открыл дверь таверны и вышел на улицу. Ничего удивительного, что армии старого Императора, создавая Империю, так легко пожирали феодальные королевства. Он вдруг обрадовался пятнам на своей форме – теперь он не выглядел тут чужим.

Паран шагнул в переулок, ведущий к боковой двери в казарму. Его путь проходил сквозь глубокую тень под высокими стенами домов и навесами балконов. Крепь была умирающим городом. Он достаточно знал её историю, чтобы различить обесцвеченные следы былой славы. Она, конечно, владела достаточной силой, чтобы заключить союз с Семенем Луны, но капитан подозревал, что для Владыки Луны это было связано скорее с сообра-

жениями целесообразности, чем со взаимным признанием силы. Местная знать выглядела весьма импозантно и даже помпезно, но вся её мишура казалась поношенной и старой. Паран невольно задумался, насколько он сам и его род похожи на этих унылых горожан…

Звук за спиной, тишайший шорох, заставил капитана обернуться. Окутанная тенями фигура шагнула к нему. Паран закричал, хватаясь за меч. Когда фигура оказалась рядом, на него дохнул ледяной ветер. Капитан отшатнулся, заметив блеск клинков в обеих руках. Он развернулся боком, и его меч уже наполовину вышел из ножен. Левая рука нападавшего рванулась вверх. Паран откинул голову и выдвинул вперёд плечо, чтобы отбить удар, которого все же не было. Вместо этого длинный кинжал, словно огонь, вошёл в его грудь. Второй клинок вонзился ему в бок, когда кровь хлынула в рот. Паран закашлялся и застонал. Он зашатался, прислонился к стене, а потом сполз, тщетно цепляясь рукой за мокрые камни. Его ногти оставляли глубокие борозды в плесени.

Мысли его, наполненные, как казалось, только глубоким, искренним сожалением, канули во тьму. Он расслышал едва различимый звук, словно что-то маленькое и металлическое покатилось по твёрдой поверхности. Звон превратился в звук чего-то вертящегося, и темнота перестала наступать.

– Грязно, – тонким голосом произнёс мужчина. – Я удивлён, – акцент был знакомым и вызвал детское воспоминание о том, как отец говорил с торговцами из Дал-Хона.

Ответ прозвучал прямо над Параном.

– Следишь за мной? – Этот говор он тоже узнал, каннский, и голос, кажется, принадлежал девушке или ребёнку, но он понял, что это голос его убийцы.

– Совпадение, – ответил другой, а потом хихикнул. – Кто-то – точнее, *что-то* — вошло на наш Путь. Без приглашения. Мои Гончие охотятся.

– Я не верю в совпадения.

И снова хихиканье.

– Я тоже. Два года назад мы начали собственную игру. Обычное сведение счётов. Кажется, здесь, в Крепи, мы столкнулись с совершенно другой игрой.

– Чьей?

– Скоро я получу ответ на этот вопрос.

– Не отвлекайся, Амманас. Наша основная цель – Ласиин и падение Империи, которой она правит, но которой не заслуживает.

– Как всегда, я полностью на тебя полагаюсь, Котильон.

– Мне нужно идти, – сказала девушка, удаляясь.

– Разумеется. Так это и есть тот человек, которого Лорн отправила за тобой?

– Думаю, да. В любом случае это заставит её вступить в бой.

– А мы этого хотим?

Разговор затих, когда оба его участника отошли дальше, и единственным звуком в ушах Парана осталось мерное гудение, словно в воздухе вращалась монета – вертелась и вертелась, и не думала останавливаться.

Глава четвёртая

Особыми были они
в те дни когда
история размашисто писалась
татуировок сетью
узором старых ран
красноречивых
но что-то полыхало

в их взглядах —
те арки что растаяли в огне
те призрачные судьбы
истлевшие
они суть прошлое своё
и каждый обречён
встать в строй
на тихом берегу
той речки,
о названии которой
они молчат…

Ток Младший (род.1141). Мостожоги (IV:1)

Рваная Снасть мрачно посмотрела на Скворца.

– Локон сошёл с ума, – заявила она. – Он всегда был немного того, но теперь прогрызает дыры в собственном Пути и пробует на вкус Хаос. Хуже то, что это делает его ещё сильнее, ещё опаснее.

Они собрались в комнатах Рваной Снасти, которые состояли из гостиной, где они сейчас сидели, и спальни, отделённой редкой роскошью – крепкой деревянной дверью. Прежние обитатели торопливо вынесли всё ценное, что могли, и оставили только самую тяжёлую мебель. Рваная Снасть сидела за столом со Скворцом, Быстрым Беном и Каламом, а также сапёром по имени Скрипач. Воздух в комнате стал жарким, удушливым.

– Конечно, он сошёл с ума, – ответил Быстрый Бен, глядя на сержанта, который сохранял на лице невозмутимое выражение. Маг торопливо добавил: – Но этого и следовало ожидать. Фенеров хвостик, госпожа, у него же тело куклы! Конечно, он от этого двинулся.

– Куда двинулся? – спросил мага Скворец. – Он же должен прикрывать нам спины, не так ли?

Калам сказал:

– Бен держит его под контролем. Локон идёт по следу в лабиринте, он выяснит, кто в Империи хочет нас погубить.

– Опасность в том, – добавил Быстрый Бен, оглядываясь на Рваную Снасть, – что его могут обнаружить. Локону приходится странствовать по Путям необычными способами – все обычные теперь закрыты.

Рваная Снасть обдумала эти слова, потом кивнула:

– Тайшренн найдёт его или, по крайней мере, поймёт, что кто-то разнюхивает. Но Локон использует силы Хаоса, тропы, которые проложены *между* Путями, и это нездраво – не только для него самого, но и для всех нас.

– Почему для всех нас? – спросил Скворец.

Быстрый Бен ответил:

– Это ослабляет Пути, разрывает ткань, что, в свою очередь, позволяет Локону вламываться в них по собственному желанию… а потом уходить. Но у нас нет выбора. Нужно держать Локона на длинном поводке. Пока что.

Чародейка вздохнула, массируя виски.

– Тот, кого вы ищете, – Тайшренн. Я уже говорила вам…

– Этого мало, – отрезал Быстрый Бен. – Сколько агентов он использует? Каковы детали плана – да и какой вообще у него план? Это всё приказы Ласиин или наш Высший маг сам приглядывается к престолу? Проклятье! Всё это нам нужно знать!

– Хорошо, хорошо, – сказала Рваная Снасть. – Предположим, Локон распутает для вас этот клубок, – что потом? Вы попытаетесь убить Тайшренна и всех, кто в этом замешан?

Вы на мою помощь в этом рассчитываете? – Она переводила взгляд с одного лица на другое. Те ничего не выражали. В ней вспыхнул гнев, и она вскочила. – Я знаю, – сухо сказала чародейка, – что Тайшренн скорее всего убил А'Карониса, Ночную Стужу и мой отряд. Он скорее всего знал, что тоннели вокруг вас обвалятся, и он мог решить, что Вторая армия Дуджека стала опасной, поэтому ей следует устроить выбраковку. Но если вы думаете, что я буду помогать вам, не зная, что вы задумали, – ошибаетесь. Тут что-то более важное, о чём вы не хотите говорить. Если речь только о том, чтобы остаться в живых, почему бы вам просто не дезертировать? Сомневаюсь, что Дуджек за вами погонится. Если, конечно, подозрения про Однорукого и Вторую не имеют оснований – если вы не готовитесь поднять бунт, провозгласить Дуджека Императором и пойти на Генабарис. – Она замолчала, переводя взгляд с одного на другого. – Неужели Тайшренн просто предвидел это и спутал вам карты? Вы меня втягиваете в заговор? Если так, то я хочу знать его возможные цели. У меня есть на это право, верно?

Скворец заворчал, а потом потянулся за кувшином с вином, который стоял на столе, и снова наполнил всем кубки.

Быстрый Бен глубоко вздохнул, потом потёр загривок.

– Рваная Снасть, – тихо сказал он, – мы не собираемся прямо выступать против Тайшренна. Это было бы самоубийством. Нет, мы отрежем его поддержку – осторожно, аккуратно, а потом устроим так, что он… *впадёт в немилость.* Если, конечно, Императрица тут ни при чём. Но нам нужно знать больше, нам необходимы эти ответы, прежде чем мы определимся с планом действий. Тебе не обязательно впутываться больше, чем ты уже впуталась. На самом деле так даже безопаснее. Локон хочет, чтобы ты прикрывала *ему* спину, если всё остальное не сработает. Скорее всего в этом не будет необходимости. – Он поднял глаза и выдавил из себя улыбку. – Предоставь Тайшренна мне и Каламу.

Это всё прекрасно, но ты мне не ответил. Рваная Снасть сощурилась и посмотрела на чернокожего солдата.

– Ты когда-то был Когтем, так ведь?

Калам пожал плечами.

– Я думала, никто не может от них уйти – живым.

Он снова пожал плечами.

Сапёр по имени Скрипач проворчал что-то невразумительное и поднялся со стула. Он начал ходить туда-сюда по комнате, и его замотанные тряпками ноги несли его от стены к стене, как лису в западне. Никто не обратил на него внимания.

Скворец протянул кубок Рваной Снасти.

– Будь в этом деле с нами, чародейка. Быстрый Бен обычно не ломает дров… так, чтоб слишком много, – он помрачнел. – Признаюсь, я сам не до конца убеждён, но я приучился доверять ему. Понимай это как знаешь.

Рваная Снасть сделала большой глоток, вытерла губы.

– Ваш взвод сегодня ночью отправляется в Даруджистан. В тайне, так что я не смогу с вами связаться, если дела пойдут плохо.

– Тайшренн заметит связь по обычным каналам, – сказал Быстрый Бен. – Локон – наш единственный надёжный связной, связывайся с нами через него, Рваная Снасть.

Скворец оценивающе посмотрел на чародейку.

– И снова Локон. Ты ему не доверяешь.

– Да.

Сержант замолчал, его взгляд упёрся в столешницу. Невозмутимое выражение на лице Скворца сменилось бурей эмоций.

Он всё держит в себе, но давление нарастает. Чародейка подумала, что же случится, если его страсти вырвутся наружу. Двое выходцев из Семи Городов ждали, глядя на своего

сержанта. Только Скрипач продолжал нервно ходить туда-сюда. На его разрозненной форме до сих пор виднелась грязь подземных тоннелей. Чужая кровь обильно пролилась на переднюю часть его туники – так, словно друг умер у него на руках. Плохо залеченные волдыри виднелись под неровной щетиной на щеках и подбородке сапёра, а тонкие рыжие волосы торчали во все стороны из-под кожаного шлема.

Прошла долгая минута, потом сержант решительно кивнул. Не отрывая взгляда от стола, он сказал:

– Хорошо, чародейка. Будь по-твоему. Быстрый Бен, расскажи ей про Жаль.

Рваная Снасть удивлённо приподняла брови. Она скрестила на груди руки и обернулась к магу.

Быстрый Бен явно был не в восторге. Он замялся и с надеждой взглянул на Калама, но великан отвёл глаза.

Скворец проворчал:

– Давай, чародей.

Быстрый Бен встретил настойчивый взгляд Рваной Снасти с почти детским выражением – испуг, вина и досада отразились на его узком лице.

– Ты её помнишь?

Чародейка хрипло расхохоталась.

– Забудешь, как же. Есть в ней… что-то… странное. Опасное. – Она подумала, не рассказать ли о том, что открылось ей во время гадания с Тайшренном. *Дева Смерти.* Но что-то удержало Рваную Снасть. Нет, поправилась она, не что-то – *я им всё ещё не доверяю.* – Ты подозреваешь, что она работает на кого-то другого?

Лицо мага стало пепельным. Он откашлялся.

– Её завербовали два года назад в самом сердце Империи, в Итко-Кане, во время обычного набора.

Рядом загудел голос Калама:

– Что-то дурное случилось там примерно в это же время. Закопали всё очень глубоко, но туда ездила адъюнкт, а за ней примчались Когти и закрыли рот почти всем городским стражникам, которые могли что-то рассказать. Я потянул за старые ниточки и вытащил кое-какие странные подробности.

– Странные, – сказал Быстрый Бен, – и знаменательные, если знаешь, на что обращать внимание.

Рваная Снасть улыбнулась про себя. Эти двое явно привыкли говорить дуэтом. Она снова поглядела на мага, который продолжил:

– Судя по всему, эскадрон кавалерии попал в переплёт. Никто не выжил. Что до того, с чем они столкнулись, там были как-то замешаны…

– Собаки, – аккуратно закончил вместо него Калам.

Чародейка посмотрела на убийцу и нахмурилась.

– Сложи всё вместе, – сказал Быстрый Бен, снова привлекая её внимание. – Адъюнкт Лорн – личный убийца магов Ласиин. Её появление свидетельствует о том, что в бойне были замешаны чары. Высшая магия, – чародей пристально посмотрел на Рваную Снасть и замолчал.

Она снова глотнула вина. *Оракулы показали мне. Собаки и магия.* В её памяти возник облик Узла, каким она увидела его по время гадания. *Высокий дом Тени, которым управляют Престол Тени и Узел, а им служат…*

– Семь Гончих Тени. – Она посмотрела на Скворца, но тот не поднял глаз, а его лицо оставалось невыразительным, словно камень.

– Хорошо, – нетерпеливо буркнул Быстрый Бен. – Гончие вышли на охоту. Это догадка, но толковая догадка. Девятнадцатый полк Восьмой кавалерийской уничтожен полностью, вместе с лошадьми. Все прибрежные поселения на лигу вокруг полностью обезлюдели.

– Ясно, – Рваная Снасть вздохнула. – Но какое отношение к этому имеет Жаль?

Маг отвернулся, и заговорил Калам:

– Локон пойдёт не только по одному следу, чародейка. Мы вполне уверены, что Жаль как-то связана с Домом Тени…

– Судя по всему, – сказала Рваная Снасть, – с момента его появления в Колоде Путь Тени слишком часто пересекается с Путём Империи, чтобы это можно было счесть случайностью. Почему Путь, лежащий между Светом и Тьмой, выказывает такую… одержимость Малазанской империей?

В глазах Калама появился скрытый намёк.

– Странно, не так ли? В конце концов, этот Путь снова возник только после того, как Император погиб от руки Ласиин. О Престоле Тени и его спутнике, Покровителе убийц Котильоне, никто не слышал до смерти Келланведа и Танцора. Более того, кажется, что какой бы… раздор ни лежал между Домом Тени и императрицей Ласиин, он, кхм-м, личного характера…

Рваная Снасть закрыла глаза. *Проклятье, неужели всё настолько очевидно?*

– Быстрый Бен, – сказала она, – разве не всегда существовал доступный Путь Тени? Рашан, Путь Иллюзий?

– Рашан – это ложный Путь, чародейка. Тень того, что он якобы представляет, уж прости за каламбур. Рашан сам по себе – иллюзия. Одним богам ведомо, откуда он взялся, кто его вообще создал и зачем. Но истинный Путь Тени был закрыт, недоступен тысячи лет – всё изменилось только девять лет назад, в 1154-м году Сна Огни. Самые древние записи Дома Тени вроде бы указывают, что его престол занимал кто-то из тисте эдур…

– Тисте эдур? – перебила его Рваная Снасть. – Это кто такие?

Маг пожал плечами.

– Родичи тисте анди? Я не знаю, чародейка.

Ты не знаешь? Вообще-то ты, кажется, слишком много знаешь.

Быстрый Бен пожал плечами, чтобы подчеркнуть свои последние слова, а потом добавил:

– Так или иначе, мы считаем, что Жаль связана с Домом Тени.

Скворец напугал всех, неожиданно вскочив на ноги.

– Я в этом не убеждён! – рявкнул он, бросив на Быстрого Бена взгляд, который сразу показал Рваной Снасти, что они уже много раз спорили об этом. – Жаль любит убивать, и когда она рядом, чувствуешь себя так, будто у тебя пауки под рубашкой. Это я знаю, и это я вижу и чувствую так же, как любой из вас. Но это не значит, что она – какой-то демон. – Он обернулся к Каламу. – Она убивает так же, как ты, Калам. У вас обоих по венам течёт лёд. Что с того? Я смотрю на тебя и вижу человека, потому что люди на такое способны – я не выдумываю оправданий, поскольку мне не нравится думать, какими мерзкими мы можем стать. Мы смотрим на Жаль и видим собственное отражение. И к Худу всё, если нам не нравится то, что мы видим.

Он сел так же резко, как и встал, и потянулся к кувшину с вином. Когда он снова заговорил, голос зазвучал уже тише:

– Это моё мнение. Я не специалист по демонам, но я видел достаточно мужчин и женщин, которые *вели себя* как демоны, если было нужно. Мой взводный маг до безумия испугался пятнадцатилетней девочки. Мой убийца прячет нож в ладони, как только она оказывается в двадцати шагах от него. – Скворец посмотрел в глаза Рваной Снасти. – Поэтому у Локона два задания вместо одного, и если ты думаешь, что Быстрый Бен и Калам правы,

лучше тебе не ввязываться в это – я знаю, чем всё заканчивается, когда в дело вмешиваются боги. – Глубокие морщины на миг залегли у его глаз, вернулись воспоминания. – Я знаю, – прошептал он.

Рваная Снасть медленно выдохнула, она задержала дыхание в тот миг, когда сержант вскочил. Теперь ей было совершенно понятно, что ему нужно: он хотел, чтобы Жаль оказалась просто человеком, просто девочкой, которую изуродовал уродливый мир. Потому что это он мог понять, с этим – мог что-то сделать.

– В Семи Городах, – тихо сказала она, – говорят, что Первый Меч Императора – командир его армий – Дассем Ультор принял предложение бога. Худ сделал Дассема своим Рыцарем Смерти. Потом что-то случилось, что-то… пошло не так. И Дассем отрёкся от этого титула, поклялся отомстить Худу – самому Владыке Смерти. Тут же все остальные Взошедшие начали вмешиваться, направлять события. Борьба достигла высшей точки, когда погиб Дассем и был убит Император, кровь полилась на улицах, храмы пошли войной друг на друга, магия вырвалась из-под контроля… – Она замолчала, заметив, что воспоминания об этом времени отразились на лице Скворца. – Ты был там.

И ты не хочешь, чтобы это повторилось, здесь и сейчас. Думаешь, если сможешь убедиться, что Жаль не служит Тени, твоей решимости хватит, чтобы изменить реальность. Тебе нужно в это верить, чтобы не сойти с ума, поскольку есть такие вещи, которые можно перенести только один раз в жизни. Ах, Скворец, я не могу облегчить твою ношу. Видишь ли, я думаю, что Быстрый Бен и Калам правы.

– Если Тень прибрала эту девушку, след будет виден – Локон его найдёт.

– Не станешь ввязываться во всё это? – спросил сержант.

Рваная Снасть улыбнулась.

– Я боюсь только одной смерти – смерти в неведении. Мой ответ – стану.

Смелые слова, женщина. Этим людям удаётся вызвать во мне самое лучшее – или, может быть, худшее.

Что-то блеснуло в глазах Скворца, и он кивнул.

– Ну, вот так, значит, – угрюмо проворчал он и откинулся на спинку стула. – Что у тебя на уме, Скрипач? – спросил он сапёра, который всё ещё расхаживал у него за спиной.

– Чувство дурное, – пробормотал тот. – Что-то не так. Не здесь, но где-то рядом. Просто… – Он остановился, склонил голову набок, потом вздохнул и снова начал нервно ходить туда-сюда. – Не уверен, не уверен.

Рваная Снасть внимательно следила за жилистым человечком. Врождённый талант? Работает на чистой интуиции? Очень редкий дар.

– Я думаю, тебе стоит его послушать.

Скворец бросил на неё измученный взгляд.

Калам ухмыльнулся, и сеточка морщин прорезалась вокруг его тёмных глаз.

– Скрипач нам жизнь спас в тоннелях, – объяснил он. – Тоже было это его «дурное чувство».

Рваная Снасть откинулась на стуле и скрестила на груди руки. Она спросила:

– А где сейчас Жаль?

Скрипач крутнулся на месте и широко раскрытыми глазами уставился на чародейку. Он открыл рот, но сразу же захлопнул.

Остальные трое вскочили на ноги так, что стулья попадали на пол.

– Нам надо идти, – прохрипел Скрипач. – Там нож, и на нём кровь.

Скворец проверил меч в ножнах.

– Калам впереди на двадцать шагов. – Он обернулся к Рваной Снасти, когда убийца выскользнул наружу. – Мы её потеряли пару часов назад. Это часто случается между заданиями. – Его лицо вытянулось. – Может и не быть никакой связи с этим окровавленным ножом.

Сила наполнила комнату, и Рваная Снасть развернулась к Быстрому Бену. Маг открыл свой Путь. Колдовство сочилось странным, бурлящим привкусом, которого она не узнала, и это её очень напугало. Она посмотрела в блестящие глаза чернокожего чародея.

– Я должна тебя знать, – прошептала она. – В этом мире слишком мало истинных мастеров, чтобы я могла тебя не знать. Кто ты, Быстрый Бен?

Скворец перебил её:

– Все готовы?

В ответ на вопрос Рваной Снасти маг только пожал плечами. Скворцу он сказал:

– Готов.

Сержант шагнул к двери.

– Береги себя, чародейка.

В следующий миг они ушли. Рваная Снасть подняла стулья и снова наполнила кубок вином. *Высокий дом Тени и нож во тьме. Началась новая игра – или старая только что сделала новый поворот.*

Паран открыл глаза в ярком, горячем солнечном свете, но небо над ним было… неправильным. Он не увидел солнца; жёлтое сияние было резким, однако не имело источника. Жар опускался на капитана огромной тяжестью.

Воздух наполнился стоном, но не ветра – его-то как раз не было. Паран попытался думать, собрать свои последние воспоминания, но прошлое исчезло, оторвалось, остались только обрывки: каюта корабля, глухой стук, с которым его кинжал входил в деревянную ножку; человек с кольцами, белые волосы, язвительно улыбается.

Паран перекатился на бок, чтобы найти источник стона. В дюжине шагов от него на плоской равнине, лишённой земли или травы, высилась арка, которая вела в… *Ничто. Я уже видел такие ворота прежде. Не такие большие, наверное. И не похожие на… на это.* Вывернутые наверх, а с его точки зрения – вбок, ворота не были сделаны из камня. *Тела, голые человеческие тела. Может, скульптуры? Нет… о, нет.* Тела шевелились, стонали, медленно извивались на месте. Кожа почернела, словно покрытая торфом, глаза распахнуты, рты открыты в слабом, бесконечном стоне.

Паран поднялся на ноги, зашатался, когда у него закружилась голова, и снова рухнул на землю.

– Похоже на нерешительность, – произнёс равнодушный голос.

Моргая, Паран перекатился на спину. Над ним стояли юноша и девушка – близнецы. Молодой человек был одет в свободное шёлковое одеяние – белое с золотом; его узкое лицо было бледным и холодным. Его сестра закуталась в блестящий пурпурный плащ, а в её светлых волосах вспыхивали рыжеватые пряди.

Говорил юноша. Он невесело улыбнулся Парану.

– Нам давно нравился твой… – он удивлённо раскрыл глаза.

– Меч, – закончила девушка с самодовольной ухмылкой.

– Куда более тонко, чем, скажем, монета, не так ли? – Улыбка юноши стала издевательской. – Большинство, – сказал он, оглядываясь на жуткую арку ворот, – тут не задерживается. Говорят, когда-то был культ, приверженцы которого топили жертв в болотах… Я полагаю, Худ находит такое эстетически привлекательным.

– Ничего удивительного, – протянула женщина, – у Смерти нет вкуса.

Паран попытался сесть, но тело не слушалось. Он уронил голову и почувствовал, как странная глина подалась под её весом.

– Что случилось? – прохрипел он.

– Тебя убили, – легко ответил юноша.

Паран закрыл глаза.

– Почему тогда я не прошёл во Врата Худа, если это они?

– Мы вмешались, – сказала женщина.

Опонны, Близнецы Удачи. И мой меч, неопробованный клинок, который я купил столько лет назад и капризно назвал…

– Чего двуединые Опонны хотят от меня?

– Только эту жалкую, невежественную сущность, которую ты зовёшь своей жизнью, милый мальчик. Беда со Взошедшими в том, что они пытаются мошенничать в любой игре. Но *мы,* конечно, любим… неопределённость.

В воздухе зазвенел далёкий вой.

– Ого, – сказал юноша. – Я бы сказал, пора определяться. Нам лучше удалиться, сестра. Прости, капитан, но, кажется, ты всё-таки пройдёшь через эти Врата.

– Может быть, – заметила девушка.

Брат накинулся на неё:

– Мы же договорились! Никаких драк! Драки – это неопрятно. Неприятно. Я терпеть не могу эти отвратительные сцены! К тому же эти играют нечестно.

– Так и мы не будем, – огрызнулась сестра. Она обернулась к вратам и, повысив голос, воскликнула: – Владыка Смерти! Мы хотим говорить с тобой! Худ!

Паран повернул голову и увидел, как согбенная, хромающая фигура вышла из врат и медленно приблизилась. Паран прищурился: старуха, ребёнок с текущей по подбородку слюной, искалеченная девушка, низкорослый, изуродованный трелль, иссушенный тисте анди…

– Да определись уже! – буркнула сестра.

Чудовище склонило набок череп с растянутыми в смертной улыбке грязно-жёлтыми зубами.

– Сами вы выбрали, – сказало оно дрожащим голосом, – без фантазии.

– Ты не Худ, – нахмурился брат.

Кости шевельнулись под скрипящей кожей.

– Господин занят.

– Занят? Мы не потерпим оскорблений! – возмутилась сестра.

Чудовище захихикало, но потом резко замолкло.

– Как неудачно. Сладкозвучный, глубокий и гортанный хохот мне бы больше подошёл. Ну да ладно, отвечаю: а мой господин не потерпит того, что вы вмешались в естественный переход этой души.

– Убитой рукой бога, – возразила сестра. – Это делает его законным трофеем.

Создание закряхтело, подвинулось ближе, чтобы взглянуть на Парана. Глазницы слабо поблёскивали, словно в тени прятались старые жемчужины.

– Чего, Опонны, – спросило оно, разглядывая Парана, – вы хотите от моего господина?

– Я – ничего, – сказал брат, отворачиваясь.

– Сестра?

– Даже богов, – ответила она, – ожидает смерть, неопределённость, неуверенность, которая прячется глубоко внутри них. – Она помолчала. – Дай им неуверенность.

Существо снова захихикало и снова резко замолкло.

– Обмен.

– Конечно, – отозвалась сестра. – Я найду другую безвременную смерть. Даже бессмысленную.

Жуткое создание помолчало, потом его голова скрипнула и кивнула.

– В тени этого смертного, разумеется.

– Договорились.

– В моей тени? – спросил Паран. – Что это значит?

– Увы, большое горе, – ответило чудовище. – Кто-то близкий тебе пройдёт через Врата Смерти… вместо тебя.

– Нет. Забери лучше меня! Умоляю!

– Тихо! – рявкнуло чудовище. – От пафоса мне становится дурно.

Вой зазвучал снова, на этот раз намного ближе.

– Нам лучше уйти, – сказал брат.

Чудовище приоткрыло челюсти, чтобы расхохотаться, но потом с треском их захлопнуло.

– Нет уж, – пробормотало оно, – хватит.

Оно заковыляло обратно к Вратам и остановилось только раз, чтоб обернуться и помахать на прощание.

Сестра закатила глаза.

– Нам пора, – тревожно повторил брат.

– Да-да, – протянула сестра, разглядывая Парана.

Капитан вздохнул и отвёл взгляд.

– Только давайте обойдёмся без прощальных загадок.

Когда он опять посмотрел туда, Опонны уже исчезли. Он снова попробовал встать. Снова безуспешно.

Новое присутствие наполнило воздух напряжением, запахом угрозы. Со вздохом Паран завертел головой. Он увидел двух Гончих – огромных мускулистых тварей, которые сидели и смотрели на него, высунув тёмные языки. *Это они перебили солдат в Итко-Кане. Вот эти проклятые, ужасные звери.* Оба Пса замерли, наклонив к нему головы, словно заметили ненависть в его глазах. Паран почувствовал, как сердце холодеет от их жадного взгляда. И не сразу заметил, что сам оскалил зубы.

Пятно тени отделилось от двух Гончих, пятно в форме полупрозрачного человека. Тень заговорила:

– Посланник Лорн. А я бы ждал кого-то более… способного. Хотя, следует признать, умер ты хорошо.

– Очевидно, что нет, – сказал Паран.

– Ну да, – проговорила тень, – и теперь мне придётся заканчивать работу. Столько дел, столько дел.

Паран подумал о том, что Опонны сказали прислужнице Худа. *Неуверенность. Если боги чего и боятся…*

– В день, когда ты умрёшь, Престол Тени, – тихо сказал он, – я буду ждать тебя по ту сторону этих врат. С улыбкой. Боги же *могут* умереть, не так ли?

Что-то громко треснуло под аркой ворот. Престол Тени и Гончие вздрогнули.

Паран продолжил, удивляясь собственной отчаянной храбрости – поддразнивать самих Взошедших. *Я же всегда презирал начальство и власть, не так ли?*

– На полпути между жизнью и смертью – это обещание мне ничего не стоит, видишь ли.

– Лжец, единственный Путь, который может теперь тебя коснуться, это…

– Смерть, – сказал Паран. – Правда, – добавил он, – кое-кто… вмешался – и поспешил уйти, прежде чем ты и твои громогласные Псы прибыли сюда.

Король Высокого дома Тени метнулся вперёд.

– Кто? Что он задумал? Кто противостоит нам?

– Сам ищи свои ответы, Престол Тени. Ты же понимаешь, не так ли, что если сейчас отправишь меня во врата, твой… противник начнёт искать другие средства? Не зная, кто станет следующим инструментом, как ты вычислишь его следующий шаг? Будешь шарахаться от каждой тени.

– Легче последить за тобой, – согласился бог. – Нужно поговорить с моим спутником…

– Как хочешь, – перебил Паран. – Если бы только я мог встать…

Бог хитро расхохотался.

– Если ты встанешь, то пойдёшь. И только в одну сторону. Тебе дали отсрочку – и если Худ явится, чтобы поднять тебя на ноги, тебя поведёт его рука, а не наша. Великолепно. А если будешь жить, моя тень последует за тобой.

Паран хмыкнул.

– Сколько народу теперь собралось в моей тени.

Его взгляд снова упал на Гончих. Псы пристально смотрели на него, а их глаза мерцали, как угольки. *Я ещё до вас доберусь.* Алый свет стал ярче, будто его раздуло это мысленное обещание.

Бог снова заговорил, но мир вокруг Парана потемнел, поблек и угас, голос пропал, и вместе с ним – все чувства, кроме возобновившегося звона вертящейся монеты.

Неизвестно, сколько прошло времени. Паран бродил по воспоминаниям, которые, казалось, давно утратил: вот он – ребёнок, который цепляется за платье матери и делает первые, неуверенные шаги; вот бурная ночь, когда он бежит по холодным коридорам в спальню родителей, шлёпая крохотными ножками по каменным плитам пола; вот он держит за руки двух своих сестёр, они стоят на мощёном дворе и ждут, ждут кого-то. Образы рассыпались у него в голове. Платье матери? Нет, это же старая служанка в усадьбе. Не в спальню родителей, а в комнату слуг; а там, во дворе, с сёстрами, они простояли пол-утра, ожидая приезда матери и отца, людей, которых они едва знали.

В его сознании проплывали сцены, мгновения, исполненные таинственным смыслом, скрытой значимостью, кусочки загадки, которую он не мог распознать, собранные чужой рукой с неведомой целью. Паран мысленно содрогнулся от ужаса, когда почувствовал, что нечто – кто-то – перебирает важнейшие события его жизни, переворачивая их и бросая в новую тень настоящего. Уверенная рука… *играла.* С ним, с самой его жизнью.

Странная смерть…

Он услышал голоса.

– Вот проклятье, – перед открытыми, пустыми глазами Парана возникло чьё-то лицо. Лицо Хватки. – Не повезло ему, – сказала она.

Рядом заговорил сержант Мураш:

– Никто в Девятом его бы так не отделал. Только не в городе.

Хватка протянула руку и коснулась раны на груди, её пальцы на удивление мягко пробежали по его разорванной плоти.

– Это не работа Калама.

– Ты тут побудешь? – спросил Мураш. – Я схожу, приведу Вала и Молотка, и кто там ещё появится.

– Валяй, – ответила Хватка, обнаружив вторую рану в восьми дюймах под первой. – Это второй удар, правой рукой, слабый.

Вот уж и правда странная смерть, подумал Паран. Что его здесь задержало? Ведь он был… там? Там были жара, жгучий жёлтый свет? И голоса, фигуры – призрачные, неразличимые, там, под аркой из… из человеческих тел с закрытыми глазами и распахнутыми ртами. Хор мертвецов… Паран был где-то в другом месте, но вернулся к этим настоящим голосам, настоящим рукам, касавшимся его тела? Как он вообще что-то видит через пустые, стеклянные глаза, чувствует мягкие руки Хватки на своём теле? И откуда эта боль, которая поднимается из глубин, словно левиафан?

Хватка отвела руку и, опершись локтями на бёдра, присела на корточки рядом с Параном.

– А вот как же так вышло, что у тебя до сих пор кровь идёт, капитан? Ранили-то тебя по меньшей мере час назад.

Боль всплыла на поверхность. Паран почувствовал, как его липкие губы сплёвывают. Его челюсть щёлкнула, и он рывком втянул в себя воздух. А потом закричал.

Хватка молниеносно отскочила, и в её руке словно по волшебству оказался меч. Она отступила к дальней стене переулка.

– Милостивая Шеденул!

Сапоги застучали по мостовой справа от неё, и Хватка рывком повернула голову:

– Целителя! Этот ублюдок ещё живой!

Третий колокол после полуночи звучно прогудел над Крепью, отозвался эхом на опустошённых комендантским часом улицах. Начал моросить дождь, и небо затянуло мутной золотистой дымкой. Перед большой, просторной усадьбой в двух кварталах от старого дворца, в котором расквартировали Вторую, два морпеха, закутавшись в дождевики, стояли на посту у главных ворот.

– Вот уж мерзкая ночка, точно? – поёжился один из них.

Другой переложил пику на левое плечо и харкнул в канаву.

– Какая проницательность, – покачал он головой. – Если вдруг совершишь ещё какое-нибудь потрясающее открытие, ты уж поделись со мной, слышишь?

– Да что я сделал-то? – обиженно возмутился первый.

Второй солдат вдруг замер.

– Тихо, кто-то идёт.

Стражники напряжённо ждали, сжимая в руках оружие. С противоположной стороны улицы появилась фигура и шагнула в круг света от факелов.

– Стой, – прорычал второй стражник. – Подходи медленно, и молись, чтобы у тебя тут было важное дело.

Человек сделал шаг вперёд.

– Калам, «Мостожоги», Девятый, – тихо сказал он.

Морпехи не очень-то успокоились, но «мостожог» не приближался. Его тёмное лицо поблёскивало под дождём.

– Чего тебе тут надо? – спросил второй стражник.

Калам хмыкнул и бросил взгляд назад на улицу.

– Мы не собирались возвращаться. Что до дела, так лучше бы Тайшренну о нём не знать. Понимаешь, солдат?

Морпех ухмыльнулся и снова сплюнул в канаву.

– Калам – ты же, выходит, капрал у Скворца, – в его голосе зазвучало уважение. – Для тебя – что угодно.

– Это точно! – пробурчал другой солдат. – Я был в Натилоге, сэр. Если хотите, чтоб нас дождь ослепил на часок, только скажите.

– Мы пронесём внутрь тело, – сказал Калам. – Но ничего такого на вашем дежурстве не было.

– Клянусь Вратами Худа, не было, – откликнулся второй морпех. – Тихо было, как на Седьмом Рассвете.

Издали послышались шаги. Калам жестом позвал подошедших за собой, а потом скользнул внутрь, как только первый стражник отпер ворота.

– Как по-твоему, чего они задумали? – спросил он, когда Калам исчез.

Другой пожал плечами.

– Надеюсь, что-то такое, чем подавится Тайшренн, Худ бы побрал этого убийцу и предателя. И они же «Мостожоги», так что именно это они и устроят. – Стражник замолчал,

когда подошли остальные. Двое несли между собой третьего. Глаза второго солдата широко раскрылись, когда он увидел чин раненого и кровь на его перевязи.

– Опонново счастье, – присвистнул солдат, обернувшись к ближайшему «мостожогу», человеку в потрёпанной кожаной шапке. – Вот уж не пряником, так кнутом, – добавил он.

«Мостожог» сурово на него посмотрел.

– Если увидишь женщину, которая идёт за нами, не стой у неё на пути, понял?

– Женщину? Какую?

– Она из Девятого, и сегодня, кажется, хочет крови, – ответил тот, когда они с товарищем вносили капитана в ворота. – Забудь про пост, – бросил он через плечо. – Просто оставайся в живых, если сможешь.

Когда «мостожоги» прошли, морпехи уставились друг на друга. Потом первый солдат потянулся, чтобы запереть ворота. Другой его остановил.

– Не закрывай, – пробормотал он. – Давай-ка найдём какую-то тень рядом, да не слишком близко.

– Вот уж ночка.

– Любишь ты провозглашать очевидные вещи, да? – сказал морпех и двинулся прочь от ворот.

Первый солдат беспомощно пожал плечами и поспешил вслед за ним.

Рваная Снасть долго и пристально смотрела на карту, которую положила в центре поля. Она выбрала спиральный расклад, которым прошла по всей Колоде Драконов и достигла последней карты, которая может означать высшую точку или озарение, в зависимости от того, как ляжет.

Спираль превратилась в колодец, тоннель, уводивший вниз, и на дне, которое казалось далёким и укрытым тенями, её ждало изображение Пса. Она чувствовала, что это гадание имеет значение прямо сейчас. Высокий дом Тени вмешался и бросил вызов игре Опоннов. Её глаза притягивала первая карта, которую чародейка поместила в самом начале спирали. Каменщик Высокого дома Смерти занимал скромное положение среди других карт, но сейчас выгравированная на дереве фигура приобрела вес и значение. Брат Солдата того же Дома, Каменщик был изображён как худой, седеющий мужчина, одетый в выцветшую кожу. Его могучие руки со вздувшимися жилами сжимали инструменты каменотёса, а вокруг поднимались грубо обработанные менгиры. Рваная Снасть обнаружила, что может различить на камнях полустёртые символы. Этого языка она не знала, но знаки походили на письмо Семи Городов. В Доме Смерти Каменщик был строителем курганов, воздвигателем камней, обещанием смерти не одной или нескольким, но многим особам. Язык на менгирах нёс послание, не предназначенное для неё: Каменщик вырезал эти слова для самого себя, а время сгладило резьбу – даже он сам казался выветренным, лицо было покрыто сетью трещин, серебристая борода поредела и спуталась. Такую роль принял человек, который когда-то работал с камнем, но потом перестал.

Это поле чародейка никак не могла понять. Расклад сбивал её с толку: словно началась совершенно новая игра и на сцену каждый миг поднимаются новые актёры. В центре спирали лежал Рыцарь Высокого дома Тьмы, противопоставленный равно началу и концу. Как и в прошлый раз, когда Колода открыла ей эту драконическую фигуру, что-то парило в чернильно-чёрном небе над Рыцарем, невидимое и неуловимое. Ей иногда даже казалось, что это тёмное бельмо на её собственных глазах.

Меч Рыцаря бросил чёрную, дымчатую прожилку в сторону Пса на вершине спирали, и в этот миг чародейка поняла его значение. В будущем лежало столкновение между Рыцарем и Высоким домом Тени. Эта мысль одновременно напугала Рваную Снасть и внушила ей облегчение – будет битва. Между этими Домами не будет союза. Редко можно было увидеть

такую ясную и прямую связь между ними: при мысли о возможных разрушениях она похолодела от страха. Кровопролитие на таком высоком уровне силы вызовет отголоски, которые прокатятся по всему миру. Неизбежно пострадают люди. И эта мысль снова привела её к Каменщику из Высокого дома Смерти. Сердце Рваной Снасти гулко забилось в груди. Она сморгнула пот с глаз и с трудом несколько раз глубоко вздохнула.

– Кровь, – пробормотала она, – всегда течёт вниз.

Каменщик строит курган – он ведь служитель Смерти, в конце концов, – и он коснётся меня. Этот курган… мой? Может, нужно отступить? Оставить «Мостожогов» на произвол судьбы, сбежать от Тайшренна, сбежать от Империи?

Старые воспоминания, которые она подавляла уже почти два века, нахлынули, словно бурный поток. Эта картина потрясла её. Рваная Снасть снова шагала по грязным улочкам родной деревни – девочка, рожденная с Даром, девочка, которая увидела вооружённых всадников, скакавших, чтобы растоптать их тихую жизнь. Девочка, которая убежала от этого знания, никому не сказав ни слова, – и настала ночь, ночь криков и смерти.

На неё нахлынуло чувство вины, его призрачный облик был мучительно знаком. Столько лет прошло, а лицо того мужчины всё ещё могло разбить на куски её мир, опустошить то, что ей так нужно было наполнить, испепелить её призрачное ощущение безопасности стыдом двухсотлетней давности.

Образ снова опустился на дно липкой трясины, но успел изменить её. На этот раз Рваная Снасть не убежит. Её взгляд в последний раз вернулся к Псу. Глаза Гончей пылали жёлтым огнём, впивались в чародейку, словно для того, чтобы заклеймить саму душу.

Рваная Снасть окаменела на стуле, когда холодная аура накатилась на неё сзади. Чародейка медленно обернулась.

– Прости, что не предупредил, – сказал Быстрый Бен, выходя из завихрений своего Пути. У него был странный, пряный запах. – Сейчас он будет, – рассеянно проговорил маг. – Я позвал Локона. Он придёт по своему Пути.

Рваная Снасть задрожала, когда волна предчувствия пробежала по её позвоночнику. Чародейка отвернулась к Колоде и начала собирать карты.

– Ситуация только что сильно усложнилась, – сказал за спиной маг.

Рваная Снасть приостановилась и криво улыбнулась.

– В самом деле? – пробормотала она себе под нос.

…Ветер бросал дождь в лицо Скворцу. Где-то в темноте глухо прозвенел четвёртый колокол. Сержант плотней закутался в дождевик и устало перенёс вес на другую ногу. Вид с крыши восточной башни дворца почти полностью скрывала пелена дождя.

– Ты уже несколько дней что-то там жуёшь, – сказал он человеку рядом с собой. – Говори, солдат.

Скрипач вытер дождевую воду с глаз и покосился на восток.

– Нечего мне сказать, сержант, – угрюмо проворчал он. – Просто чувство. Вот эта чародейка, к примеру.

– Рваная Снасть?

– Ага. – Металл звякнул, когда сапёр расстегнул пояс с мечом. Скрипач пробормотал: – Терпеть его не могу.

Скворец смотрел, как тот швырнул пояс и короткий меч в ножнах на покрытую галькой крышу у себя за спиной.

– Только не забудь его, как в прошлый раз, – сказал сержант, пряча улыбку.

Скрипач поморщился.

– Вот один раз ошибёшься, и никто уже никогда тебе этого не забудет.

Скворец ничего не ответил, но его плечи задрожали от смеха.

– Худовы кости, – продолжил Скрипач, – я ж не боец. Не мечник – уж точно. Родился в одном из проулков Малаза, обучился камни тесать, чтоб вскрывать курганы на равнине за Паяцевым замком. – Он взглянул на своего сержанта. – Ты ведь тоже был каменотёсом, как и я. Мне эта солдатская наука тяжело даётся, не то что тебе. Мне дорога была в армию или в шахту – и иногда я думаю, что неправильный выбор сделал.

Веселье покинуло Скворца при этих словах Скрипача. *«Наука?* – подумал он. – *Как людей убивать? Как их посылать на смерть в чужой стране?»*

– Что ты чувствуешь насчёт Рваной Снасти? – отрывисто спросил сержант.

– Боится, – ответил сапёр. – Сдаётся мне, гонятся за ней старые демоны – и уже почти нагнали.

Скворец хмыкнул.

– Редко когда найдёшь мага с приятным прошлым, – заметил он. – Говорят, её не просто так завербовали, она от кого-то бежала. А потом на первом же задании всё испортила.

– Не вовремя она к нам так прикипела.

– Она потеряла свой отряд. Её предали. Кроме Империи, за что ей ещё уцепиться?

А за что ещё может уцепиться любой из нас?

– Она будто готова разрыдаться, вот-вот, каждую минуту. Думаю, чародейка сломалась, сержант. Если Тайшренн на неё как следует надавит, она нас сдаст.

– Мне кажется, ты недооценил чародейку, Скрипач, – сказал Скворец. – Она крепкая – и преданная. Это мало кто знает, но ей не один раз предлагали титул Высшего мага, да только она не приняла. Сразу не скажешь, но если они упрутся лоб в лоб с Тайшренном, ещё не ясно, чья возьмёт. Она – мастер своего Пути, а этого не достигнешь без твёрдого характера.

Скрипач тихо присвистнул и опёрся руками на парапет.

– Ошибку признаю.

– Ещё что-то, сапёр?

– Одно только, – с каменным лицом ответил Скрипач.

Скворец похолодел. Он знал, что означает этот тон.

– Говори.

– Что-то сегодня случится, сержант, – Скрипач обернулся, и его глаза блеснули в темноте. – И дело будет грязное.

Оба обернулись на стук дверцы люка на крыше. В потоке света из комнаты внизу появился Первый Кулак Дуджек Однорукий. Он поднялся на последнюю ступеньку и шагнул на крышу.

– А ну-ка помогите мне с этим проклятым люком, – крикнул он двум солдатам.

Они подошли, и под их сапогами заскрипел гравий.

– Есть новости про капитана Парана, Первый Кулак? – спросил Скворец, когда Скрипач присел и, покряхтывая, поднял и закрыл люк.

– Никаких, – ответил Дуджек. – Исчез. И кстати, пропал и твой убийца, Калам.

Скворец покачал головой.

– Я знаю, где он и где он был всю ночь. Вал и Молоток последними видели капитана, когда он уходил из таверны Нобба, а потом он будто растворился. Первый Кулак, мы не убивали этого капитана Парана.

– Не увиливай, – пробормотал Дуджек. – Проклятье, Скрипач, это что, твой меч там валяется? *В луже?!*

Скрипач с шипением выпустил воздух между зубов и поспешил к своему оружию.

– Про него скоро будут сказки рассказывать, – заметил Дуджек. – Шеденул благослови его шкуру. – Он помолчал, приводя в порядок мысли. – Ладно, забудем об этом, вы не убивали Парана. Тогда где он?

– Мы ищем, – ровным тоном ответил Скворец.

Первый Кулак вздохнул.

– Хорошо. Принято. Ты хочешь знать, кому ещё могло понадобиться убивать Парана, а это значит – придётся объяснить, кто его прислал. Ну, он человек адъюнкта Лорн, давно уже. Но он не Коготь. Он растреклятый благородный сыночек из Унты.

Скрипач снова застегнул пояс и теперь стоял в двадцати шагах от них на краю крыши, уперев руки в бока. *Хороший человек. Проклятье, да все они хорошие!* Скворец сморгнул с глаз капли дождя.

– Из столицы? Может, кто-то из тех кругов. Никто не любит старую знать, даже сама знать.

– Возможно, – согласился Дуджек, но без особой уверенности в голосе. – В любом случае он должен командовать твоим взводом, и не только во время выполнения данного задания. Это его постоянное назначение.

Скворец спросил:

– Засылка в Даруджистан – его собственная идея?

Первый Кулак ответил:

– Нет, но чья, никто не знает наверняка. Может, адъюнкта, может, самой Императрицы. В общем, всё это означает, что мы вас засылаем в любом случае, – он на миг нахмурился. – Я должен выдать последние инструкции. – Дуджек обернулся к сержанту. – Тебе, если учесть, что Паран исчез.

– Могу я говорить прямо, Первый Кулак?

Дуджек хрипло хохотнул.

– Думаешь, я этого не знаю, Скворец? От этого плана смердит за милю. Тактический кошмар…

– Я не согласен.

– Что?

– По-моему, он отлично подходит для достижения поставленной цели, – глухо проговорил сержант, взглянув сперва на светлевший на востоке горизонт, а потом – на солдата на краю крыши. *Ведь цель в том, чтобы мы все погибли.*

Первый Кулак внимательно взглянул на сержанта, потом сказал:

– Пойдём.

Он отвёл Скворца к тому месту, где стоял Скрипач. Сапёр приветствовал их кивком. Вскоре все трое стояли у края и смотрели на город. Тускло освещённые улицы Крепи вились между громадами зданий и словно не хотели расставаться с ночью; за завесой дождя приземистые силуэты строений, казалось, дрожали перед приходом рассвета.

Через некоторое время Дуджек тихо произнёс:

– Очень одиноко тут, правда?

Скрипач хмыкнул.

– Уж как есть, сэр.

Скворец прикрыл глаза. Что бы ни происходило в тысячах лиг отсюда, всё решалось именно здесь. Такова Империя и всегда такой будет – в любом месте, при любых людях. Все они – только инструменты, не ведающие, чьи руки их направляют. Сержант уже давно уяснил эту истину. Она его раздражала тогда, раздражала и сейчас. Теперь единственное, что приносило ему облегчение, – предельная усталость.

– На меня давят, – медленно продолжил Первый Кулак, – чтобы я распустил «Мостожогов». Я уже получил приказ слить Вторую с Пятой и Шестой. Будет одна Пятая в почти полном составе. Прилив несёт новые воды к нашему берегу, господа, и они пахнут горечью. – Он помолчал, а потом добавил: – Если вернёшься со своим взводом живым из Даруджистана, сержант, разрешаю вам уйти.

Скворец резко повернул голову, а Скрипач словно окаменел. Дуджек кивнул.

– Ты меня слышал. Что до остальных «мостожогов» – не беспокойся, я о них позабочусь, – Первый Кулак взглянул на восток, оскалив зубы в невесёлой усмешке. – Они меня обложили. Но разрази их гром, они меня не загонят в угол. У меня тут десять тысяч солдат, которым я многим обязан…

– Простите, сэр, – вмешался Скрипач, – тут десять тысяч солдат, которые говорят, что это они вам обязаны. Только скажите слово и…

– Тихо, – прикрикнул Дуджек.

– Так точно, сэр.

Скворец молчал, его мысли перемешались в бурном водовороте. «Дезертировать». Это слово звенело у него в голове, как погребальный плач. И он чувствовал: Скрипач сказал правду. Если Первый Кулак Дуджек решит, что пришло время сделать ход, меньше всего Скворец захочет оказаться в этот момент в бегах за тысячи лиг от центра событий. Они были близки с Дуджеком, и хотя оба это скрывали, прошлое нет-нет да и всплывало на поверхность. Было время, когда Дуджек обращался *к нему* как к командиру, и хотя сам Скворец не держал обиды, он знал, что Дуджек всё ещё не смирился с таким положением дел. Если придёт время, Скворец хотел быть рядом с Дуджеком.

– Первый Кулак, – сказал наконец сержант, понимая, что оба ждут его слов, – ещё осталось достаточно «мостожогов». Меньше рук на мече, но клинок по-прежнему острый. Не в наших привычках облегчать жизнь тем, кто пошёл против нас – кем бы они ни были. Просто тихо сбежать… – сержант вздохнул. – Это ведь их вполне устроит, верно? Пока есть рука на мече, хотя бы одна-единственная, «Мостожоги» не отступят. Мне кажется, это дело чести.

– Я тебя услышал, – сказал Дуджек. Потом хмыкнул: – Ага, вот и они.

Скворец проследил за взглядом Первого Кулака, который что-то высматривал на восточном горизонте.

Склонив голову набок, Быстрый Бен прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Гончие вышли на его след.

Калам грубо выругался и вскочил на ноги.

Сидя на кровати, Рваная Снасть затуманенными глазами смотрела, как огромный мужчина мечется по комнате, а половицы даже не скрипят. Рослый и широкоплечий Калам словно парил над землёй, и это вызывало в ней чувство ирреальности, учитывая, что в центре комнаты чернокожий маг, поджав ноги, завис в нескольких дюймах над деревянным полом.

Рваная Снасть поняла, что совершенно вымоталась. Слишком много всего происходило, и всё – одновременно. Она внутренне встряхнулась и перевела взгляд на Быстрого Бена.

Маг был связан с Локоном, а марионетка шла по следу кого-то – *чего-то* — уходившего по Пути Тени. Локон добрался до самых врат Владения Тени, а потом вошёл в них. На какое-то время Быстрый Бен потерял связь с куклой, и эти бесконечные минуты тишины порядком истрепали всем нервы. Когда аура Локона снова вернулась к магу, заключённый в куклу чародей был уже не один.

– Он выходит, – объявил Быстрый Бен. – Меняет Пути. С Опонновым счастьем, глядишь, оторвётся от Псов.

Рваная Снасть поморщилась, когда он всуе помянул имя Шутов. Сейчас в глубине переплеталось столько невидимых течений, что это могло привлечь к ним ненужное внимание.

Усталость разлилась в комнате, как запах горьких благовоний, смешанный с потом и напряжением. Быстрый Бен опустил голову. Рваная Снасть понимала, что его душа сейчас идёт по Путям, цепляется за плечо Локона крепчайшей хваткой.

Расхаживая по комнате, Калам оказался рядом с чародейкой. Он остановился и посмотрел на неё.

– Что там с Тайшренном? – резко спросил капрал, сжимая и разжимая кулаки.

– Он знает, что что-то случилось. Тайшренн вышел на охоту, но добыча ускользнула от него, – Рваная Снасть улыбнулась убийце. – Я чувствую, что он двигается осторожно. Очень осторожно. Он ведь не знает, кто его добыча: заяц или волк.

Выражение лица Калама оставалось мрачным.

– Или Пёс, – пробормотал он и снова закружил по комнате.

Рваная Снасть уставилась на убийцу. Неужели именно это и делает Локон? Ведёт за собой Пса? Неужели они все заманивают Тайшренна в смертельную ловушку?

– Надеюсь, нет, – сказала она, сурово глядя на убийцу. – Это было бы глупо.

Калам ничего не сказал, тщательно отводя глаза. Рваная Снасть поднялась.

– Даже не глупо. Это безумие. Ты хоть понимаешь, какая сила может тут высвободиться? Многие считают, что Гончие намного древнее, чем сами Владения Тени. Но дело не только в них – сила привлекает силу. Если один из Взошедших разорвёт ткань там или здесь, вслед за ним, учуяв кровь, придут другие. Когда наступит рассвет, все смертные в этом городе могут погибнуть.

– Успокойся, госпожа, – сказал Калам. – Никто не хочет выпускать Пса в город. Во мне говорил страх. – Он по-прежнему избегал её взгляда.

Признание убийцы поразило Рваную Снасть. Калам не поднимал глаз от стыда. Страх – признание слабости.

– Ох, Худов клобук, – вздохнула она. – Да я и сама второй час только вот сижу и думаю о том, как бы постель не испачкать.

Это застало его врасплох. Убийца остановился, посмотрел на неё, а потом рассмеялся. Это был глубокий, спокойный смех, и он ей очень понравился.

Дверь в спальню открылась, и вошёл Молоток, его круглое лицо раскраснелось и блестело от пота. Целитель глянул на Быстрого Бена, а потом подошёл к Рваной Снасти и присел на корточки перед ней.

– По всем статьям, – тихо проговорил он, – капитан Паран должен сейчас лежать в офицерской могиле под пятью футами мокрой земли. – Он кивнул подошедшему Каламу. – Первая рана была смертельной, ровно под сердце. Профессиональный удар, – добавил Молоток, с намёком глядя на убийцу. – Вторая бы его тоже прикончила, просто медленнее, но всё равно наверняка.

Калам скривился.

– Значит, капитан должен был умереть. Но не умер. И это значит?

– Вмешательство, – ответила Рваная Снасть, у которой в животе всё сжалось от неприятного чувства. Из-под отяжелевших век она пристально посмотрела на Молотка. – Твоих сил Денула хватило?

Целитель иронично усмехнулся.

– Плёвое дело. Мне помогли, – объяснил он. – Раны уже закрывались, ткани срослись. Я слегка ускорил процесс, только и всего. Он получил тяжкую травму – телесную и духовную. Как ни крути, недели пройдут, прежде чем он оправится физически. И уже одно это будет нелегко.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Рваная Снасть.

Калам отошёл к столу и принёс кувшин и три глиняных кубка. Когда он начал разливать вино, Молоток сказал:

– Исцеление никогда нельзя разделять между плотью и ощущением плоти. Трудно объяснить. Пути Денула касаются всех видов исцеления, поскольку ранения наносят вред на всех уровнях. Шок – это шрам, который соединяет пропасть между телом и сознанием.

– Очень интересно, – проворчал Калам, протягивая целителю кубок. – Так что с Параном?

Молоток сделал долгий глоток и вытер губы.

– Какая бы сила ни вмешалась, она не заботилась ни о чём, кроме заживления плоти. Он запросто может подняться на ноги за день-другой, но шок пройдёт очень не скоро.

– Ты не смог его исцелить? – спросила Рваная Снасть.

Молоток покачал головой.

– Всё это вещи связанные. Сила разорвала эти связи. Сколько потрясений, травматических событий пережил за свою жизнь Паран? По какому шраму мне идти? Я от незнания могу только повредить ему.

Рваная Снасть подумала о молодом человеке, которого они притащили в её комнату час назад. После того крика в переулке, благодаря которому Хватка поняла, что он жив, капитан потерял сознание. О Паране чародейка знала только то, что он был сыном знатного рода; что прибыл из Унты и что был новым офицером взвода на время даруджистанской миссии.

– В любом случае, – сказал Молоток, осушив кубок, – Вал за ним приглядывает. Капитан может очнуться в любую минуту, но никто не скажет, в каком состоянии будет его разум. – Целитель ухмыльнулся Каламу. – Валу этот сорванец понравился.

Его ухмылка стала шире, когда убийца выругался. Рваная Снасть подняла бровь.

Увидев её выражение, Молоток объяснил:

– Вал усыновляет ещё бродячих собак – и других, кхм-м, убогих созданий. – Он бросил взгляд на Калама, который снова начал ходить туда-сюда по комнате. – И на сей счёт он может упереться рогом.

Капрал выразительно заворчал.

Рваная Снасть улыбнулась. Её улыбка поблекла, когда она вспомнила о капитане Паране.

– Его используют, – холодно заявила чародейка. – Как меч.

Молоток помрачнел.

– Тогда нет в его исцелении никакого милосердия – один только расчёт.

Все вздрогнули, когда внезапно заговорил Быстрый Бен:

– Покушение на него – дело рук Тени.

В комнате воцарилась тишина.

Рваная Снасть вздохнула. Прежде это было только подозрение. Чародейка увидела, как Молоток и Калам обменялись взглядами, и догадалась, что происходит между ними. Кем бы ни была Жаль, когда она вернётся, ей придётся ответить на несколько жёстких вопросов. И теперь Рваная Снасть знала наверняка, что девушка принадлежит Тени.

– И это значит, – безмятежно продолжил Быстрый Бен, – что кто бы ни вмешался, чтобы спасти Парана, он вошёл в прямое противостояние с Владениями Тени. – Маг повернул голову, и его тёмные глаза остановились на чародейке. – Нам нужно будет узнать всё, что знает Паран, как только он придёт в себя. Однако…

– Нас здесь не будет, – закончил Калам.

– Будто мало мне Локона, – пробормотала Рваная Снасть, – теперь вы хотите, чтобы я нянчилась с этим вашим капитаном.

Быстрый Бен поднялся и отряхнул пыль с кожаных штанов.

– Локона здесь не будет ещё некоторое время. Эти Гончие – упрямые твари. Ему потребуется время, чтобы оторваться от них. Или, если дело дойдёт до самого худшего, – чародей сумрачно ухмыльнулся, – он сцепится с ними, и Владыке Тени будет над чем поразмыслить.

Калам сказал Молотку:

– Забирай Вала. Пора идти.

От последних слов Быстрого Бена Рваная Снасть похолодела. Она поморщилась от привкуса пепла во рту и молча наблюдала, как взвод собирается уходить. Это задание уведёт их в самое сердце Даруджистана. Даруджистан был следующим в списке Империи, последним Вольным городом, самоцветом в венце этого континента – дорогим и желанным. Взвод должен проникнуть в город, открыть путь войскам. Там им придётся рассчитывать только на себя. Как ни странно, Рваная Снасть почти завидовала одиночеству, которое их ждало. Почти, но не совсем. Она боялась, что они все погибнут.

Словно под влиянием страха, она вспомнила о кургане Каменщика. И вдруг поняла: этот могильный холм достаточно велик, чтобы вместить их всех.

Когда на горизонте стал виден багровый отблеск зари, скорчившиеся в своих высоких сёдлах Чёрные моранты стали похожи на липкие от крови алмазы. Скворец, Скрипач и Первый Кулак смотрели, как приближается дюжина всадников. Дождь уже почти прекратился, и над ближайшими крышами начал собираться туман, обволакивавший каменную кладку и мозаику.

– Где твой взвод, сержант? – спросил Дуджек.

Скворец кивнул Скрипачу, который обернулся и направился обратно к люку.

– Они придут, – ответил сержант.

Блестящие, тонкие, как кожа, крылья кворлов – по четыре у каждого – на кратчайший миг словно замерли, и как один, двенадцать морантов оказались прямо над крышей башни. Ровное жужжание крыльев прерывалось щёлкающими командами морантов. Они пронеслись всего в пяти футах над головами солдат и без церемоний опустились прямо за ними.

Скрипач скрылся в комнате внизу. Дуджек положил руку на пояс, взглянул на морантов, а потом что-то пробормотал под нос и тоже направился к люку.

Скворец подошёл к ближайшему моранту. Лицо солдата прикрывало чёрное хитиновое забрало, и голова повернулась к сержанту с молчаливым вниманием.

– Был среди вас один, – проговорил Скворец, – однорукий. Его пять раз награждали за доблесть. Он ещё жив?

Чёрный морант ничего не ответил.

Сержант пожал плечами и обратил своё внимание на кворлов. Хотя он уже летал на них, эти создания не уставали удивлять Скворца. Крылатые насекомые балансировали на четырёх тонких ножках, торчавших из-под сёдел. Кворлы стояли на крыше, расправив крылья, которые дрожали так быстро, что вокруг них образовался туман из капелек воды. Они вытянули длинные, сегментированные хвосты – разноцветные, длиной в двадцать футов. Ноздри Скворца задрожали, когда до него долетел уже знакомый едкий запах. Гигантская клиновидная голова ближайшего кворла была украшена огромными фасетчатыми глазами и подвижными мандибулами. Две дополнительные конечности – руки, как он предполагал, – были поджаты. Пока он смотрел, голова кворла повернулась так, чтобы левый глаз был направлен прямо на него.

Сержант продолжал смотреть, гадая, что же видит кворл и что может думать, если вообще способен думать. Из любопытства сержант кивнул кворлу.

Голова склонилась набок, а затем отвернулась. Скворец поражённо заметил, что кончик хвоста кворла на миг свернулся. Никогда раньше он не видел, чтобы они так двигались.

Союз между морантами и Империей полностью перестроил имперскую военную машину. Здесь, в Генабакисе, малазанская тактика изменилась – и всё больше зависела от транспортировки по воздуху солдат и припасов. Такая зависимость казалась Скворцу опасной. *Мы слишком мало знаем об этих морантах – никто никогда не видел их лесных городов. Я даже не могу различить, кто из них мужчина, кто женщина.* Большинство учёных полагали, что они были настоящими людьми, но проверить это было невозможно – моранты

забирали своих павших с поля боя. Беда ждёт Империю, если моранты когда-нибудь захотят власти. Впрочем, как ему сказали, их внутренние фракции разных цветов составляли вечно меняющуюся иерархию, а соперничество и конкуренция доходили до фанатизма.

Первый Кулак Дуджек вернулся к Скворцу, и суровое выражение на его лице слегка смягчилось. Из люка послышались спорящие голоса.

– Они пришли, – сказал Дуджек. – Орут на твою новую девочку за что-то – и даже не говори мне, я этого знать не хочу.

Облегчение, которое на миг испытал Скворец, разлетелось вдребезги, как только он понял, что втайне надеялся: Жаль дезертирует. Значит, его люди всё-таки нашли девушку, или она нашла их. Как бы там ни было, судя по всему, ветераны были совсем не рады её видеть. И Скворец не винил их. Неужто она попыталась убить Парана? Кажется, именно это и подозревали Быстрый Бен и Калам.

Больше всех рычал Калам, который вкладывал в свою роль капрала куда больше, чем следовало, и вопросительный взгляд Дуджека заставил Скворца быстро пойти к люку. Он встал у края и заглянул вниз. Все были там, выстроились угрожающим полукругом вокруг Жаль, которая прислонилась к лестнице, словно всё это разбирательство ей смертельно наскучило.

– Тихо! – рявкнул Скворец. – Проверьте припасы и живо сюда, наверх!

Он посмотрел, как они забегали, а потом удовлетворённо кивнул и вернулся к Первому Кулаку. Дуджек потирал культю левой руки и рассеянно хмурился.

– Проклятая погода, – пробормотал он.

– Молоток может снять боль, – сказал Скворец.

– Да не нужно, – отмахнулся Дуджек. – Просто я старею. – Он поскрёб подбородок. – Все ваши тяжёлые припасы уже доставили на место высадки. Готов к полёту, сержант?

Скворец оглядел рифлёные двойные сёдла, которые дыбились на спинах кворлов, как горбы, а потом решительно кивнул.

Они смотрели, как из люка появились один за другим все солдаты взвода, закутанные в дождевые плащи и с тяжёлыми тюками за спиной. Скрипач и Вал шёпотом переругивались, и последний бросил гневный взгляд на Тротца, который наступал ему на пятки. Баргаст развесил всю коллекцию талисманов, безделушек и трофеев на разные части своего мускулистого тела и выглядел теперь, как праздничное свинцовое дерево, которое канцы наряжают на День Скорпионов. Баргасты славились странным чувством юмора. Быстрый Бен и Калам шли по обе стороны от Жаль, оба злые и на взводе, а сама Жаль, не обращая ни на кого внимания, медленно направилась к кворлам. Её ранец был не больше свёрнутого одеяла, а дождевик больше походил на плащ – не армейского образца, доходящий ей до щиколоток. Она опустила капюшон. Несмотря на усиливающийся утренний свет, её лицо скрывала тень. *Это всё, что у меня осталось.* Скворец вздохнул.

Дуджек тихо спросил:

– Как она, сержант?

– Ещё дышит, – холодно ответил Скворец.

Первый Кулак медленно покачал головой.

– Такие молодые они теперь…

Когда Скворец задумался над словами Дуджека, на него нахлынули воспоминания. Когда его с солдатами на время приписали к Пятой армии, ещё до осады Крепи во время Моттской кампании, Жаль поступила к ним в составе новобранцев при Натилоге. Он видел, как девочка поставила на нож трёх местных наёмников, которых взяли в плен в Сером Псе – якобы чтобы получить информацию, но, с содроганием припомнил он, дело было совсем не в допросе. Там не было причин так поступать. Потрясённый, он в ужасе смотрел, как Жаль взялась резать им пах, одному за другим. Он помнил, как поймал взгляд Калама и сделал

отчаянный жест, который заставил чернокожего убийцу рвануться вперёд с ножами наголо. Калам пролетел мимо Жаль и тремя быстрыми движениями перерезал пленникам глотки. А потом случилось то, что до сих пор разрывало Скворцу сердце. Истекавшие кровью наёмники, умирая, *благодарили* Калама.

А Жаль просто вложила свои клинки в ножны и пошла прочь.

Хотя она пробыла во взводе уже два года, его люди по-прежнему называли её «новенькой» и, наверное, так будут звать до смертного часа. В этом был особый смысл, и Скворец его хорошо понимал. Новенькие ещё не были «мостожогами». Нужны были признание, поступки, чтобы тебя перестали так называть. Жаль оставалась новенькой, поскольку одна мысль о том, что она навсегда войдёт в ряды «Мостожогов», сидела, как раскалённый нож в глотке, у всех солдат его взвода. И даже сам сержант поневоле чувствовал то же.

Когда всё это пронеслось в мыслях Скворца, его подвело обычно безучастное выражение лица. Он ответил мысленно: *Молодые? Нет, молодых можно простить, можно удовлетворить их простые потребности, и когда смотришь на них, видишь в их взгляде много знакомого. А она? Нет. Лучше избегать смотреть в эти глаза, в которых нет ничего молодого – совсем ничего.*

– Ну, вам пора выступать, – проворчал Дуджек. – В сёдла все!

Он обернулся, чтобы сказать что-то на прощание Скворцу, но то, что Однорукий увидел в лице сержанта, не позволило этим словам сорваться с языка.

Когда восток начал затягивать небо алым плащом, в городе прозвучали два приглушённых раската грома – один через несколько минут после другого. Последние слёзы ночи скатились по водостокам и зажурчали в уличных канавах. Рытвины заполнились грязноватыми лужами, в которых отражались редеющие тяжёлые тучи. В узких переулках Краэльского квартала Крепи холодная и сырая ночь упорно цеплялась за тёмные ниши. Здесь покрытые плесенью кирпичи и истёртые булыжники мостовой поглотили второй раскат грома, так что эхо не смогло заглушить перестук водяных капель.

По проулку, идущему вдоль внешней стены, мчался пёс размером с мула. Его массивная голова низко склонилась на широких мускулистых плечах. То, что он не попал под ночной дождь, подтверждалось его пыльной, сухой, серо-чёрной шерстью. Морду собаки покрывали серые подпалины, глаза светились янтарём.

Пёс, седьмой среди Гончих Престола Тени, носил имя Зубец и шёл по следу. Его добыча была хитрой и ловко ускользала. Но Зубец чувствовал, что она уже близко. Он знал, что охотится не на обычного человека – ни один смертный не смог бы так долго избегать его клыков. Ещё больше Зубца поражало то, что он даже не видел свою добычу. Но она нарушила границы, бесстыдно вошла во Владения Тени по следу самого Престола Тени и задела все нити паутины, которую сплёл господин Зубца. Единственным ответом на такое оскорбление была смерть.

Пёс понимал, что скоро на него самого начнётся охота, и если загонщиков будет много, если они будут сильны, Зубцу придётся хорошенько потрудиться, чтобы продолжить поиск. Были в городе те, кто заметил грубый разрыв ткани. И меньше чем через минуту после того, как Зубец сошёл с Пути через врата, шерсть на загривке Пса поднялась дыбом: он почуял, что неподалёку поднимается волна магии. До сих пор Псу удавалось скрываться от ищущего взгляда, но долго это не продлится.

Бесшумно и осторожно он двигался через лабиринт лачуг и времянок, лепившихся к городской стене, не обращая внимания на редких горожан, которые вышли подышать свежим после дождя воздухом. Он переступал через бездомных, растянувшихся на его пути. Местные собаки и крысоловы бросали на него один взгляд и тут же пятились, прижимая уши и подметая хвостами грязную землю.

Когда Зубец завернул за угол осевшего каменного дома, утренний ветерок заставил его повернуть голову. Он замер, осматривая противоположную сторону улицы. Тут и там ещё висели клочья тумана, и тепло одетые фигуры уже выкатывали на мостовую тележки мелких торговцев – у Пса оставалось всё меньше времени.

Взгляд Зубца пробежал по улице и упёрся в большую, окружённую стеной усадьбу. Четверо солдат торчали у ворот, без интереса поглядывая на прохожих и переговариваясь между собой. Зубец поднял голову и обнаружил закрытое ставнями окно на третьем этаже.

Предвкушение и радость охватили Пса. Он нашёл конец следа. Опустив голову, он двинулся вперёд, не сводя глаз с четырёх стражников.

Дежурство закончилось. Как только новые стражники подошли, оба сразу заметили, что ворота открыты нараспашку.

– Это что такое? – спросил один из них, глядя на мрачные лица солдат, которые стояли у стены.

– Ночь такая была, – ответил старший, – когда вопросов не задаёшь.

Двое сменщиков обменялись взглядами, а потом первый кивнул старшему солдату и ухмыльнулся.

– Знаю я такие ночи. Ладно, идите. Койки вас заждались.

Старший морпех взялся за пику и, казалось, расслабился. Он посмотрел на своего товарища, но молодой солдат не сводил глаз с чего-то в дальнем конце улицы.

– Думаю, уже поздновато, – сказал новоприбывшим старший морпех, – вряд ли это случится, но если вдруг появится женщина из «Мостожогов», пропускайте её и лучше глядите в стену.

– Смотри, какая собака, – проговорил молодой солдат.

– Понятно, – сказал сменщик. – Жизнь во Второй…

– Только глянь на собаку, – повторил молодой.

Остальные обернулись и посмотрели на улицу. Старший морпех поражённо раскрыл глаза, а потом прошипел проклятье и выронил пику. Остальные не успели сделать и этого – а Пёс уже был рядом.

Рваная Снасть лежала на кровати во внешней комнате. Она так устала, что даже не могла уснуть и смотрела в потолок, прокручивая в голове обрывки событий последней недели. Хоть она сперва и разозлилась, что «мостожоги» втянули её в свои планы, чародейка не могла не признать, что чувствовала при этом удивительное возбуждение.

Желание собрать вещи и уйти по своему Пути прочь от Империи, прочь от безумия и жадности Локона, прочь от бесконечных сражений теперь казалось старым, порождённым отчаянием, которого она больше не испытывала.

Но остаться её заставило не только восстановленное человеколюбие – всё-таки «мостожоги» снова и снова доказывали, что знают, как устраивать свои дела. Нет, она хотела увидеть, как Тайшренна *разжалуют*. Эта истина пугала её. Жажда мести отравляет душу. И похоже, ей довольно долго придётся ждать заслуженного падения Тайшренна. Она боялась, что если так долго будет пить этот яд, то начнёт смотреть на мир блестящими от безумия глазами Локона.

– Слишком много, – пробормотала она. – Слишком много всего и сразу.

Шум у двери напугал её. Рваная Снасть села.

– А-а, – протянула чародейка, – ты вернулся.

– Живой и здоровый, – сказал Локон. – Уж прости, что обманул твои надежды, Снасть. – Марионетка взмахнула маленькой ручкой в перчатке, и дверь за ним сама собой захлопнулась, а щеколда скользнула на место. – Очень их боятся, этих Гончих Тени, – проговорил

он, выходя на центр комнаты, и сделал пируэт, прежде чем сесть на пол, расставив ноги и раскинув руки. Он хихикнул. – А на деле всего только прославленные шавки, тупые и медлительные, обнюхивают каждое дерево. И никак не могут найти хитроумного Локона.

Рваная Снасть снова легла и закрыла глаза.

– Быстрый Бен недоволен твоей неосторожностью.

– Глупец! – Локон сплюнул. – Пусть смотрит! Пусть верит, что это знание даёт ему надо мной власть, пока я хожу, куда пожелаю. О, как он упивается тем, что будто бы может командовать мной – я ему пока что позволю пребывать в этом заблуждении, от этого моя месть будет только слаще!

Всё это чародейка уже слышала раньше и понимала, что он старается ради неё, пытается ослабить её решимость. К несчастью, Локон частично преуспел: она начала сомневаться. Может, он говорит правду: может, Быстрый Бен действительно потерял его, но только сам ещё этого не знает.

– Прибереги свою месть для человека, который отобрал у тебя ноги, а потом и всё тело, – сухо сказала Рваная Снасть. – Тайшренн по-прежнему глумится над тобой.

– Он заплатит первым! – завизжал Локон. Потом сгорбился, обхватил себя руками и прошептал: – Всему свой черёд.

За окном раздались первые крики.

Рваная Снасть вскочила, а Локон завопил:

– Он меня нашёл! Не дай ему меня увидеть, женщина!

Марионетка поднялась на ноги и поспешно заковыляла к своей коробке у дальней стены.

– Убей Пса – у тебя нет другого выхода!

Он рывком открыл коробку и залез внутрь. Крышка со стуком опустилась на место, и коробку окутала аура защитного заклятья.

Рваная Снасть в нерешительности стояла у кровати. Снизу затрещало дерево, и весь дом задрожал. Кричали люди, звенело оружие. Чародейка вытянулась, ужас наполнял её руки и ноги расплавленным свинцом. *Убить Пса Тени?* Ставни задребезжали в такт разлетающимся в разные стороны телам этажом ниже, а потом тяжёлые шаги добрались до лестницы и вопли стихли. Она слышала, как солдаты продолжают кричать где-то на территории усадьбы.

Рваная Снасть потянулась к своему Пути Тира. Сила хлынула в неё и смела парализующий страх. Вся усталость улетучилась. Она выпрямилась и посмотрела на дверь. Дерево затрещало, а потом доски вдруг полетели внутрь, словно их запустили из катапульты, но отскочили от магического щита Рваной Снасти. Двойной удар разломал их, во все стороны посыпались обломки и щепки. У неё за спиной разбилось стекло, ставни распахнулись. В комнату хлынул ледяной ветер.

Появился Пёс, его глаза пылали жёлтым пламенем, а мускулы на высоких плечах мягко перекатывались под кожей. Сила этого создания накатилась на Рваную Снасть, как волна, и чародейка ахнула. Пёс был *стар,* старше любого существа, которое он когда-либо видел за всю свою долгую жизнь. Он задержался в дверях, нюхая воздух. С его чёрных губ на пол капала кровь. Наконец Пёс уставился на окованную коробку у стены слева от Рваной Снасти. Зверь шагнул вперёд.

– Нет, – сказала Рваная Снасть.

Пёс замер. Его массивная голова медленно и размеренно повернулась к чародейке, словно он только что заметил её. Губы вздыбились и открыли поблёскивающие клыки, длиной с большой палец мужчины.

Будь ты проклят, Локон! Мне нужна твоя помощь! Ну пожалуйста!

Белые полоски сверкнули под приподнявшимися веками Пса. Зверь прыгнул.

Он летел так быстро, что Рваная Снасть даже не успела поднять руки, а зверь уже оказался рядом и пробился через её внешние чары, словно они были сделаны из воздуха. Её последняя защита, насколько слоёв Высших щитов, встретили удар Пса, будто каменная стена. Она почувствовала, как во все стороны расходятся трещины, глубокие разломы пробегают по её рукам и груди, а потом раздался треск и хлынула кровь. Сила Пса подбросила её в воздух. Щиты на спине смягчили удар, когда чародейка врезалась в стену у окна. Вокруг в воздух взлетела штукатурка, а по полу рассыпались обломки разбитого кирпича. Пёс припал к земле. Он потряс головой, поднялся на ноги, фыркнул, а потом снова прыгнул.

Рваная Снасть ещё не пришла в себя после первого удара и только слабо выставила перед лицом окровавленную руку, больше ни на что не хватило сил.

Когда Пёс взлетел в воздух, раскрыв пасть, волна серого света ударила зверя в бок и отбросила на кровать справа от Рваной Снасти. Дерево хрустнуло. С рычанием Пёс снова поднялся, перекатился и теперь уже обернулся к Локону, который стоял на своей коробке, подняв руки и поблёскивая потом.

– О, да, Зубец! – пронзительно завопил он. – Я – твоя добыча!

Рваная Снасть обмякла, а потом склонилась набок, и её стошнило на пол. В комнате клубился Путь Хаоса, его миазмы вгрызались в неё, как жестокая чума. Они расходились от Локона видимыми вспышками серого, пронизанными чёрными прожилками света.

Пёс тяжело дышал, разглядывая Локона. Он словно пытался рассеять эти волны силы в своей голове. Глухое рычание зарокотало у него в груди – первый звук, который издал зверь. Широкая голова опустилась.

Рваная Снасть испуганно смотрела на Зубца, а потом внезапное понимание обрушилось на неё, словно молот.

– Пёс! – закричала она. – Он тянется к твоей душе! Спасайся! *Беги отсюда!*

Рычание зверя стало глубже, но он не шелохнулся.

Никто из них не заметил, как открылась дверь в спальню и на пороге появился шатающийся капитан Паран, закутанный в бесцветное шерстяное одеяло, которое прикрывало его до щиколоток. Бледный и мрачный, он шагнул вперёд, его пустые глаза были устремлены на Пса. Пока продолжалась невидимая битва воль между Зубцом и Локоном, Паран подошёл ближе.

Рваная Снасть краем глаза заметила движение. Она уже открыла рот, чтобы выкрикнуть слова предостережения, но Паран успел раньше. Одеяло распахнулось, и показался длинный меч, который тут же сверкнул в глубоком выпаде. Меч вошёл в грудь Зубца, а капитан отскочил, проворачивая клинок. Из горла Зубца вырвался оглушительный рёв. Шатаясь, Пёс отступил к обломкам кровати и прикусил кровоточащую рану в боку.

Локон яростно заорал и прыгнул вперёд к Зубцу.

Рваная Снасть быстро поставила ему подножку, так что кукла отлетела к дальней стене.

Зубец завыл. Со звуком рвущейся мешковины вокруг него распахнулась тёмная трещина. Он развернулся и прыгнул в глубокую тень. Трещина закрылась, оставив после себя только поток холодного воздуха.

Несмотря на боль, Рваная Снасть была потрясена. Она посмотрела на капитана Парана и окровавленный меч у него в руках.

– Как? – ахнула она. – Как ты мог пробить чары Пса? Твой меч…

Капитан посмотрел на клинок.

– Просто повезло, наверное.

– Опонны! – зашипел Локон, вскочил и злобно уставился на Рваную Снасть. – Худ побери Шутов! А тебе, женщина, я этого не забуду. Ты поплатишься – клянусь!

Рваная Снасть отвела взгляд и вздохнула. Её губ коснулась улыбка, когда произнесённые ранее слова приобрели новый, мрачный смысл.

– Ты будешь слишком занят, Локон, чтобы возиться со мной. Ты дал Престолу Тени пищу для размышлений. И ты ещё пожалеешь, что привлёк его внимание. Отрицай это, если хочешь.

– Я ухожу обратно в коробку, – проворчал Локон. – Тайшренн будет здесь через минуту. Ты ему ничего не скажешь, чародейка. – Он забрался внутрь. – Ничего! – Крышка с треском захлопнулась.

Улыбка Рваной Снасти стала шире. Вкус крови во рту стал предвестьем, безмолвным, видимым предзнаменованием будущего, которого, как она знала, Локон не способен увидеть. От этого вкус стал почти приятным. Она попыталась пошевелиться, но холод сковал конечности. Перед её внутренним оком проплывали видения, но стены тьмы сомкнулись вокруг них, прежде чем она что-то разглядела. Рваная Снасть почувствовала, что тает.

Рядом зазвучал требовательный мужской голос:

– Что ты слышишь?

Она нахмурилась и попыталась сосредоточиться. Потом улыбнулась.

– Монета… Я слышу, как вертится монета.

Книга вторая
Даруджистан

Что за ветроворот коснулся чувств наших?
Это грохочет гроза, оцарапав
безмятежные озера воды
и закружив тени дня одного —
как колесо, что несло нас
от рассвета к закату, пока мы
ковыляли своею дорогой…
Что за ворот скрипит, предвещает беду?
Это мягкая зыбь – лишь колеблет
пред нами пробковый поплавок
с пурпурным его ароматом
манящим – будто в доспех
он облачён лепестковый
но лепестки те – не пепел ли
в сумерек мареве алом?..

Рыбак (род.?). Рождение слуха

Глава пятая

И если тебя он узрит в своих снах
как в умиротворённой
ночи
под крепкою веткой
качаешься ты
и тени твоей худоба
укрытая под капюшоном
узлом перехвачена, что на верёвке, —
когда человек тот пройдёт
на ветерке от движенья его
твои окоченевшие ноги
взметнутся
в попытке пустой убежать…

Рыбак (род.?). Рождение слуха

907-й год Третьего тысячелетия
Пора Фандереи, год Пяти клыков
Две тысячи лет с рождения града Даруджистана

Во сне маленький толстый человечек видел, как выходит из Даруджистана через Двуволовые ворота и направляется в сторону заходящего солнца. Он так спешил, что на ветру хлопали потёртые полы его выцветшего красного кафтана. Он не имел ни малейшего представления о том, как далеко предстоит идти. Ноги уже болели. Много горестей в мире, но вот это – всем мукам мука. В минуты пробуждения совести он ставил беды мира превыше

собственных. К счастью, подумал он, случается это нечасто, и уж точно, сказал он себе, не в этот раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.